Сергей Пасханов

РАСКРЫТАЯ ЛАДОНЬ

Ага-Хан и его мюриды

Сергей Плеханов

РАСКРЫТАЯ ЛАДОНЬ

Ага-Хан и его мюриды

Москва

2008

Плеханов С.Н.
Раскрытая ладонь. Ага-Хан и его мюриды. – М.: Книжный мир, 2008. – с., илл.

ISBN 978-5-8041-0313-3

Биография имама исмаилитов, одной из главных ветвей шиитского ислама. Портрет духовного лидера и влиятельного политического деятеля современного мира дан в контексте богатой истории исмаилизма, возникшего в VIII веке.

© Книжный мир, 2008
© Плеханов С.Н., 2008

ИМАМ

Сегодня Памир, граничащий с охваченным нескончаемой смутой Афганистаном – одно из самых малопосещаемых мест на Земле. Хотя изредка летят туда самолеты, идут грузовики по высокогорной трассе, проложенной в советские времена. Но пользуются этими видами транспорта почти исключительно местные жители, сторонние визитеры большая редкость. Исключение составляют, пожалуй, сотрудники AKDN. Аббревиатура, ставшая для памирцев привычной, расшифровывается так: Aga Khan Development Network (Сеть Организаций Ага-Хана по Развитию). Это имя стало сегодня символом надежды для каждого жителя заоблачной горной страны. На склоне горы, нависающей над Хорогом, выложено из камней Welcome Hazar Imam! – Добро пожаловать, правящий имам! Надпись появилась в 1995 году накануне первого визита Ага-Хана в административный центр Горного Бадахшана. Но еще 15-20 лет назад оно воспринималось здесь едва ли не как мифическое. Во всяком случае, мне никто толком не мог объяснить, кто такой Ага-Хан, когда я впервые приехал на Памир осенью 1987 года.

В России и сейчас об Ага-Хане знают мало. Десяток-другой публикаций о нем за несколько последних лет да редкие упоминания по телевидению, когда речь заходит о регионе Среднего Востока – вот и все. На Западе же трудно встретить человека, который не слышал о нем. Правда, сведения об Ага-Хане, появляющиеся на газетных страницах, часто подаются в оправе сенсационности, журналисты, как правило, озабочены обстоятельствами личной жизни и размерами состояния знаменитости. Есть даже книги о нем, вышедшие за то время, что он является имамом (духовным лидером) исмаилитов, которые наполнены разного рода сплетнями и тенденциозно подобранной информацией. Поэтому, пытаясь понять, кто такие исмаилиты, кто такой Ага-Хан и что за роль он играет в современном мире, нужно начинать не с подборки статей из средств массовой информации, а с трудов историков и богословов.

Ибо Ага-Хан – это не только человек, это еще и должность, говоря предельно заземленным языком. Разделить их всегда не просто, личность и ее дело обычно представляют собой единый сплав. В случае Ага-Хана сделать сие еще труднее, ибо эта «должность»

порождена самой историей. Можно ли рассказать что-то о монархе, наследнике славной и древней династии, не упомянув об исторических обстоятельствах становления семьи, властвующей в продолжение жизни многих поколений? Имам исмаилитов даже в сравнении с монархами обладает более древней и почтенной родословной, возводя свой род непосредственно к пророку Мухаммеду. Именно это обстоятельство и дает смысл и вес единственной «должности» на земле. Только по возможности полное ознакомление с историческими обстоятельствами, в которых зародился и в течение четырнадцати веков развивался исмаилизм, может помочь ответить на вопрос «Кто такой и что такое Ага-Хан».

Почему неиссякаем наш интерес к человеку творящему, способному создать нечто не существовавшее – к художнику, поэту, мыслителю, изобретателю? Возможно потому, что в этом своем качестве и только в нем человек подобен Высшей Силе, Создателю Мира. Тем трепетнее внимание, с которым каждое поколение перелистывает страницы жизни тех, кто творил историю. Личность, стоящая на вершине пирамиды власти, пирамиды социума, вообще непознаваема в своей единичной сущности, ибо как всякая вершина она является продолжением, завершением огромного целого. И только потому вознесена на высоту, что является неотделимой частью этого целого. Еще более верно это в отношении личности, воплощающей в себе историческую преемственность, завершающей собой (на данный момент) историческую эпоху. Носители крови исторических деятелей, изменивших ход событий на Земле – драгоценное достояние человечества. Древние народы понимали это куда лучше, чем поколение эпохи всеобщего избирательного права. Именно поэтому наследственный принцип правления и в сфере государственного управления и в духовном руководстве общин господствовал в продолжение тысячелетий. В те сравнительно недалекие от нас времена каждый простолюдин был носителем аристократического сознания. Василий Розанов, еще заставший мир традиционных ценностей, писал, что в своей собственной семье каждый дворник что-то вроде суверенного монарха. Структура патерналистского сознания была едина на всех уровнях общественной пирамиды. Чтобы понять такой исторический феномен, как династии, как вера в сакральную сущность кровного родства, необходимо от вершины пирамиды спуститься к самому ее подножию – и в социальном, и культурно-историческом смысле. Только подержавшись руками, огладив шероховатую поверхность одного малого кирпичика, ле-

жащего в самой подошве строения можно понять, из чего оно сложено, чем является по плоти. Жаль только, что каждый пласт пирамиды мы можем наблюдать только с внешней его стороны. Его внутренняя часть, испытывающая самые страшные нагрузки, недоступна наблюдению. Чем выше идешь вверх, тем меньше площадь очередного слоя, следовательно, относительно большая часть его доступна для обозрения. Пока не достигается верхний горизонт, состоящий всего из одного кирпичика, видимого со всех сторон и отовсюду. Полное подобие истории – чем ниже пласт ее, к которому спускаешься, тем больше и плеч, держащих на себе пирамиду веков. Мы знаем, что существование их бесспорно, что без каждого человеческого существа, держащего на себе здание нашей цивилизации, она была бы невозможна. Но мы никогда не узнаем имен, не увидим их лиц. И тогда мы снова поднимаемся к вершинам, чтобы в них познать отблеск миллиардов глаз, уловить отсвет их душ...

На Западе европоцентризм постепенно преодолевается, там уже научились мерить события и явления прошлого не одной домашней меркой, а понимать их значимость для истории того или иного региона безотносительно того, заприметили их просвещенные европейцы или нет. Еще недавно было не так – все на Востоке сливалось в сплошную пелену невежества и отсталости, и даже историческая личность как таковая на огромных пространствах за европейской околицей не усматривалась. Только потревожившие покой европейского дома Аттила, Чингисхан да Тимур заносились на скрижали истории, впрочем, воспринимались они опять-таки не как личности, а как некие демонические идеограммы лишенного индивидуального начала Востока.

По-настоящему только в конце XIX – начале XX века после трудов выдающихся востоковедов, культурологов и историков, таких как Шпенглер и Тойнби, европейским сознанием начало овладевать понимание того, что история Востока наполнена тем же духовным брожением, теми же идейными схватками и самоотверженной борьбой во имя своих убеждений, которыми велик и прославлен Запад. В России такое понимание пока только пробивает себе дорогу. Даже те круги интеллигенции, которые настроены враждебно к западной цивилизации, невольно руководствуются европоцентристскими понятиями. Нестерпимо почему-то для патриота, если кто-то где-то пропечатает, что русские имеют большую примесь татарской крови, начнет он петушиться, доказывать, что самые коренные арийцы – это мы, что европейская цивилизация нам всем обязана.

С точки зрения таких людей Восток по-прежнему представляет собой сплошное марево, в котором проплывают нечеткие силуэты верблюдов, людей, лошадей и ишаков – равно лишенные осмысленного существования, равно покорные деспотической судьбе. Про ислам и говорить нечего – кто там отличает шиитов от суннитов, все одним миром мазаны, все со своим зловещим Кораном, все готовы в одночасье ринуться на неверных под знаменем джихада. А уж про то, чтобы разобраться в толках внутри шиизма, понять, почему одни идут за Ага-Ханом, а другие ожидают пришествия во плоти какого-то там скрытого имама – это уж совсем из области экзотики. Хотя, если бы историческая память у наших домотканых европоцентристов была подлиннее, они бы должны были знать, что были в русской мысли не только такие, как Владимир Соловьев, пугавший крещеный мир грядущим с Востока антихристом. К сожалению, давно и прочно забыт яркий националист сопредседатель Русского Собрания граф А.А.Бобринский, впервые рассказавший России об исмаилитах и проницательно увидевший в них исторических союзников Российской империи. А первыми учеными, сделавшими достоянием науки основной массив дотоле загадочных исмаилитских рукописей, были русские востоковеды И.И.Зарубин, А.А.Семенов и В.А.Иванов. Последний из них, оставшийся за пределами России после большевистского переворота, всю свою жизнь посвятил исследованию и публикации исмаилитского наследия. Ученый прошел по всем местам, где сохранились руины древних замков и кладбища исмаилитов, побывал в их общинах, затерянных (для всего остального мира) в высокогорных ущельях Гиндукуша и Коракорума. Просвещенный мир получил истинное представление об исмаилитах, их истории и духовном наследии только в XX веке. Но и до сих пор по страницам популярных сочинений кочуют жуткие слухи, впервые пущенные в оборот во времена крестоносцев...

Три темы обычно обозначали авторы известий об исмаилитах: тайный орден, политический террор, наркотики. Дается понять, что эти мрачные явления либо изобретены таинственной исламской сектой, либо особо ею излюблены. Само слово *ассассин*, коим крестоносцы в Палестине называли исмаилитов, вошло в основные европейские языки как обозначение террориста, наемного убийцы, а производные от него стали означать террористический акт или даже просто убийство. Со временем забылось, откуда пошло гнездо этих зловещих слов, так что в XVII-XVIII веках ученые мужи принялись изыскивать этимологию странных словес в итальянском, француз-

ском, английском и немецком языках. И лишь в начале XIX века Сильвестр де Саси показал, что восходит оно к тем исламским сектантам шиитского направления, которых арабы называли *хашишийя*[1]. Так постепенно забытые исмаилиты опять привлекли внимание Европы, тем более что выяснилось: секта не растворилась подобно многим иным в потоке времени, а живет и здравствует в Персии, в английских владениях на Индостане и в приобретенной русскими Средней Азии. Параллельно с изыскиванием корней загадочного слова «ассассин» исследователи углублялись в изучение истории ислама, ибо без познания его реалий нельзя было понять во всей полноте даже одно слово, когда-то занесенное на доспехах крестоносцев из Святой Земли. Тем больше оснований у читателя, знакомого с Востоком не лучше, чем ученые мужи недавнего прошлого, последовать к самым его истокам. К истокам того явления, которое и сегодня дышит скрытой угрозой, тревожа большую часть человечества. Ибо теперь уже гораздо большее гнездо слов расплодилось во всех языках, и они мало помалу становятся спутниками слова ислам – *фундаментализм, экстремизм, терроризм, заложники, священная война*. Как когда-то пугали ассассинами, сегодня начинают стращать исламской угрозой. Примечательная историческая параллель!

Я собираюсь построить свое повествование не только на основании документальных источников. Мне бы хотелось приобщить читателя к процессу разгадывания исторических, этнографических, психологических и иных загадок. Загадок, которые возникли передо мной с тех пор, как исмаилиты и их религиозный лидер Ага-Хан стали одной из тех духовных тем, которые начинают вырастать на жизненном горизонте, постепенно занимая огромное место в твоем внутреннем мире. А начинается всегда как бы случайно, с непредсказуемых пересечений...

---

[1] Сегодня мнение де Саси поставлено под сомнение. Ряд исследователей полагает что слово ассассин происходит от арабского *асас* (основа). Согласно исмаилитской традиции, преемниками Пророка являются аль-асасы – те, кто обладает исключительным правом толкования законоположений религии. Али б. Абу Талиб был аль-асасом Мухаммеда и, следовательно, первым шиитским имамом.

ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

I.

Прилетев в столицу советского Таджикистана теплым осенним днем 1987 года, я имел задание журнала «Смена» подготовить материал о том, как ведется атеистическое воспитание молодежи в этой республике. Для меня тогда существование разных направлений в исламе исчерпывалось разделением на суннитов и шиитов. И только поговорив в Душанбе с комсомольскими работниками, ведавшими вопросами антирелигиозной пропаганды, я узнал, что Горно-Бадахшанская область Таджикистана населена на добрую половину исмаилитами, которые, вроде бы, ни к одной из основных ветвей ислама не принадлежат, представляя собой отъявленных диссидентов, далеко отошедших от правоверия. Такова была самая общая информация – надо сказать, что ведавшие атеистическим воспитанием функционеры не очень-то разбирались в хитросплетениях догматики. То было время, когда по Средней Азии одна за одной прокатывались кампании по борьбе с коррупцией и пережитками прошлого, главным из которых почиталась религия. Незадолго перед тем в этом регионе побывал генсек компартии Горбачев, он-то и поднял очередную атеистическую волну. Редакции журналов и газет, покорные высочайшей воле, принялись в который раз перетирать давно смолотую муку. Под эту оказию и я получил командировку в Таджикистан, хотя совсем не собирался разоблачать малознакомый мне ислам. Я был уверен, что смогу под видом исполнения редакционного задания сделать очерк о религиозных особенностях и обычаях Памира. Такова была обычная практика того времени – и авторам, и редакциям давно осточертели «мудрые указания», исходившие от идеологического начальства, и лучшим способом проигнорировать их было сделать вид, что ты выполняешь их. Разве что не совсем адекватно понял волю верхов.

Почему именно Памир был моей целью? Я намеревался попутно поохотиться на архаров и козерогов, обитающих в поднебесье. С этой целью прихватил из Москвы карабин. И как только формальная часть моего визита в Душанбе – беседы с местными идеологическими борцами – была исчерпана, я отправился на попутном

грузовике в Хорог. Самолетом добраться туда и в те благополучные времена было не просто – из-за сложной посадки в горном ущелье погода должна быть идеальной. А сегодня и автомобиль не назовешь надежным средством передвижения – дорога идет по местам вяло текущей гражданской войны.

Но тогда, повторяю, были другие времена. И мой выбор транспорта оказался наилучшим – Памир постепенно открывался мне во всем своем прихотливом первобытном величии. После почти четырехкилометровой высоты заснеженного перевала Сагирдашт дорога спустилась в долину Пянджа, которая вскоре превратилась в ущелье. Река с глухим ворчанием неслась в каньоне, стены которого, казалось временами, вот-вот сомкнутся. Только кое как заасфальтированная дорога да столбы с проводами свидетельствовали, что ты не у врат преисподней, а на буднично-грешной земле. На противоположном афганском берегу все было не так – ни дорог, ни машин, ни единой привычной приметы цивилизации. По узким овригам (карнизам, сплетенным из веток) карабкались люди и вьючные животные. Под самыми облаками терялись кишлаки, опушенные нежной зеленью садов. Изредка громадные горы расступались, открывая узкие долины, уходящие вглубь страны. В таких местах на нашей стороне обочь дороги виднелись сложенные из камней брустверы с бойницами. Водитель, толстый флегматичный Михаил, объяснил: «Пограничники соорудили. По таким ущельям к границе душманы выходят. Бывает жарко здесь». Лет двадцать проездив по этой трассе, он многое мог рассказать о каждом селении. Михаил стал первым моим гидом по краю, населенному исмаилитами. Начальные сведения о характере жителей я почерпнул из редких и очень кратких реплик моего немногословного спутника...

Когда мы подъезжали к месту нашего ночлега в Калайхумбе, первом крупном населенном пункте Бадахшана на нашем пути, водитель сказал: «Готовить в ГБАО не мастера. Это тебе не Душанбе, не Ферганская долина». Отведав местной снеди, я убедился в его правоте. Во все последующие дни справедливость житейских наблюдений Михаила подтверждалась многократно. Так, он сказал, что купить здесь фрукты или овощи в кишлаках большая проблема. Хотя сады пестрели налившимися яблоками и гранатами, никто не торговал ими при дороге, как это бывает в любой сельской местности. «Памирцы считают торговлю позорным делом. Попроси, даром отдадут, а деньги ни за что не возьмут. В Хороге выстроили современный крытый рынок, но ты там ни одного местного не уви-

дишь. Приезжают узбеки из Оша – за тысячу верст – везут арбузы, дыни, те же яблоки...» Я не поленился проверить истинность этого утверждения – действительно, в обширном добротном павильоне рынка почти все прилавки были пусты. Только несколько торговцев в тюбетейках и синих халатах группировались поблизости от входа. Это показалось особенно удивительно при той скудости, которая царит в типичном памирском доме. Жиденький чай, лепешка и горсть сушеных ягод тутовника – вот обычный рацион здешних жителей. Конечно, если в доме гость, они расстараются – раздобудут баранину и сварят шурпо, поставят на стол кашу-размазню из риса или азиатского гороха. Или по-простецки на русский манер приготовят мясо с картошкой и украсят трапезу бутылкой водки (для того времени высший пилотаж – ибо ГБАО была объявлена зоной трезвости, и туда запрещалось завозить спиртное).

Едва ли сведущий в религиозных вопросах Михаил все же приметил отсутствие мечетей, отличия в отношении к женщине. «У них никогда паранджу не носили, и бабы совсем не такие забитые как в других местах по Средней Азии». Я приметил совсем немного красивых женских лиц, да и те требовали «доводки» на европейский вкус – уж слишком были насурьмлены сведенные на переносице брови, слишком аляповатые побрякушки на запястьях и в мочках ушей. Но потом, присмотревшись, привыкнув к здешней моде, стал примечать гораздо больше привлекательных памирок. Мужчины же сразу показались мне не в пример изящнее европейцев: идеальные фигуры с поджарым тазом и широким торсом, длинные ноги с узкими ступнями, длиннопалые руки с продолговатыми ногтями. Кряжистых, а тем паче пузатых не встречалось. Волосы у памирцев оказались скорее темно-русые, чем привычные для равнинной части Таджикистана иссиня-черные. Носы с горбинкой или прямые, сходящиеся со лбом без переносья («греческие»). Созерцание этих индоевропейских профилей вызвало в памяти оброненную кем-то в Душанбе фразу: «Они считают себя потомками воинов Александра Македонского. Граница его державы проходила как раз по предгорьям Памира».

После двухсотверстного петляния вместе с Пянджем в узких теснинах дорога выбежала в широкую долину. Изменился и характер реки – она разлилась широко, по временам разделяясь на рукава. Хотя высота здесь была значительнее – около 2500 метров. Кишлаки стали встречаться чаще, потянулись поля табака, лекарственных растений, скошенных злаков. Наконец вдали показался Хорог,

живописно раскинувшийся по склонам гор. По виду типично советский город, мало чем напоминающий восточные. Ни минаретов, ни глухих дувалов, за которыми прячутся глинобитные домишки. Мне подумалось, что русско-советское присутствие имеет здесь совсем короткую историю (флаг империи был поднят над Памиром в 1895 году), но с внешней стороны это совершенно интегрированный ее лоскуток. Первое впечатление оказалось точным. Я вскоре убедился в этом, познакомившись с первыми носителями приставки Шо.

Если имя начинается или кончается на *шо* (так трансформировалось в памирских языках персидское *шах*), носитель его наверняка исмаилит. По происхождению. Приходится особо оговаривать это, потому что на ту пору, когда я прибыл на Памир, это понятие для большинства памирцев стало весьма отвлеченным. На мои вопросы о сути исмаилитской религиозной доктрины никто ничего толком ответить не мог. Мои информаторы в Душанбе сообщили нечто полумифическое – исмаилизм-де помесь ислама, буддизма и зороастризма, мечетей и мулл не признает, Мекку вроде бы тоже не жалует, а почитает за живого бога своего религиозного главу Ага-Хана, который обитает где-то в Кашмире. В том направлении будто бы и отбивают поклоны на молитве последователи этого загадочного учения.

Поскольку ни проверить, ни опровергнуть истинность этих утверждений не представлялось возможным, что называется, в полевых условиях, я оставил отвлеченные вопросы до возвращения в Москву. Наблюдения за жизненным укладом, характером и умственным развитием памирцев, казалось мне, смогут дать ответ на некоторые вопросы даже без обсуждения мистических предметов и созерцания религиозной практики. Надо сказать, что и в то время Памир предоставлял богатый материал для сопоставлений и сравнительного изучения в среднеазиатском контексте.

В Горном Бадахшане заметно лучше говорили по-русски. Может быть, отчасти по этой причине мне сразу показалось, что образовательный уровень жителей Памира выше, чем в соседних регионах. Впрочем, вскоре я с удовлетворением отметил, что беглые первые наблюдения подтверждает и статистика – ГБАО выделялась на фоне всей Средней Азии по числу людей с высшим образованием. Притом, что никаких дивидендов в условиях Памира это не давало – напротив, перепроизводство дипломированных специалистов привело к частичной безработице (доходило до того, что адвокаты и врачи работали по очереди – неделю один, неделю другой) – пре-

стиж высшего образования не падал. Напротив, каждый выпускник школы мечтал не о месте бармена или продавца в мясном отделе, а о будущей интеллигентной профессии. Даже для России того времени это становилось в диковинку, буржуазные устремления стали подавляющими в молодежной среде. Среднеазиатский менталитет так никогда и не поднимался выше мечты о сытой и важной должности. На фоне скудной и гордой жизни в поднебесье, в соседстве с Богом – культ знания сам по себе, без всяких сопровождающих образованность приятностей. Это ли не признак высокой духовной организации? Беседуя с памирцами, присматриваясь, как они ведут себя в своем кругу на улице, в учреждениях, в семье, я отметил, что они люди выдержанные, спокойные, вежливые. Чувство собственного достоинства, приметное у горцев вообще, здесь было окрашено опять-таки в неброские тона, не переходя в кичливость. Мне было приятно ощущать и подчеркнуто благожелательное отношение к русским. Я бы даже сказал, что в этом было нечто от национальной солидарности. Уже тогда я задумался о природе такого явления, но ясность в этом вопросе пришла много позже, когда я многое узнал об исторической судьбе исмаилитов...

Дел в Хороге у меня было немного. На второй день я позвонил в местное управление охотничьего хозяйства, и меньше чем через полчаса ко мне в гостиницу примчался охотинспектор Исламбек. Он весь лучился от радости – мне даже неловко стало, что к моей персоне явлено подобное отношение, не такая уж я важная птица, не начальник, от которого что-то зависит, не старый друг. Исламбек сообщил, что находится в отпуске, и с удовольствием отправится вместе со мной в Мургаб, чтобы организовать охоту наилучшим образом. Итак, еще несколько сот километров до восточнопамирского плато, лежащего на высоте более 4000 метров. Если учесть, что Хорог находится на отметке 2500 метров, то мне предстояло перемещение и в иной климатический пояс. Лучшего спутника, чем словоохотливый и благожелательный Исламбек и желать было нельзя.

В 8 утра возле гостиницы остановился видавший виды «Москвич», на котором нам предстояло преодолеть суровый маршрут. Я осмотрел машину с большим сомнением, как выяснилось не беспочвенным. Когда, пройдя КПП пограничников за Хорогом, мы пересекли бурную реку Гунд и заехали в первый кишлак за главным охотинспектором Мургабского района Давлаткадамом (в обиходе Давлат), владелец колымаги объявил, что потек радиатор, и ему придется возвращаться в Хорог для ремонта. Тогда я сильно доса-

довал на непредвиденную задержку, но вышло так, что благодаря этому я смог целые сутки пробыть в крохотном памирском селении, наблюдая неспешную жизнь его обитателей. Поскольку день выдался облачным, и склоны гор тонули в туманной пелене, ощущение своей малости, незначительности, возникающее у подножия многокилометровых громад, совершенно исчезло, по временам возникало ощущение, что я нахожусь где-нибудь на Валдае или на Урале. И, наверное, дело было не только в смазанном пейзаже, но скорее в общем тоне здешней несуетной жизни.

Главным нашим занятием в тот день было торчать на дороге, вглядываясь вдаль, без конца обмениваясь рукопожатиями с какими-то людьми – тут любят «ручкаться» все: старики, дети, женщины даже. Причем не пожимают тебе руку, а просто суют твердую неподвижную длань.

В надежде поймать попутную машину мы простояли до самого обеда, потом снова отбывали вахту, и часам к шести окончательно вернулись в дом Давлата. Походили по кишлаку, состоящему из двух десятков однотипных глинобитных домов. В ущелье совсем мало ровной земли, пригодной для обработки. Да и та усеяна валунами, обрушившимися с нависших над кишлаком склонов. Иные из валунов размером с многоэтажный дом, иные поменьше, но во всяком случае неподъемные. Поэтому во время весенней страды их тщательно опахивают, чтобы сэкономить каждый клочок плодородной почвы. На момент моего приезда хлеба были скошены и свезены на ток. Мы обозрели крохотные поля ячменя и пшеницы, увидели, как на току веют рожь лопатами; весь урожай – это несколько маленьких кучек, которые, наверное, на настоящей веялке нет смысла обрабатывать. Русский мужик ни за какие коврижки не стал бы в таких местах жить, подумалось мне. Какой выносливостью и неприхотливостью надо обладать, чтобы из поколения в поколения карабкаться по этим вздыбленным склонам с мотыгой или серпом – прочищая русла арыков, подводящих воду с поднебесных ледников, сжиная небогатые колосья на жалких полянках...

Тем временем у младшего брата Давлата что-то случилось с животом, вокруг него столпились старухи с величаво морщинистыми лицами, от которых веяло уверенностью и покоем. Мне показалось, что от одного созерцания таких лиц можно почувствовать себя лучше. Женщины ощупывали парню живот, степенно переговаривались, передавали из рук в руки пучки сушеной травы. По-моему, еще не испив отвара, болящий затих, перестал стенать. Со-

биранием трав и лечением в этих местах занимаются некие старцы *табибы*. Они, как говорили мне многие, способны вылечить любую болезнь, включая рак. Но возьмутся за лечение лишь в том случае, если ты лекарю понравишься. Денег он за лечение не берет, поселяет пациента в собственной хижине где-то высоко в горах и потчует его снадобьями из трав, следит за режимом питания.

Что еще запомнилось из нравов этого кишлака, в котором мы провели день? Показались мне символичными фартуки школьниц. Многие ходят в обычном национальном наряде – пестрых штанах и кофтах. Но сверху обязательно белый фартук, ставший неотъемлемым предметом школьной формы в России со сталинских еще времен. Диктатор, пришедший в Кремль с предгорий Кавказа, испытывал ностальгию по всему русско-имперскому – он не только военным старый мундир с погонами вернул, но и школьников к гимназическому облику мечтал подтянуть. Каким-то образом деталь одеяния гимназистки приглянулась и на далеком Памире – быть может, есть нечто общее в психологии горцев? Во всяком случае, позднее я убедился, что сожаление по поводу исчезновения Советского Союза высказывалось в Хороге куда чаще, чем в Душанбе.

Главным эстетическим впечатлением моей первой поездки на Памир было устройство и убранство тамошнего традиционного жилища. Правда, у Давлата как человека государственного масштаба стены дома были украшены не традиционными орнаментами, а расписаны картинками с изображением берез и кленовых листьев. На мой вопрос относительно происхождения этих странных для здешних мест атрибутов Давлат сказал, что они напоминают ему о временах службы в армии в далекой русской стороне, которую он очень полюбил. Во всем остальном он от традиции не отошел. Дом строился как тысячи других по всему Памиру. Главное помещение, накрытое крышей, опирающейся на пять столбов. У стен сбитые из глины лежанки, застеленные курпачами (стеганые одеяла), стопками громоздятся на них подушки в плюшевых наволочках. Посредине – очаг, над которым висит чугунный котел. Дым выходит через отверстие в сводчатой башенке, образованной тремя квадратами балок, уложенных один на другой и обмазанных глиной. Это же отверстие является источником света для помещения, не имеющего окон. Такая конструкция определялась несколькими обстоятельствами, главные из них – возможность выбраться из дома в случае снежных заносов или завалов, а также соображения обороны. До самого XX века жизнь горцев постоянно находилась под

угрозой: междоусобицы и произвол больших и малых феодалов, захват людей и продажа их на невольничьих рынках, угон скота были постоянным явлением. Пожалуй, только с водворением русской власти Памир узнал, что такое спокойствие и безопасность. За столетие без малого пребывания этого края в составе империи исмаилитское население выросло в несколько десятков раз. Впрочем, об этих фактах я тогда еще не ведал, но вполне верно предположил, осматривая типичное для тамошних мест жилище Давлата, что конструкция его отчасти предопределена нелегкой исторической судьбой горной страны.

Ночью я проснулся и на ощупь впотьмах выбрался на двор. Бывшей пасмури не было и следа. Небо сияло звездами. Во тьме угадывались снеговые вершины, похожие на сахарные головы. Громадная, как бы осязаемая тишина накрыла этот мирок, и острое ощущение не только географической окраины, но и настоящего «медвежьего угла» цивилизации разлилось по всему моему существу. От этого «исторического» озноба сон как рукой сняло. Я долго сидел на гранитном валуне, разглядывая небывало близкие созвездия и размышляя о том, наложило ли отпечаток на религиозное самосознание исмаилитов их многовековое пребывание среди гор, ледников и звезд. Сказалось ли на их духовном мире то, что живут они на земле, всегда готовой вздыбиться и похоронить результаты многовекового труда (про мелкие землетрясения, случающиеся чуть не ежедневно, и говорить не приходится).

Прошли еще сутки, пока мы с горем пополам добрались до Мургаба. То и дело останавливались в кишлаках, пили шир-чой (чай с молоком и топленым маслом). Я слушал разговоры на неведомом мне языке, то ли шугнанском, то ли ишкашимском, пытался понять что-то (индоевропейская речь, все-таки). Но с безнадежностью осознал, что распалась великая арийская семья слишком давно, когда считать умели только до десяти.

Восточная часть Памира, входящая в ГБАО, резко отличается от тех местностей, где сосредоточено исмаилитское население. Высокогорное плато – около 4000 метров – напоминает по ландшафту скорее приполярную тундру с ее жалкой растительностью и мягкими складками земли, иной раз переходящими в сопки. Ни отвесных многокилометровых склонов, ни заросших ущелий с бешено мчащимися где-то в полумраке потоками. И словно в соответствии с характером земли изменился и состав населения – здесь преобладают киргизы-кочевники. Тем лучшая возможность представилась

мне наблюдать памирцев-исмаилитов на фоне иной расы, иного менталитета (в сравнении с земледельцем), наконец иной религиозной традиции, при всем том, что в советскую эпоху последнее обстоятельство значительно выхолостилось, трансформировавшись скорее в культурно-бытовые различия.

Охоту в высокогорье можно было бы, наверное, выделить в отдельный вид спорта – своего рода альпинистское пятиборье. Ибо не покорение вершины само по себе, а целый комплекс задач необходимо решить охотнику в процессе поиска и добывания зверя. Подняться на наиболее выгодную точку обозрения местности. С максимально возможной скоростью подойти к обнаруженному животному, не нарушив при этом скрытности. Произвести точный выстрел на расстоянии, далеко превышающем олимпийские нормативы. Стащить со склона, сплошь покрытого валунами, в долину тушу архара или козерога (на Памире они достигают веса в 250 килограммов). Понятно, что массовым такой вид спорта никогда не станет. Во всем мире существует несколько сот любителей такой охоты, представляющих своего рода клуб – рано или поздно на охотничьих тропах мира они «пересекутся» друг с другом или, по крайней мере, услышат друг о друге от проводников или иных участников охоты. Иное дело местные жители – они самими условиями существования поставлены перед необходимостью заниматься такого рода спортом. Но даже в таком житейском деле ярко проявляется несходство характеров двух народов, чересполосно живущих веками. Киргизы стараются избежать «пятиборья» и свести дело к упражнению в стрельбе. Поэтому среди них преобладают охотники, полагающиеся на хороших собак, которые, учуяв зверя, сгонят его с горы вниз, туда, где схоронился хозяин. Совсем другое дело исмаилиты (называю их так не для того, чтобы подчеркнуть религиозные отличия, а ради единообразного обозначения ряда мелких народностей, населяющих долины Западного Памира и говорящих на разных языках). Чаще других со мной ходил Толиб, председатель Мургабского охотобщества. Он, не задумываясь, карабкался на такие откосы, что дух захватывало, не дожидаясь пока я отдышусь на очередном валуне, уходил на самый гребень и подолгу высматривал в бинокль дичь. Если же таковая обнаруживалась где-нибудь в ущелье, с легкостью предлагал мне подождать, пока он спустится вниз и «толкнет» зверя в мою сторону. Пока я успевал забраться на одну вершину, Толиб, бывало, обежит весь гребень и вернется ко мне. Говорю это, естественно, не для сопоставления

со своими скромными возможностями – Толиб был лет на десять, а то и больше помоложе, к тому же ему не приходилось преодолевать симптомы горной болезни – нехватку кислорода, резь в глазах и т.п. Предметом сопоставления является тип охотника-исмаилита, легко, весело идущего на такие кручи, куда иного калачом не заманишь, и киргиза, жителя тех же самых гор, норовящего добыть дичь «по щучьему велению». Неспешный во всем, кочевник и на охоте таков – лучше бросит подраненного зверя, чем станет карабкаться за ним на утес. Я совершенно не имею в виду раздавать здесь оценки за поведение. Киргиз, на мой взгляд, совершенно прав – к чему тратить отнюдь не беспредельные силы на покорение вершин, когда есть возможность перехитрить дичь. Здесь иное – на конкретном житейском примере я постигал для себя, что значат для одного и другого века кочевий и века борьбы за жизнь на отвоеванном у гор клочке земли. Именно эти века «повинны» в том, что исмаилит, привыкший к постоянной борьбе с суровой природой (чего стоит только прокладка арыков в горах и расчистка террас под посев!), изначально выбирает в охоте личное обнаружение зверя и активное преследование. При этом он часто нерасчетливо тратит силы, далеко не всегда добивается успеха. Но полеживать за камнем и ждать – не в его характере.

Вся компания, ездившая со мной на охоту, подбиралась обычно одного состава – либо все киргизы, либо все исмаилиты. Не знаю, всегда ли в тех местах такое раздельное существование или это мне Провидение предоставило возможность для чистого эксперимента. Исмаилитская компания состояла обычно из Толиба, Давлата и Джумы, водителя видавшего виды «УАЗа». При всем различии их индивидуальностей были общие черты, явно отличавшие эту группу людей от такой же группы людей иной расы и языка – киргизов. На фоне таких капитальных сущностных различий разобрать внутрирелигиозные оттенки, конечно, не представлялось возможным. В конечном итоге, и суннизм (у киргизов) и исмаилитская ветвь шиизма признают основные ценности Корана. Но мне в тот момент представлялась возможность только сравнить результат работы истории над разными типами человеческого материала. И толчком к более углубленному ознакомлению с исмаилизмом дали именно те встречи в таком далеком теперь, потонувшем в вечности мире. Скорее всего, все они живы, товарищи тогдашних моих горных сафари, но мир вокруг стал совсем иным. Другая страна, другая история, только горы все те же. Да стал для каждого из них не мифом, а жи-

вой творящей силой тот, во имя которого выложили скалолазы над Хорогом WELCOME HAZAR IMAM!

Статью об атеистическом воспитании я тогда так и не написал, хотя прилежно корпел в библиотеке над немногочисленными сочинениями о Памире и его религиозной жизни. События в Советском Союзе того времени приобрели такой динамизм, что меньше чем через месяц после моего возвращения из Таджикистана редактор «Смены» сказал мне: принято решение праздновать тысячелетие принятия христианства Русью, поэтому с исламом лучше повременить. И милостиво «списал в архив» мою командировку, тем самым освободив меня от нелегкой задачи: извернуться так, чтобы под видом репортажа об атеистической работе написать религиоведческий очерк.

Но благодаря недолгим тогдашним штудиям я прочел две работы графа А.А.Бобринского о горцах тех мест, где мне только что пришлось побывать, «Повесть о стране Памир» советского писателя 20-х годов Бориса Лапина, и толстый труд немецкого ученого Йеттмара «Религии Гиндукуша», посвященный домусульманским верованиям того региона, где исмаилиты составляют значительную часть населения.

Граф Бобринский, увидевший Памир чуть не на столетие раньше меня, был приятно поражен контрастом, которое являло замкнутое исмаилитское сообщество в сравнении с населением тогдашних культурных центров:

«Отдаленность больших базаров, кишлаков и городов, вообще центров местной культуры, избавила горцев от клейма хамства, пошлости и грубости, которыми заклеймена оторванная от своих корней, обезличенная и легкомысленная толпа больших центров. Насколько горцы сохранили чувство самоуважения, мы испытали на самих себе; за время нашего троекратного посещения гор мы не запомним ни одного случая кражи, не запомним, чтобы кто-либо из горцев обращался к нам за милостынею; нам ни разу не пришлось видеть не только драки, побоев, но вообще какого бы то ни было грубого обращения среди горцев. В сношениях между собою горцы вежливы, при встречах, например, они здороваются, подавая друг другу руки, причем не разжимая руки преподносят чужую к своим губам, целуя или делая вид, что целуют ее. С почтением относятся они к старшим; опрятно и с соблюдением известного чина сидят за едою. Повадки и все движения горцев изящны, ничего хамского,

ничего пошлого. Все это признаки древних рас, прошедших через многие века самобытных культур»[2].

Мне было приятно обнаружить сходство моих собственных впечатлений, хотя и поверхностных, с наблюдениями и оценками первопроходца Памира, сподобившегося увидеть этот край в первозданной чистоте, без наслоений западной и советской цивилизации. Но я никак не мог подтвердить или опровергнуть размашистые эскизы Бориса Лапина, побывавшего на Памире в 1927 году. В частности, он набросал характеристику Ага-Хана, весьма напоминающую карикатуры Кукрыниксов: «Кто такой Ага-Хан? Да, разумеется, я слыхал о нем. Его губительное могущество, основанное на поддержке англичан, тянется до самых наших пределов и проникает на Памир. Ага-Хан – это римский папа, далай-лама и хутухта для последователей секты исмаилитов. В наших пределах его последователи сплошной массой населяют всю западную половину автономной Горно-Бадахшанской области Таджикистана. Сам Ага-Хан живет в индийском городе Бомбее, носит титул принца Британской империи, председательствует на всех мусульманских конгрессах и владеет огромными заводами в бомбейском резидентстве. Время от времени он наезжает в Европу, танцует в Париже последние модные танцы, держит лошадей на лондонском дерби, и все европейские журналы помещают фотографии «его высочества принца Ага-Хана на борту яхты «Гималайа» в Марсельском порту»[3]. Этакий Мистер Твистер...

Поскольку тема моей работы была на время снята с повестки дня, я с сожалением отложил ее, понимая, что она может вызвать лишь академический интерес в узком кругу ученых. Но при моем уровне подготовки и знакомства с предметом я никак не мог рассчитывать на создание чего-то весомого. Поэтому до поры до времени мое представление об Ага-Хане осталось на уровне расхожих баек, которые много десятилетий бытовали в Таджикистане.

II.

В первых числах декабря 1989 года греясь в лучах ласкового солнца под мерное покачивание фелюги я переправлялся с правого берега Нила на левый. Мальчишка-нубиец, прихватив зубами подол *галабеи* (длиннополой рубахи), метался от паруса к

[2] *Бобринский А.А.* Горцы верховьев Пянджа. – М., 1908. – С. 49.

[3] *Лапин Б. Избранное.* – М., 1958. – С. 48.

рулю. Полулежа на корме, я спросил переводчика, что за странное здание без окон, увенчанное несколькими башенками с куполами, возносится над пустынным берегом, мимо которого мы проплывали. Строение явно контрастировало с обликом Асуана, курортного городка, до строительства огромной плотины на Ниле известного лишь тем, что он служил зимней резиденцией египетских халифов, хедивов и королей. Переводчик буднично сказал: «Это мавзолей Ага-Хана». Состояние ленивой расслабленности как рукой сняло. Я сел и требовательно воззрился на египтянина: «Кто это?» «Тот Ага-Хан, который был президентом Лиги Наций». Я подумал, что это просто созвучие имен, и погребенный здесь человек не имеет отношения к памирским исмаилитам. А переводчик тем временем продолжал: «Рядом с мавзолеем выстроена вилла для его вдовы, она приезжает и подолгу живет здесь. Когда-то она была королевой красоты в Европе». «Нет, это определенно кто-то другой», подумал я, и на некоторое время забыл об этом эпизоде[4].

Вернувшись в Москву, я заглянул в энциклопедию, чтобы удостовериться, кем же был тот, другой Ага-Хан. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что глава довоенного форума международного сообщества и имам исмаилитов – одно и то же лицо. Среди событий, к которым был прикосновенен Его Высочество Мухаммед Шах Ага-Хан III, таков был его полный титул, оказались переговоры, завершившиеся Мюнхенскими соглашениями. Президент Лиги Наций ездил в Берлин к Гитлеру, вместе с Чемберленом и Даладье вырабатывал хрупкий план умиротворения Европы. К тому же, сообщал советский автор, Ага-Хан был одним из главных агентов британского империализма в Индии. Из шелухи пропагандистских клише вырисовывалась фигура политического деятеля мирового масштаба. С того дня я уже осознанно фиксировал всякую информацию об Ага-Хане и исмаилитах. Хотя и нечасто, она все же проскальзывала в разных изданиях того времени. Одна из книг, переведенная с венгерского, принадлежала перу журналиста Э.Гёмёри и называлась «Сверхбогачи». Мало-помалу я начал осознавать,

[4] Надгробие украшено надписью: «Во имя Аллаха милостивого и милосердного, это мавзолей Султана Мухаммеда Шаха Аль-Хусейна Ага Хана III, рожденного в Карачи 2 ноября 1867 г. Ага Хан был 48-м имамом шиитских имамитов исмаилитов в течение более 70 лет. Он ушел от нас 11 июня 1957 года в Версуа (Швейцария). Его тело было перенесено сюда для упокоения 20 февраля 1959 года. Мавзолей сооружен по приказу Бегум Аль Задуа Умм Хабиби во исполнение воли ее мужа". В начале июля 2000 года бегум (от индийского «госпожа», принятое наименование супруг имамов) – до замужества Иветт Лябрус – скончалась в возрасте девяноста пяти лет и была погребена в том же мавзолее.

что была некая закономерность в том, что приобретенные за два года перед тем поверхностные познания исмаилитской темы теперь вновь пополнились как бы помимо моей воли разноречивой информацией об Ага-Хане.

Мавзолей Ага-Хана III в Асуане

III.

Третий импульс обратиться к теме «Ага-Хан, исмаилизм, ислам» я получил весной 1995 года, побывав в священных городах шиитов Неджефе и Кербеле. Именно тогда началось осознанное движение к этой книге.

Трудно отделаться от мысли, что совсем не случайно земля, священная не только для шиитов, но и для любого мусульманина, уже много тысячелетий назад была одним из духовных центров, свет которого в преломленном виде дошел и до современного человечества. На абсолютно плоской равнине Месопотамии за тридцать веков до возникновения Неджефа (что по-арабски означает *холм*) уже создавали рукотворный холм, имя которому – Вавилонская башня. С оплывших ее останков, опаленных неведомым

огнем страшной силы, далеко видна окрестная пустыня, широкая полоса пальмовых рощ вдоль Евфрата. В полукилометре от руин зиккурата возвышается бирюзовый купол мечети, выстроенной на том месте, где по преданию родился праотец Авраам. В ясную погоду, наверное, можно разглядеть у горизонта и красные знамена, полощущиеся над золотыми куполами Неджефа – он не так далеко отсюда, километрах, может быть, в тридцати к северо-западу.

Когда смотришь с вершины холма Бирс Нимруд (так зовут арабы руины громадной ступенчатой пирамиды) на занесенные песками тысячелетий руины, кто бы ты ни был, ты неизбежно задумаешься о прошлом, о своем месте в потоке времени. Здесь Валтасар прочел на стене дворца огнем горящие письмена «мене, фарел, такел». Где теперь только горячий ветер облизывает остекленевшие спекшиеся кирпичи, великий Навуходоносор, разрушитель израильского царства, приносил жертвы, не ведая, что зиккурат этот станет символом величайшей гордыни. Бирс Нимруд долго считали останками Вавилонской башни, сегодня большинство ученых полагают, что это – руины храма Бэла города Борсиппы, лежавшего по соседству с Вавилоном. Это божество огня и солнца почиталось одним из главнейших, а его великое святилище именовали храмом правой руки. Три тысячи лет спустя в окрестностях этой башни погиб Али, почитающийся *шиитами*[5] наравне с Мухаммедом. Символом персидских шиитов стала рука Али (см. также примечание №36). Через тринадцать веков стилизованное изображение раскрытой ладони правой руки будет одобрено как эмблема Организации Ага-Хана по развитию (AKDN) – осуществляющей свою деятельность на разных континентах, среди людей разных рас, языков и убеждений...

Идея наднационального государства впервые зародилась здесь, в Междуречье, и впервые здесь она была реализована. В трех десятках километров от Бирс Нимруд лежат руины Киша – столицы первой империи в истории человечества. Царь Саргон, воздвигший ее, первый объединил под своим скипетром многие народы и здесь же была реализована идея всемирной империи, всемирной по масштабам IV века до рождества Христова – от Египта до Индии протянулась держава, включившая все самые великие культуры, самые

[5] Название одной из двух главных ветвей ислама (наряду с суннитами) происходит от арабского *шиат Али* (партия Али), приверженцев которой объединяло убеждение в том, что власть после смерти пророка Мухаммеда должна была передаваться в роду Али ибн Абу Талиба, ближайшего родственника Пророка. Суннитами именуют тех, кто кроме Корана признает авторитет Сунны – священного предания о жизни и деяниях Пророка; необходимость духовного руководителя – имама – большинством суннитов не признается.

гордые народы древнего мира. В одном из покоев дворца, тоже лежащего сегодня в руинах в десятке миль от Храма правой руки, умер ее создатель, величайший из царей – Александр Македонский.

Огромные изумленные глаза шумерских царей, устало-жестокие лица владык Вавилона, надменные бородатые лики властителей Ассирии и, наконец, холодный величавый облик Александра – вот, кто взирал из тьмы веков на арабских вождей, овладевших в середине VII века Месопотамией. И не только могучие и грозные сыны человеческие, но и великие и страшные боги Мардук, Бэл, Энлиль, человекобог Гильгамеш, боги Шамаш и Набу, боги эллинов Зевс и Марс. Грозными очами, прожигая столетия, взирали они на дела нового избранника небес, каким почитают шииты первого своего имама Али, над чьей могилой в 661 году был насыпан холм, давший имя городу золотых куполов и знамен цвета пролитой здесь священной крови.

Сбегаю с холма, захожу в лабиринт раскопанных строений. Среди стен сырцового кирпича топорщатся пучки зеленой травы, там и сям проросшей сквозь растрескавшийся глинобитный пол. Иду к ждущей меня машине по земле, белой от соли. На километры тянутся соляные пятна вдоль дорог, там, где стояла, а потом ушла вода. Земля покрыта рыхлым слоем спрессованной пыли, поверхностная корочка разрушается под ногами, и ботинки вязнут в этом нанесенном ветром слое. Такой Месопотамия была не всегда, арабы, наверное, еще застали остатки тех райских кущ, которые были насаждены шумерами. За несколько десятилетий до прихода на берега Евфрата воинов ислама древние оросительные системы пришли в упадок из-за долгого периода войн между Византией и Ираном. Позднее владыки халифата пытались вернуть к жизни эту землю, используя на работах по ее обессоливанию черных рабов *зинджей.* Но даже привычные к ломовому труду невольники не выдержали, восстали, откликнувшись на страстный призыв к справедливости и равенству, который услышали от проповедников новой школы шиитского ислама – исмаилитов.

Проезжаю Куфу, первую столицу Халифата. Сейчас это небольшой городок. Ничего особенного здесь нет, кроме мечети с бирюзовым куполом, обнесенным стеной, малолюдно и скучно. Трудно представить себе это захолустье центром образованности, тиглем духовным, из которого изливались все новые и новые учения. Но история исмаилизма началась именно здесь. Это течение, равно как и почти все другие диссидентские ветви ислама, родилось в Куфе и ее окрестностях. Здесь появилось так называемое куфичес-

кое письмо, которым написаны величайшие книги мусульманского средневековья. Но следов той кипучей жизни не прочтешь сегодня на камнях маленького иракского городка. Я, к тому же, не знал тогда о значении Куфы как отечества шиизма и потому решил не останавливаться до Неджефа, который в десяти километрах оттуда.

Легенда говорит: имам Али, сраженный кинжалом в Куфе на пороге мечети, перед смертью завещал похоронить себя в пустыне. Там, куда довезет его тело пущенный на волю верблюд. Животное прошло от столицы дюжину верст и остановилось. Тут и погребли Али, а над его могилой был насыпан холм, где была построена мечеть, вокруг которой потом уже вырос город.

Когда въехали в Неджеф, бросилось в глаза обилие портретов Саддама Хусейна. Стела на подъезде к мемориальному комплексу Али: огромный портрет вождя в национальной одежде. Чуть дальше еще одна – коленопреклоненный Хусейн на молитвенном коврике. И тут же третий портрет – Саддам с воздетыми руками. И даже когда входили в обнесенный стеной двор мечети, воздвигнутой над могилой имама, нельзя было не заметить неподалеку от ворот фотографию молящегося Хусейна.

Над входом в мечеть – полусвод, исполненный в такой же технике как пчелиные соты, покрытый листовым золотом. Два минарета тоже полностью покрыты сусальным золотом. Огромный золотой купол с навершием, подобным тем, что венчают новогодние елки – несколько, как бы один в другой перетекающих шаров: большой, поменьше, еще меньше, и в конце пика. Рядом с этой пикой полощется красный флаг. Золото и красный цвет – тревожно и величественно.

В годовщины гибели Али и в дни *ашура* (гибель его сыновей Хусейна и Аббаса) здесь собираются сотни тысяч паломников со всего мира. И постоянно живет в Неджефе множество благочестивых людей из разных стран. 14 лет своего изгнания провел здесь религиозный лидер Ирана аятолла Хомейни. Святой город стал тогда приютом для генерального штаба исламской революции. Но не только жить в Неджефе почетно для последователя Али. Шииты, разбросанные по многим странам от Средиземного моря до Индии, почитают за величайшую честь быть погребенными в святом городе подле могилы имама. За тысячи верст везут запечатанные гробы с останками известных заслугами перед Аллахом или просто богатых людей, пожелавших покоиться здесь. Когда я говорю об этом с иракскими сопровождающими, они называют ряд громких для шиита имен. Между прочими упоминается и Ага-Хан. Я протестующе

поднимаю руку: позвольте, он погребен в Асуане. Но недоразумение быстро разрешается – в Неджеф был доставлен прах его отца, Ага-Хана II, который не был так знаменит, да и пробыл имамом исмаилитов совсем недолго.

Обойдя вокруг мечети, выходишь через ворота с другой стороны стены, которой обнесен двор, и наконец понимаешь, каких размеров этот *холм* – отсюда открывается вид на уходящую в синюю дымку даль. И кажется, что там, где в дрожащем мареве сливаются пустыня и небо, сошлись и прошлое с будущим. Переносишься мыслями в те дни, когда начиналась эпопея Али и его сторонников, где берет исток история шиизма.

ДОМ ПРОРОКА

Пророк Мухаммед умер 1 раби 8 года хиджры (8 июня 632 года). У одра его собрались ближайшие родственники и соратники, что было почти одно и то же. Соплеменники все родня друг другу в какой-то степени. У арабов с древности принято «сговаривать» двоюродных брата и сестру, так что племянник становился и зятем, бывало и так, что племянница выходила за дядю. У Мухаммеда, имевшего от одиннадцати жен много дочерей, не осталось прямого наследника – все его сыновья умерли во младенчестве. Да и во втором поколении только Фатима, его дочь от первого брака, властная и умная молодая женщина, состоявшая в браке с двоюродным братом Мухаммеда, имела двух сыновей. Благодаря ей род Мухаммеда не был прерван – 8-летний Хасан и 6-летний Хусейн были надеждой всей общины. Муж Фатимы Али ибн Абу Талиб также стоял у смертного ложа основателя ислама. Многие сподвижники Пророка считали, что по всем статьям ему и надлежало унаследовать и державу, и духовную власть Мухаммеда. Человек набожный, прямой и честный, обладающий даром убеждения, прошедший рядом с Пророком все военные кампании. Таким и представлялся идеальный правитель. Можно предположить, что и внешность Али обладала некой притягательностью – вряд ли были бы так единодушны все знавшие его, когда говорили о его обаянии.

Здесь же находились и другие родственники Пророка. Шестидесятилетний Абу Бакр ас-Сидик, выдавший за Мухаммеда свою дочь Аишу, игравшую в делах мусульманской общины весьма важную роль в последние годы жизни супруга. В первые дни болезни Пророк поручил Абу Бакру руководить общественной молитвой вместо себя. Эта временная должность заместителя (*халифа*) сделалась через некоторое время наследственным титулом владык громадной империи, включавшей большую часть территории Рима в его лучшие годы. Другой тесть Мухаммеда – 47-летний Умар ибн ал-Хаттаб – также прибыл в дом Учителя. Только его ровесник Усман ибн Аффан (он был женат на дочери Мухаммеда) был в отъезде. Все понимали, что с уходом Пророка в иной мир общине мусульман, которая на глазах одного поколения превратилась в могучее государства, непросто будет обрести столь же авторитетного

главу. Реальные шансы стать преемником Пророка были у всех четверых. В течение трех последующих десятилетий никто кроме них и не претендовал на власть – все они последовательно стали халифами. Но даже порядок занятия этого поста стал основой многих трагедий, имевших последствия для мировой истории.

Религию мусульман отличает от всех прочих мировых религий почти полная прозрачность эпохи ее возникновения и становления. Историки располагают огромным документальным материалом, касающимся обстоятельств жизни и деяний Мухаммеда и его преемников. Мы знаем имена всех его ближайших соратников и многих противников, хорошо ориентируемся в генеалогии мекканских родов и племен. Но главное не могут передать даже самые дотошные хронисты, самые подлинные документы – это истинные помыслы людей, определившие те или иные их поступки. Они почти не поддаются реконструкции, хотя нередко можно встретить утверждения, что историк способен воссоздать события и мотивы поступков исторических лиц, «зацепившись» за один какой-то документ, подобно тому, как палеонтолог может по одной кости воссоздать облик давно исчезнувшего вида живых существ. Если бы это было так! В Стамбуле как величайшую святыню хранят волос Мухаммеда, похищенный турками при захвате Мекки. Но сколько не созерцай эту ворсинку, выставленную под мощной лупой, портрет основателя ислама не нарисуешь. Что же говорить о попытках понять, почему в дни, последовавшие за смертью Пророка, его ближайший родственник и единственный мужчина, причастный к продолжению его рода, не предъявил своих претензий на власть. Здесь вопрос мотивов тех или иных действий (а равно бездействия) является ключевым, ибо именно в этой исторической точке берут начало все ветви ислама. Шииты, составляющие около 10 процентов всех мусульман, считают то, что происходило в дни после смерти Мухаммеда, поворотным событием мировой истории. А для исмаилитов, являющихся одной из главных ветвей шиизма, вопрос передачи высшей духовной власти преемнику Пророка – это фундамент иерархической структуры и вероучения. Потому что их высший духовный авторитет – Ага-Хан – является прямым потомком Али...

Итак, понятие *шиизм* происходит от арабского *шиат Али* – партия Али. Признавая законным преемником Пророка ислама только его, шииты основываются на толковании одного из *хадисов* (предания о жизни основателя вероучения). Согласно ему,

18 зу-л-хидджа/16 марта 632 года при возвращении из так называемого Прощального Хаджжа (своего последнего паломничества в Мекку), Пророк остановился в Гадир Хумм, урочище между Меккой и Мединой, чтобы объявить сопровождавшим, кто будет его преемником. Взяв Али за руку, он произнес: «Для кого я покровитель, для того и Али покровитель». Шииты верят, что Пророк получил откровение свыше, обозначив Али как своего преемника и духовного руководителя (имама) мусульман после его собственной смерти. Тогда же произошла передача *насс* – ниспосылаемой свыше духовной субстанции, понимаемой как отдаленный аналог христианской *благодати*. Это событие ежегодно отмечается как один из наиболее важных шиитских праздников.

Но почему же человек, облеченный таким авторитетом, не стал прямым наследником Пророка? Двадцать четыре года правили, сменяя один другого Абу Бакр (632-634 гг.), Умар (634-644 гг.) и Усман (644-656 гг.). Только после убийства последнего в сумятице гражданской войны халифом становится Али. Но в это время уже успевает вырасти могучий конкурент в борьбе за власть – Муавия, наместник Сирии, который отвергает претензии Али. Четверть века достаточно большой срок для формирования знати, нажившейся на военных экспедициях и эксплуатации завоеванных земель и народов. Только Абу Бакру дано было мирно отойти в мир иной. Умара зарубил мечом в мечети раб-иранец. Усмана засекли мечами люди Абдаллаха, сына Абу Бакра. Сам Али пал на пятом году своего правления от руки мусульманина-экстремиста. В том мире действовали суровые законы пустыни. «Кто здесь убит, кто погиб в набегах... Дожил до старости лишь трусливый», писал Абид ибн аль-Абрас, поэт доисламской Аравии (VI в.). Но эти нравы царили еще много веков после принятия ислама.

Али явно выделялся на том фоне своей мягкостью и незлобивостью. Он не стал оппозиционером, когда его оттерли от власти, выбрав халифом ничем не выдающегося, а потому для многих удобного Абу Бакра. Не стал он поднимать своих сторонников и тогда, когда верхушка мусульманского государства предпочла сначала Умара, а затем Усмана. И только в условиях начавшихся по всему Халифату волнений старая гвардия Мухаммеда заставила Али принять власть. Мягкость, которую иные называют нерешительностью, стала косвенным образом причиной его смерти.

Наместник Сирии Муавия ибн Аби Суфьян, сын старого врага Мухаммеда, принявшего ислам только под давлением обстоятельств,

отказался признать избрание Али халифом и выступил против него с большим войском. Когда две армии сошлись при Сиффине на Верхнем Евфрате, военное счастье улыбнулось Али. Дрогнувшее воинство Муавии смешалось и готово было обратиться в бегство под натиском сил халифа. В этот момент над рядами терпящих поражение взметнулись копья со свитками Корана – в знак призыва к разрешению конфликта путем арбитража. Али повелел прекратить сражение и согласился на переговоры. Возмущенная тем, что халиф упустил победу, часть его сторонников ушла прямо с поля боя. От арабского слова *харидж* (уход) они стали именоваться *хариджитами*, и со временем превратились в одну из самых непримиримых сект ислама. Пять лет спустя один из хариджитов ударил Али кинжалом при выходе из мечети в Куфе.

Старший сын Али Хасан был провозглашен халифом после смерти отца. Но пойти на конфронтацию с Муавией, по-прежнему властвовавшим в Дамаске, он не захотел, хотя сторонники Али всячески подталкивали его к этому. Более того, он вступил в переговоры со старым недругом отца и через полгода принял его предложение отказаться от халифата за солидные отступные. Один из нечастых случаев в истории, когда человек предпочитает власти возможность предаться простым радостям бытия. Хасан множество раз вступал в брак, и среди его потомков немало королей и имамов, правивших в разных частях арабского мира. Прожив еще восемь лет после своего публичного отказа в мечети Куфы от халифата, сын Али умер в Медине при невыясненных обстоятельствах; по одной версии, был отравлен людьми Муавии, по другой – смертельно ранен одним из давних врагов Али.

Муавия безмятежно правил империей, при этом не забывая о будущем. Приведя подданных к присяге своему сыну Йазиду как наследнику, он превратил халифат из выборного в наследственный и обеспечил династическую преемственность. Когда в 680 году Муавия умер, Йазид без всяких потрясений воспринял власть. Куфийские сторонники дома Али призвали его младшего сына Хусейна, жившего в Медине, выступить против Йазида. Посыльные уверяли, что вся Куфа и за ней Ирак поднимутся против узурпатора власти, по закону принадлежащей потомку Пророка. Откликнувшись на этот призыв, Хусейн в сопровождении небольшой группы родственников и приближенных направился в Месопотамию. Тем временем восстание было подавлено в зародыше, но Хусейн, узнав об

этом, не пожелал повернуть обратно. 10 мухаррама 58/10 октября 680 года четырехтысячное войско халифа окружило лагерь Хусейна в местности Нинава, где позднее возник город Кербела. Внук Пророка, его брат Аббас и оставшиеся с ними 70 человек вышли навстречу врагу. Поначалу никто из воинов Йазида не решался напасть на Хусейна из боязни пролить священную кровь. Но потом все же набросились толпой и изрубили потомков Мухаммеда и их близких.

Исмаилиты считают Хусейна вторым имамом после Али, ибо уступка Хасаном прав на халифат Муавии признается незаконной. К тому же сам Али назначил своим преемником Хусейна (имам *мустакар*, т.е. установленный), а Хасана определил как временного имама, своего рода регента при малолетнем брате (имам *мустауда*). С гибелью Хусейна шиизм окончательно оформился как самостоятельное направление в исламе. Главным его постулатом является руководство исламской общиной со стороны имама, происходящего из Дома Али. В зависимости от признания прав на имамат за тем или иным *Алидом* (потомком Али) с течением времени от основного ствола шиизма ответвлялись различные толки, школы или секты (любое из этих определений лишь приблизительно передает степень идейного размежевания разных религиозных групп). Но еще приблизительно 70 лет прошло, пока шиизм стал приобретать черты организованного течения с собственной иерархией и дисциплиной. До поры до времени идеологи и вожди мигрировали между разными группами, преданными идее алидского имамата и оппозиционными династии Омейядов, потомков Муавии.

Это смутно различимое теперь прошлое было наполнено идейным брожением, духовным поиском, прозрениями и дискуссиями. Проиграв в ходе нескольких восстаний, шииты со всей страстью устремили свои надежды на помощь свыше. Мистицизм, замешанный на древних верованиях Месопотамии и Ирана, сфокусировался на фигуре богопоставленного наследственного правителя, правящего по данному ему от Всевышнего закону. Такое восприятие власти было привычно для населения земель, где издревле правили царижрецы, сыны богов. И напротив, со времен военной демократии свойственная арабам выборность, закрепившаяся в суннитском мировоззрении, была чужда народам, которые во все большем числе стали пополнять ряды шиитов, оставляя прежние зороастрийские, манихейские, христианские верования. В этом кипящем котле выкристаллизовались идеи, ставшие духовным орудием антиомейядской революции, сотрясшей Халифат в 749-50 гг. Восточная часть

империи, населенная по преимуществу неарабами, оказалась особенно восприимчивой к идеологии протеста, трактовавшей режим Омейядов как узурпаторский, преступный и несправедливый. «К богоугодному из рода Мухаммеда!» – этот шиитский лозунг давал ясную альтернативу существующему порядку, ибо всем было ясно, что требование передать власть Дому Пророка подразумевает: все тогда пойдет по-Божьему, как в Коране предписано.

Однако воспользовались плодами десятилетий антиомейядской пропаганды не Алиды, а другая ветвь рода хашимитов, к которому принадлежали и Пророк, и Али. Потомки Аббаса, дяди Мухаммеда, которым, по преданию, имамат был передан внуком Али от его второй жены Хаулы, в начале восьмого века примкнули к тайному обществу шиитов[6]. И когда после смерти очередного халифа

[6] Один из авторитетных знатоков истории исмаилизма Фархад Дафтари указывает: «Важный фактор, ответственный за внутреннее разделение шиитов – это различие мнений относительно состава Ахл Аль-Бейт (Дом Пророка – *С.П.*). Как отмечено, шииты изначально верили в святость Семейства Пророка и особые наследственные признаки его членов. Эти признаки отличали шиитского Имама из Ахл Аль-Бейт, и делали его способным вести мусульман под божественным руководством по пути истины. Но в этот первоначальный период, хотя имамы, которые наследовали Хусейну, были в основном из Алидов, Семейство Пророка все еще определялось более широко в старом племенном смысле. Оно включало различные ветви бану (племени – *С.П.*) Хашим, клана Курайш, независимо от того, выводилась ли генеалогия непосредственно от Пророка Мухаммеда. Ахл Аль-Бейт тогда включал потомство Мухаммеда через Фатиму и Али, также как таковое же потомство двух его дядей со стороны отца; не только Талибидов, потомков Абу Талиба (ум. около 619 г.) через его сыновей Али и Джафара (ум. 8/629 г.) [здесь и далее первая цифра – год мусульманской эры, вторая – от Рождества Христова – *С.П.*], но даже Аббасидов, потомков Аль-Аббаса (ум. около 32/653 г.), который принял Ислам только в 8/630 г. По аналогии и семейство Али было источником разномыслия среди шиитов, сплотившихся вокруг трех главных ветвей: Ханафидов, Хусейнидов и Хасанидов. Другими словами, фатимидские и нефатимидские Алиды так же как множество неалидских Хашимитов, все потомки деда Пророка со стороны отца Абд Аль-Муталиба ибн Хашима очевидно признавались членами Ахл Аль-Бейт. Это позже, после прихода к власти Аббасидов, шииты установили для Ахл Аль-Бейт большее количество ограничений, чтобы включить в него только потомков Пророка от Фатимы, известных как Фатимиды (включающих и Хасанидов и Хусейнидов); в то время как большая часть незайдитских [не принадлежавших к последователям Зайда, о нем см. стр. 40 – *С.П.*] шиитов признала хусайнидских Фатимидов. Последнее определение было принято «дюжинниками» и исмаилитскими шиитами. Разногласия относительно состава семейства Пророка не создали серьезных противоречий среди шиитов до смерти Хусейна, пока Алиды с готовностью принимали как Хасана, так и Хусейна как глав их семейства после Али. Но теперь накопившиеся разногласия привели к расколу.

При такой неясности шиизм стал развиваться в двух главных направлениях. Сначала, до прихода Аббасидов к власти, более преобладающей из двух была радикальная отрасль, включавшая несколько связанных между собой групп, которые, начиная с движения Аль-Мухтара, признавали имамами Ханафидов и других Хашимидов (особенно Аббасидов) как получивших их права от Ибн Аль-Ханафийа». (**Daftary F. The Isma'ilis: Their History and Doctrines**. Cambridge University Press, 1992. P.57-58).

в Дамаске началась обычная для тех времен междоусобица между членами правящей семьи, Аббасиды начали действовать. Ибрахим, возглавлявший этот род и считавшийся имамом, направил посланца в Хорасан, чтобы организовать восстание. За два года антиомейядские силы заняли большую часть империи. И хотя последнему из халифов «безбожной» династии удалось уничтожить Ибрахима, брат его все же стал основателем новой династии. При Аббасидах был достигнут наивысший расцвет Халифата как единого целого, как крупнейшей империи Востока после державы Александра Македонского.

ПОТОМСТВО ИСМАИЛА

Появление исмаилитов можно датировать 50-ми годами VIII века, когда имам шиитов – Джафар ас-Садик (Праведный) – лишил своего старшего сына права наследования имамата. Об этом сообщают неисмаилитские источники. Но исмаилитская традиция говорит о том, что имам назначил своим наследником Исмаила. Это произошло спустя 80 лет после гибели Хусейна. Его сын Али Зайн аль-Абидин вполне мирно прожил свою жизнь, заслужив *лакаб* (прозвище) ас-Саджжад (Часто совершающий поклоны в молитвах). Он не претендовал на светскую власть, и скончался в Медине в 714 году. Поскольку он неизменно держался в стороне от борьбы за власть, шииты, жаждавшие действия, пошли не за ним, а за его дядей Мухаммедом, сыном халифа Али от второй его жены Хаулы (из рода бану ханифа). Мухаммед ибн ал-Ханафийа (*нисба* от материнского рода) был по аналогии объявлен его приверженцами истинным наследником Али, как единственный из оставшихся в живых его сыновей – поскольку имамат последовательно перешел сначала к Хасану, затем к Хусейну. Этот третий сын Али не старался столь подчеркнуто отстраняться от пылких борцов за восстановление попранных прав Алидов, которые создали широко разветвленное тайное общество с центром в Куфе. Подполье из года в год разрасталось, сея в восточных районах Халифата недовольство и ненависть к Омейядам. По легенде, когда в 700 году Мухаммед ибн ал-Ханафийа умер в Хумайме в доме своего родича Али ибн Абдаллаха ибн ал-Аббаса[7], то завещал ему передать имамат малолетнему сыну Али, тоже носившему имя Мухаммед. Позднее большинство шиитов ставило этот факт под сомнение. Однако, несомненно то, что Аббасидам было передано и руководство тайным обществом. Овладев таким могучим инструментом борьбы за власть, эти дотоле лояльные к Омейядам родичи Пророка вдруг сделались врагами правящей династии.

Тем временем дом Хусайнитов по-прежнему пребывал в отдалении от земных сует. Преемником Али Зайна ал-Абидина, а следовательно, пятым после Али б.[8] Абу Талиба имамом стал Мухаммед. Лакаб этого имама ал-Бакир («Вскрывающий сущность зна-

[7] Их деды были родными братьями и, соответственно, оба были дядями Пророка.

[8] Здесь и далее сокращенное *бин* – сын такого-то.

ний») позволяет судить о его образованности и авторитете в делах веры. Он умер также в Медине в 732 году. Именно на имамат его сына Джафара пришлась антиомейядская революция. Но пятый имам[9] отказался принять власть как глава Алидов, несмотря на настойчивые предложения поступавшие из Куфы после низвержения Омейядов. Более месяца тянулось ожидание, пока имамом, а следовательно и халифом не был объявлен потомок Аббаса. По всей видимости, Джафар понимал, что господами положения являются проаббасидские силы, и не рискнул повторить судьбу своего прадеда Хусейна. Есть и второе возможное объяснение этого отказа от власти. Джафар был весьма ученым человеком, знатоком множества богословских дисциплин, астрологии, алхимии, магии. И потому принципиально державшимся в стороне от политики. В частности, Джафар осудил своего племянника Зайда за призывы к вооруженной борьбе с Омейядами (он и погиб в сражении против войск халифа). А впоследствии и собственного сына Исмаила будто бы лишил права наследования имамата за проявленную им благосклонность к так называемым крайним шиитам. Но на этом эпизоде придется остановиться подробно несколько позднее...

Как бы то ни было, при жизни имам Джафар признавался самым выдающимся и, если так можно выразиться, наиболее легитимным из Алидов, особенно после того как погибли виднейшие потомки Хасана и Хусейна, одни в борьбе против Омейядов, другие против новой династии Аббасидов. Вокруг Джафара ас-Садика сложился обширный круг людей, прославленных своей ученостью. Многое из того, что было написано богословами и знатоками права, входившими в окружение имама, пережило века, став основой множества доктрин во многих областях знания. Самому Джафару приписываются десятки работ, которые до сего дня пользуются высоким авторитетом как среди шиитов, так и суннитов.

Духовное наследие пятого имама стало идейным фундаментом почти всех направлений шиизма. Главными положениями его доктрины определяются поныне основополагающие понятия имамата, то есть духовного руководства исламской общиной в целом и ее частями. Во-первых, Джафар указал на отсутствие взаимозависимости халифата и имамата, то есть светской власти и власти духовной. Вовсе не обязательно для потомка Али добиваться тро-

[9] Если считать от Али б. Абу Талиба, Джафар ас-Садик был шестым человеком, исполнявшим обязанности имама; однако, исмаилиты считают его пятым по счету имамом, так как, по их мнению, отправление старшим сыном Али Хасаном было временным, до передачи имамата Хусейну. Вероятно, добровольный отказ Хасана от халифата дает основание для такого толкования преемственности в Доме Али.

на, он может оставаться духовным вождем мусульман в силу обладания передающимся по наследству *насс* (благодатью), который был получен Али от Аллаха через посредство Пророка. Это положение обеспечило сохранение Алидов и перевело энергию шиитов из социального в религиозно-нравственное русло. А обоснованный Джафаром ас-Садиком принцип *такийа* (сокрытие) позволял не только руководителю шиитов, но и рядовым верующим обеспечить выживание во враждебной среде. Согласно ему в случае опасности любой шиит может скрыть принадлежность к своему *мазхабу* (пути)[10].

Вторым основополагающим положением было то, что имаму дано свыше знание, позволяющее разрешать все проблемы, возникающие в жизни общины. Безгрешность имама и безошибочность его решений должны были приниматься как аксиома, а непризнание имама приравнивалось к неверию в Аллаха. Наибольшие последствия для судеб шиизма имело установление имамом Джафаром, так сказать, пределов святости внутри Ахл Аль-Бейт (всех вместе взятых потомков Пророка). Носителями благодати имам считал даже не всех Алидов, но исключительно Хусайнидов, то есть потомков Хусейна, погибшего 10 мухаррама 680 года. Вследствие чего отсекались претензии на имамат не только многочисленных потомков Али, но и самих Аббасидов, только что пришедших к власти, и весьма ревниво относившихся к любым потенциальным конкурентам. Таким образом, при всей внешней безобидности и отстраненности имама Джафара, он выковал тот духовный меч, который проложил путь к власти для нескольких ветвей Хусайнидов в разных частях мусульманского мира.

Память о пятом имаме оказалась столь стойкой, что даже спустя тысячу лет в глухих уголках, где обитали исмаилиты, его именем назывались мазары[11], из уст в уста передавались рассказы о его жизни и деяниях, часто мифических.

[10] Богословско-правовая школа, толк, доктрина.

[11] Памятные сооружения в честь мусульманских святых, которые весьма условно можно сравнить с христианскими часовнями – обычно здесь совершаются моления. Граф А.А.Бобринский, был одним из первых европейцев, увидевших мазары Памира. Он дал такое определение: «На Пяндже, как и во всех странах мохаммеданского мира, существуют так называемые мазары, по местному зиарет, остун. Эти мазары обыкновенно представляют из себя небольшие четырехугольные здания с выпуклой или куполообразной крышей, с небольшим помещением внутри, в котором находится или могила чтимого святого, или же несколько предметов, имеющих отношение к святому, в честь или память которого построен мазар. К особо чтимым мазарам пристраивается иногда более или менее обширное помещение для молитв, две-три кельи для лиц, охраняющих и обслуживающих его. Мазар не всегда служит могилою, а часто подобно буддийским ступам служит просто памятником в честь особо чтимого мужа или особо знаменательного для данной местности события». (Указ. соч. – С.114.).

Центральное значение Джафар ас-Садик занимает еще и потому, что это последний имам, признаваемый как основной частью шиитов, так и исмаилитами разных направлений. Первые именуются по-арабски *исна-ашарийа* то есть «двунадесятники», «дюжинники», «двенадцатиричники» – оттого, что признают 12 имамов, последовательно руководивших шиитами. После Джафара, считают они, имамат перешел к его второму сыну Мусе ал-Казиму, поскольку старший сын имама, Исмаил, скончался задолго до смерти Джафара. Исмаилиты же продолжают род имамов именно от Исмаила. Его имя стало этнонимом этой ветви шиизма.

Есть, впрочем, и расхождения в числе имамов, следовавших за Али б. Абу Талибом. Исна-ишарийа признают Хасана имамом номер два, поэтому Джафар значится у них как шестой имам. Возможно, это вызвано необходимостью приведения числа имамов к священному числу12[12], так как последний шиитский имам Мухаммед б. Ал-Хасан б. Али по прозвищу ал-Худжжа («Доказательство Бога для людей»), исчезнувший в малолетстве вскоре после смерти его отца Хасана ал-Аскари (874 г. от Р.Х.), ожидается в конце времен в качестве Махди (мессии), который установит на земле царство Божие.

Нетрудно после этого сформулировать основное отличие исмаилитов от остальной массы шиитов – если последние уповают на пришествие Спасителя как на итоговое событие земной истории, то исмаилиты руководствуются убеждением, что их имам всегда с ними. Следовательно, развитие, с исмаилитской точки зрения, имеет непрерывный характер – хотя часть имамов правили открыто, а другие пребывали в так называемом *сатр* (сокрытии), осуществляя руководство общиною через посредников. В их картине мира эсхатологические ожидания не занимают такого важного места как у двунадесятников, их духовный вождь всегда с ними, что делает их земное существование самоценным. Отсюда, наверное, отличающая исмаилитов практичность, цепкость, обеспечившая выживание в экстремальной среде – веками они селились в неприступных и скудных горных районах.

---

[12] Во многих религиозных системах оно имеет важное значение, например, у истоков христианств стоят 12 апостолов, которые крестили 12 различных регионов Земли, то же самое разделение на 12 регионов или джезира (островов) было принято позднее исмаилитами в целях координации пропаганды своего учения

В ПОДПОЛЬЕ

Общее число шиитов на земле оценивается в 90-100 миллионов. Это около одной десятой всех мусульман. Среди шиитов же более 80 процентов – исна-ашарийа. Они составляют большинство населения Ирана, Ирака, Бахрейна. Большие и влиятельные общины имеются в Саудовской Аравии, Сирии, Ливане, Кувейте, Афганистане, Азербайджане и Пакистане. Но в первой половине II века мусульманской эры (730 – 780 гг. от Р.Х.), когда происходило разделение на суннитов и шиитов, а затем и выделение различных направлений внутри шиизма, все еще было настолько перемешано, что никто не мог определить, какие области арабской империи склонны поддержать то или иное течение. Это теперь, по прошествии веков, историки могут уловить какие-то закономерности в распространении тех или иных идейных течений, объяснить их социальными, национальными противоречиями, расовыми и культурными различиями.

Но в тот далекий 148 год по мусульманскому летосчислению (765 от Р.Х.), – ведущемуся с ухода пророка Мухаммеда из Мекки в Медину (Хиджра), – когда скончался имам Джафар, а затем через 70 дней и его сын Абдаллах, будущие исмаилиты и дюжинники спорили в основном из-за того, кого признать новым имамом. Исмаил умер несколькими годами ранее кончины Джафара, но пока был жив отец, вопрос наследования имамата не стоял. Огромный авторитет имама объединял воедино почти всех приверженцев Алидов, как сторонников решительной борьбы против узурпаторов власти в халифате, так и тех, кто стоял за мирное сосуществование с Аббасидами. Последние, придя к власти с помощью мощного тайного общества, созданного когда-то Алидами, весьма подозрительно относились ко всякой оппозиции, усматривая в каждом ее проявлении руку новых подпольных орденов. Расправившись сначала с главными вождями шиитов, новая династия принялась преследовать Алидов. После ряда восстаний и гибели виднейших представителей Алидов, их сторонники, потеряв вождей, переходили в число людей Джафара, а поскольку среди них значительная часть придерживалась крайне радикальных взглядов, они стали концентрироваться вокруг Исмаила, который, по утверждению некоторых

средневековых авторов, благосклонно относился к экстремистскому крылу партии Али. Прошло всего несколько лет после аббасидской революции, и сменивший Омейядов режим многим казался недолговечным, поскольку не обладал, по мнению новых революционеров, достаточной легитимностью. Вряд ли кто из них мог предположить, что династия «узурпаторов» продержится на троне 500 лет. После каждой революции многим кажется, что новая власть вот-вот рухнет. Но события чаще развиваются по русской пословице «Заведутся злодеи на три дни, а не выживешь довеку».

Известно, что имам Джафар публично проклял одного из самых пылких своих сторонников – Абу-л-Хаттаба – за то, что он призывал своих сторонников молиться Джафару, как воплощению бога. Именно этот увлекающийся человек, а следовательно и его группировка были наиболее близки Исмаилу, горевшему желанием бросить вызов Аббасидам. Понимая, какую смертельную опасность таит в себе это, Джафар, по всей вероятности, пытался образумить сына. Предание говорит, что он лишил его права наследования имамата, причем шииты исна-ашарийа утверждают, что такое решение имам принял из-за склонности Исмаила к вину. Похоже на стремление опорочить конкурента на бытовом уровне, ибо бороться с памятью воинствующего Алида куда сложнее, чем с тусклым образом некого пьянчужки. Прием весьма распространенный и в прошлом, и сегодня.

Как бы то ни было, видимо вопрос наследования имамата Джафаром не был решен однозначно, ибо при том огромном авторитете, которым обладал ас-Садик, вряд ли значительные группы его последователей откололись бы от ясно обозначенного им наследника. Если даже предположить, что завещание такого рода было сделано в пользу второго сына имама Абдаллаха, его скорая смерть должна была породить запутанную ситуацию подобную той, что сложилась после смерти Хасана, сына Али – в то время самая концепция имамата находилась в зародышевом состоянии, не была отделена от идеи наследования светской власти (халифат). Если даже предположить, что Джафар лишил старшего сына права наследования имамата, придется согласиться, что в определенный период жизни Исмаил был носителем *насс*. Тогда возможна была передача благодати от него к его сыну, что и было признано теми, кто позднее стал именоваться исмаилитами. А если допустить при этом, что Абдаллах не успел объявить своего преемника (обстоятельства его смерти тоже неясны), то легитимность передачи имамата по линии сыновей-первенцев становится весьма убедительной. Через две-

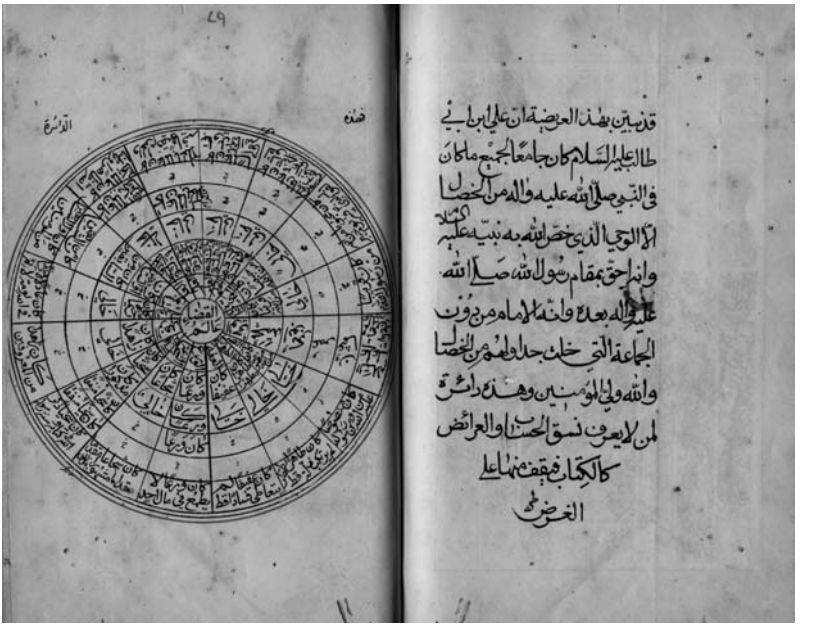
надцать веков это может показаться мелочью. Но из-за таких «мелочей» в средние века вспыхивали жесточайшие гражданские войны, в которых гибли народы и государства. Углубляясь в историю, стоит оставить на время критерии восприятия действительности, свойственные нашему приземленному прагматичному веку...

Представим себя на месте людей, которые оказались без ясно определенного руководителя в эпоху, когда внешний мир был полон угроз, когда споры о власти решались не путем всеобщих выборов, а путем тотального уничтожения возможных конкурентов, их родственников, их друзей, их челяди, их сторонников. Аббасиды почти под корень извели большой род Омейядов, затем принялись за Алидов. Остаться в такую эпоху без вождя – значило иной раз просто исчезнуть, утратить смысл существования. Тем большее удивление вызывает мощь характеров, выкованных тем жестоким и не терпящим компромиссов временем. Что значило для каждого сделать выбор в пользу того или иного претендента на духовную власть? Выбирая, за кем следовать, выбирали либо верную, либо ложную дорогу в вечность. В системе духовных координат общества, всецело основанного на религиозных представлениях, неверный выбор означал либо посмертное воздаяние, либо путь в ад. Потому готовы были принять смерть за вождя, ибо это было не столь ужасно, как сойти с праведного пути. Не оттого ли история знает множество примеров раскола религиозных направлений, дробления их на секты, но нет ни одного примера их слияния. Другое дело, если в результате потери руководителя та или иная община распылялась, становясь своего рода этнографическим планктоном для иных, более жизнеспособных движений или духовных орденов.

Как бы то ни было, одна часть шиитов последовала за имамами из рода Мусы ал-Казима б. Джафара, а другая часть осталась верна потомству Исмаила б. Джафара. Этот мазхаб можно назвать протоисмаилитами, ибо из их среды выделилось еще несколько направлений, пока окончательно сформировалось то, с которым генетически связана современная исмаилитская община, состоящая под духовным руководством Ага-Хана.

Исмаилитская традиция говорит о череде «скрытых имамов», наследовавших Исмаилу. Уже его сын, опасаясь преследования со стороны Аббасидов, ушел в сокрытие, то есть попросту перешел на нелегальное положение, живя под чужим именем. К этому его, надо полагать, подтолкнула судьба его дяди Мусы, признанного за имама теми, кого со временем станут звать дюжинниками. Схва-

ченный аббасидской карательной службой, он закончил свои дни в тюрьме. Еще пять исмаилитских имамов пребывали в сокрытии, пока полтораста лет спустя Абдаллах Саид Убайдаллах не поднял антиаббасидское знамя в Северной Африке. За этот период была отработана система исмаилитской пропаганды, которая, как и во времена антиомейядского подполья, осуществлялась *даи* (проповедниками), назначаемыми имамом из среды приверженцев.



Древняя исмаилитская рукопись

Даи вели индивидуальную обработку кандидатов в секту. Их первой задачей было посеять семена сомнения в истинности господствующего религиозного толка, а уже затем наставники открывали основные положения исмаилитского вероучения. Проходя различные степени посвящения в эту доктрину, новообращенный со временем сам мог стать даи и, в свою очередь, искать и убеждать новых адептов. В силу такого индивидуального подхода исмаилиты не могли обеспечить массированного притока прозелитов, поэтому важное значение они придавали обращению тех, кто занимал видное место в обществе, обладал властью или богатством.

Второй раз в не такой уж долгой истории ислама возникало тайное общество. Первое, приведшее к власти Аббасидов, выполнив свою историческую задачу, было разгромлено теми, кого оно вознесло на трон. Но осколки его стали, по всей видимости, основой нового алидского ордена, поставившего задачей возвращение власти потомку Али и Фатимы. Об этом можно судить хотя бы по тому, что даи были организующей силой и во времена борьбы против омейядского режима. Хотя о революционной структуре, подготовившей приход новой династии, известно мало, по аналогии с новейшими временами можно утверждать, что тайный союз со временем становится вещью в себе и для себя, хотя исторические задачи, ради которых он создавался, давно достигнуты или сняты самой жизнью. Исмаилитская община, ставшая еще более законспирированным орденом, оказалась не просто орудием борьбы за власть, но обрела самостоятельное значение, что позволило ей не только пережить периоды гонений, но и сохраниться за несколько веков пребывания исмаилитских имамов у власти.

Термин *дава* (призыв), появившийся в эпоху подпольного существования исмаилитов, означал распространение вероучения среди представителей господствующего суннитского ислама. Вероятно, пропаганда велась также и среди адептов иных исламских течений, а также неисламских исповеданий, ибо на восточных и западных окраинах халифата они составляли большинство. Не этим ли объясняется отмеченное многими исследователями наличие в исмаилитском учении таких духовных составляющих, которые восходят к зороастризму и христианству, гностицизму и буддизму. Самой влиятельной философской школой был неоплатонизм, имевший много последователей в среде религиозных мыслителей региона, который некогда входил в состав эллинистических государств, возникших из осколков державы Александра Македонского. Исмаилитские трактаты эпохи «скрытых имамов» также несут печать неоплатонизма.

Интенсивность духовных поисков, накал идейной борьбы были, можно сказать, прямо пропорциональны размаху преследований и жестоких репрессий со стороны аббасидского государства. Несмотря на то, что пропаганда велась в условиях строгой конспирации, даи не раз становились жертвами палачей. Известны также случаи массовой резни исмаилитов, следовавшие за их временным торжеством.

Трудно судить об исмаилитском вероучении того времени. Слишком скудны письменные источники – за прошедшие века господствовавшие в исламском мире сунниты методично уничтожали писа-

ния исмаилитов. Одно из немногих дошедших до нас свидетельств того, как воспринимали идеи религиозных диссидентов, – книга Хасана ан-Наубахти «Шиитские секты», написанная как раз в ту пору, когда исмаилитские имамы пребывали в сокрытии. Автор ее, хотя и симпатизировавший гонимому направлению, довольно схематично изложил их воззрения, при этом смешав в кучу как крайних, так и умеренных:

«Что касается исмаилитов, то это – хаттабиты, приверженцы Абу-л-Хаттаба Мухаммеда б. Абу||Зайнаба ал-Асади ал-Аджда́ («Изувеченный»). Часть из них примкнула к партии Мухаммеда б. Исма́ила и признала смерть Исма́ила б. Джа́фара при жизни его отца...

После убийства Абу-л-Хаттаба те куфийцы, которые исповедовали его учение, и другие люди примкнули к Мухаммеду б. Исма́илу б. Джа́фару. И они исповедовали его имамат и твердо его придерживались.

После него секты крайних разделились на многочисленные толки и разошлись [во мнениях] относительно главенства своих приверженцев и относительно их учений. Одна из них говорила, что дух Джа́фара б. Мухаммеда вселился в Абу-л-Хаттаба; затем—после исчезновения Абу-л-Хаттаба – он переместился в Мухаммеда б. Исма́ила б. Джа́фара. И далее они вели имамат в потомстве Мухаммеда б. Исма́ила.

Из них выделилась группа мубаракитов, из тех, что исповедовали это учение, названная карматами…

И они утверждали, что Мухаммед б. Исма́ил – печать пророков, о котором Аллах – велик он и славен! – сообщил в своей Книге, и что мир [состоит из] двенадцати островов, на каждом острове – *худжжа,* и что *худжжей* – двенадцать, и у каждого *худжжи* – *да́ийа* (проповедник), а у каждого *да́ийи* – *над* (рука), – под этим разумели, что *над* – человек, который представляет доказательства и доводы. *Худжжу* они называют отцом, *да́ийу* – матерью, *Над* – сыном, подражая учению христиан о троице: Бог – отец, – да возвеличится и возвысится над этим Аллах в выси высшие! – Помазанный – сын, а мать его – Марйам. Величайший *худжжа* – это Господь, он – отец, *да́ийа* – это *мать,* а *йад* – это сын, – обманывали приравнивающие к Аллаху [других] и заблуждались невероятным и явным заблуждением.

И они утверждали, что все вещи, которые Аллах всевышний предписал своим рабам и которые Пророк его установил и повелел [исполнять], имеют явное и скрытое [значение], и что все то, в Книге

и сунне, чем Аллах поработил людей, по внешнему виду [является] приведенными изречениями, а под ними значения, скрытые сущности вещей, и сообразно с ними [должны] действовать [люди], и в них – спасение. Пользование очевидным из них приносит погибель и несчастье, и это меньшая часть наказания, которым Аллах наказал людей, так как они не познали истину и не исповедовали ее.

Это [является] учением также всех приверженцев Абу-л-Хаттаба.

Они считали дозволенным поднимать меч на людей и убивать их согласно учению хариджитских байхаситов и азракитов о [допустимости] убиения поклоняющихся *кибле,* изъятия их имущества и свидетельствования против них о неверии. И для доказательства этого они ссылались на слова Аллаха – велик он и славен! – «... избивайте многобожников там, где вы их найдете». Они считали [дозволенным] брать в плен женщин и убивать детей и для доказательства этого ссылались на слова Аллаха – благословен он и всевышен! – «...не оставляй на земле из неверных ни одного обитающего в доме». И они утверждали, что из тех, кто не придерживался их мнения, сначала следует перебить тех, кто исповедовал имамат, и, в частности, тех, кто исповедовал имамат Мусы б. Джа́фара и – после него – его потомков. И в этом [смысле] они истолковали слова Аллаха всевышнего: «Сражайтесь с теми из неверных, которые близки к вам. И пусть они найдут в вас суровость», сказав: «Мы должны начать [убивать] с этих; потом – остальные люди».

И они [карматы] – многочисленны, однако у них нет ни силы, ни могущества. А больше всего их в саваде Куфы и в Йемене – возможно, около ста тысяч»[13].

Похоже, ан-Наубахти писал в ту эпоху, когда различие карматов от других исмаилитских направлений еще было не столь явно, как впоследствии. Иначе он не приписал бы всем исмаилитам карматскую нетерпимость к суннитам[14]. Понятно, что результаты

[13] *Ал-Хасан ибн Муса ан-Наубахти.* Шиитские секты. М., 1973 с.166-167

[14] Советский исследователь ислама ничтоже сумняшеся объяснил путаницу в полном соответствии с марксистской догмой: «Связь между исма'илитами (и их ветвью – карматами) и классовой борьбой в халифате можно считать доказанной. И именно участие в социальных движениях аналогичного характера было общей чертой хуррамитов, исмаилитов и карматов. Вот почему суннитские авторы смешивали эти секты». Правда, чуть ниже он приводит более прозаическое, но гораздо более убедительное объяснение: «Разделение исмаилитов долгое время не казалось окончательным. Так как скрытые имамы были окружены глубокой тайной, не вступали в прямые сношения с массой своих адептов и даже самые имена их оставались неизвестными, то разногласия относительно признания их не создавали враждебных отношений между исмаилитами обеих ветвей. И тех, и других часто смешивали и одинаково именовали исмаилитами, семиричниками (саб'ийа) и карматами. Такое положение сохранялось до начала X в.» (*Петрушевский И.* Ислам в Иране. – Л., 1966 – С. 279-280).

да'ва нередко оказывались непредсказуемыми. В том, что в эпоху сокрытия от основного ствола исмаилитской общины ответвилось экстремистское течение, была повинна не доктрина, а жестокость социальных порядков в аббасидском халифате. Исмаилитский даи Хусейн аль-Ахвази обратил в свое вероучение извозчика из окрестностей Куфы Хамдана Кармата. Прозелит оказался рьяным и способным пропагандистом. Став в свою очередь даи, он развил такую активность, что вскоре Южный Ирак весь был покрыт сетью исмаилитских ячеек, из среды которых Кармат рекрутировал новых проповедников. К моменту начала восстания черных рабов (*зинджей*), занятых на тяжелых ирригационных работах, исмаилитская пропаганда, находившая отклик во всех социально ущемленных слоях населения, по всей видимости, уже ассоциировалась с антиаббасидским движением. Так что сформированная из зинджей мощная армия самим ходом событий была обречена стать благодатным полем для проповеди сторонников Кармата, которых именно с тех пор и стали называть карматами. С восставшими в течение 15 лет не могли справиться вооруженные силы Аббасидской империи, за это время и местные земледельцы, и кочевавшие в прилегавших районах бедуины освоили тактику партизанской войны, применявшуюся зинджами. И когда с черным халифатом[15] все-таки было покончено, карматы имели широкую базу среди населения Южного Ирака и Восточной Аравии. И впоследствии сыграли громадную роль в истории средневекового ислама.

Мусульманские писатели IX-XI веков много писали о секте карматов, которая поразила их как безупречной организацией, так и шокирующей новизной духовной доктрины. Даи, стоявшие во главе движения, довольно скоро осознали себя отдельной ветвью исмаилизма. И хотя современники этого различия еще долго не примечали, продолжая именовать карматов исмаилитами, воинствующая секта далеко отошла от умеренных воззрений имама Джафара. А своих недавних союзников исмаилитов стала рассматривать как противников.

Карматские вожди крайне агрессивно относились к суннитам, отвергая практически всю догматику и предписания исламского культа, а последователей господствовавшего в халифате направления рассматривали как врагов, против которых дозволена любая жестокость. Исторические хроники пестрят сообщениями о расправах

[15] Бывшие чернокожие рабы создали собственное государство, обладавшее множеством невольников из числа захваченных пленных.

карматов с суннитами, попрании их религиозных святынь. В самом начале 900-х годов сектантам удалось захватить Лахсу (остров Бахрейн), ставшую ядром карматского государства, постепенно включившего почти все побережье Восточной Аравии. Эта держава достигала порой большого могущества, что позволяло ей вести долгие войны с крупнейшими государствами региона. Во время одного из конфликтов в 930 году карматы захватили Мекку и, выломав из Каабы знаменитый Черный Камень, увезли его в Лахсу.

На фоне серьезных успехов экстремистского крыла исмаилитов в непосредственной близости от жизненных центров халифата усиление влияния умеренных исмаилитов, а затем захват ими некоторых крепостей и городов Йемена был, наверное, не столь чувствительным ударом для Аббасидов. На деле эта отдаленная горная страна стала базой исмаилитской революции, которую готовил талантливый и энергичный Абу Абдаллах. Рассылая по всей империи своих людей, этот даи скрытого имама Убайдаллаха готовил почву для открытого выступления. Во время паломничества (хаджа) в Мекке собирались верующие со всего исламского мира. Исмаилиты устанавливали в священном городе контакты с паломниками из самых отдаленных местностей, узнавали от них о политической ситуации, обращая особое внимание на факты недовольства Аббасидами и их наместниками в регионах. Таким образом удалось установить тесные связи с берберами, преобладавшими среди населения Магриба[16].

В 893 году Абу Абдаллах прибыл в Ифрикийю[17]. Сунниты Аглабиды, господствовавшие здесь, вели постоянную борьбу против свободолюбивых племен, недовольных ростом повинностей и налогов. Западнее Ифрикийи с конца VIII века существовало государство Рустамидов, в котором господствующее положение занимали ибадиты (умеренные хариджиты), равно враждебно относившиеся к ортодоксальным сунниитам и к шиитам. Далее к западу, на территории сегодняшнего Марокко, располагались владения Идрисидов, возводивших свой род к Али б. Абу Талибу, и уже в силу этого терпимо относившихся к шиитским проповедникам. Благодаря этому их идеи уже давно проникли в среду кочевников Магриба. Поэтому призыв

[16] Западная часть арабского мира, в противоположность Машрику (востоку). Условной разделительной чертой между ними считается западная граница Египта.

[17] Провинция аббасидского халифата, включавшая современный Тунис и часть Алжира, территориально совпадавшая с римской провинцией Африка, ставшая независимым эмиратом после того как ее наместник Ибрахим ибн Аглаб фактически отложился от империи в 800 году и основал новую династию Аглабидов.

Абу Абдаллаха и его сподвижников к возвращению к изначальной чистоте ислама и передаче власти достойному из рода Али нашел отклик в сердцах берберов и некоторых арабских племен. А праведная жизнь и дар убеждения исмаилитского даи обеспечили его огромный авторитет во всем Магрибе. Число сторонников исмаилизма стало быстро расти, они сделались значительной силой. И это несмотря на суннитский по преимуществу состав населения региона[18].

Когда имам исмаилитов Убайдуллах, живший со своим семейством в сирийском городе Саламийа, вынужден был бежать оттуда во время восстания карматов в 902 году[19], наилучшим местом для жизни ему представился Магриб, ибо он хорошо знал, что деятельность исмаилитских проповедников принесла ощутимые плоды, а число сторонников достаточно велико, чтобы обеспечить безопасность духовного лидера. Однако, когда имам перебрался туда, ему пришлось спасаться от преследований Аглабидов. В конце концов он поселился в Сиджилмасе на востоке Марокко, но был вскоре заключен в тюрьму по указанию местного князька, признававшего сюзеренитет Аббасидов. Только восстание берберов, руководимых Абу Абдаллахом, привело к освобождению имама, после чего было объявлено о том, что Убайдаллах является махди[20], наследником Исмаила б. Джафара и наиболее легитимным из потомков дочери

---

[18] Русский исследователь М.Чураков отмечал: «…когда споры между знатью разных групп особенно обострялись, находилась сильная инициативная знать, пытавшаяся поднять свой престиж путем предоставления убежища шиитам. Сообщается о двух случаях перемещения их центра, в том числе в Тасрут, вызванное распрями верхов, осложненными спором между вождем сактанитов и Абу Абдаллахом. Вождь новой племенной группы, взявший Абу Абдаллаха под свое покровительство, был из наиболее влиятельных: он поделил с ним функции, оставив себе командование кавалерией.

По этим и другим данным можно представить примерно следующую картину организации сил, руководимых шиитами накануне открытого выступления их. Было сформировано 7 военных групп (аскар), связанных родовой организацией. Их военачальники (мукаддам) подчинялись своему племенному вождю, а параллельно с ними в каждый район назначался местный даи́, находившийся под влиянием главного Даи́. Среди шиитов особо выделялись наиболее преданные – авлийа. Очевидно, кроме приверженных шиизму представителей знати, к ним причислялось население Дар аль-Хиджры и учащиеся школы Абу Абдаллаха, порвавшие со своими родовыми организациями, отдавшие себя всецело в распоряжение Даи́. Опора на них поднимала вес Абу Абдаллаха, ограждала его и его политику от столкновений соперничающих групп, от случайностей колебаний конъюнктуры». (*М.Чураков.* Хариджитское движение и восстание шиитов в Магрибе. Палестинский сборник. – Вып. 13. – М., 1965. – С.134-135).

[19] К этому времени карматы уже явным образом отпочковались от исмаилитов в собственном значении слова, и при случае обрушивались на них с той же яростью, что и на суннитов.

[20] По-арабски: «ведомый верным путем», преемник пророка Мухаммеда, своего рода мессия. Понимался представителями различных направлений мусульманства как восстановитель первоначальной чистоты ислама. Шииты верят, что его пришествие совпадет с возвращением скрытого имама аль-каима.

Пророка Фатимы. Во время похода в Сиджилмасу воины под руководством Абу Абдаллаха ликвидировали ибадитский имамат в Тахерте. А поскольку непосредственно перед тем рухнула и династия Аглабидов, не осталось никаких препятствий для установления господства исмаилитов в Магрибе.

В январе 910 года имам Убайдуллах был провозглашен халифом в Раккаде (современный Тунис), что впервые в истории привело к образованию нового центра собирания мусульманского мира и к многовековой вражде Фатимидов и Аббасидов. Были и менее значимые, но важные последствия провозглашения нового халифата – такие, как окончательное размежевание исмаилитов и карматов. Ибо последние ожидали в качестве махди Мухаммеда ибн Исмаила, седьмого имама. Утвердившийся на Бахрейне радикальный карматский режим стал третьей силой, лавировавшей между двумя сверхдержавами, если уместно применить к средневековью этот современный термин.

Почва для возникновения нового государства во главе с исмаилитской династией была подготовлена не только талантливыми проповедниками во главе с Абдаллахом. Несмотря на то, что ибадиты Тахерта были историческими врагами шиизма во всех его формах, именно их пропаганда подготовила почву для восприятия идей социального равенства и справедливого правления, написанных на знаменах шииитов. При своем появлении в Магрибе ибадизм был также поддержан берберами, коренным населением этого региона. Это свидетельствует о том, какие идеи были особенно близки людям той эпохи. Проповедь равенства всех народов и рас перед Аллахом, отказ признавать какие-либо привилегии увлекали за ибадитскими проповедниками точно так же, как позднее приводили искателей истины в ряды исмаилитов.

Но как нередко случается в истории, именно тот, кто больше всего сделал для победы нового властителя, становится наиболее неудобной фигурой. Уже через год Абу Абдаллах был казнен по приказу Убайдуллаха, не пожелавшего терпеть рядом с собой столь влиятельного деятеля. В точности повторилась история Абу Муслима, убитого по приказу Аббасидского халифа, получившего власть из рук шиитского даи. Можно предположить, что тогдашнее решение имама-халифа имело большие последствия почти два века спустя…

ФАТИМИДЫ

Поначалу фатимидское государство было относительно небольшим, включая часть североафриканской территории и Сицилию. Несколько десятилетий шла борьба за выживание. Окрепнув, фатимидский режим начал внешнюю экспансию, поначалу без ощутимых успехов. Но, захватив в 969 году Египет, династия Фатимидов получила контроль над богатейшей страной Средиземноморья и вскоре затмила мощью и славой прежних халифов, правивших в Багдаде. Тогдашние же Аббасиды и вовсе не могли идти в сравнение с исмаилитской династией. Они к тому времени превратились в номинальных правителей, послушных воле шиитской династии Буидов, в сороковых годах того же X столетия установившей контроль над Месопотамией и Ираном.

Двести лет фатимидская держава была одной из основных сил мировой политики. По временам казалось, что каирские халифы близки к гегемонии на всей территории прежней арабо-мусульманской империи. Тем более что в первую половину правления исмаилитской династии в большинстве регионов исламского мира пришли к власти представители шиитского направления – в Хиджазе с его священными городами, в Йемене, на берегах Персидского залива, в Ираке и Иране. Но, несмотря на общие духовные корни шиитских династий, союз между ними не состоялся. Буидские эмиры сохранили номинальную власть аббасидских халифов, от их имени осуществляя управление вассальными территориями и назначая своих доверенных лиц на важнейшие посты. Некоторые исследователи пишут, что Буиды проявляли враждебность к политическим соперникам Аббасидов, сидевшим на каирском троне.

Мощь государства Фатимидов основывалась на богатстве тех стран, которые находились под их управлением. Не говоря уже о Египте, который с древности считался житницей Средиземноморья, провинция Ифрикийя, включавшая земли когда-то принадлежавшие Карфагену, Палестина и Сирия, давали значительные поступления в каирскую казну. Священные города ислама Мекка и Медина получали щедрую помощь из Каира. Персидский исмаилит Насир-и Хосроу, посетивший родину ислама в середине XI века, писал: «Потолок Ка́бы деревянный, но весь закрыт шелком, так что

дерева не видно совершенно. На фасаде под крышей видна золотая надпись: там написано имя египетского султана[21], вырвавшего Мекку из рук Аббасидских халифов. Это был ал-Азиз ли-Дин-Алла. Кроме того, там имеется еще четыре больших серебряных доски, прикрепленных серебряными гвоздями к той же самой стене. На каждой из них написано имя одного из египетских султанов, каждый из них присылал такую доску во время своего правления».

Упомянутый Насир-и Хосроу фатимидский монарх произвел огромное впечатление на современников и стал для них олицетворением блеска и величия восходящей державы. На фоне упадка и измельчания багдадских властителей халифы Каира воплощали лучшие человеческие качества. Один из виднейших историков мусульманского средневековья набросал истинно царственный образ: «Самая блестящая фигура среди этих халифов – это ал-Азиз (365 – 386/975 – 995) – высокий и плечистый, смуглый, с рыжеватыми волосами и большими голубыми глазами, отважный охотник и знаток лошадей и драгоценных камней. Он был первым представителем того великодушного и благородного сарацинского рыцарства, которое позднее произвело столь огромное впечатление на Запад. Этот халиф разбил одного тюркского вождя, который в свое время, захватив г.Аскалон, заставил египетское войско пройти под обнаженным мечом. Взяв его в плен, халиф не стал мстить за это унижение, а велел предоставить ему свой шатер, лошадей и все, в чем тот нуждался, возвратил перстень с печатью и доверенных лиц, попавших в плен. Во время первой встречи с вождем халиф приказал подать ему чашу шербета и, когда увидел, что тот колеблется, боясь отравы, первый отпил из чаши»[22].

Когда в конце X века шестым по счету фатимидским халифом стал Хаким, держава была в расцвете, казалось, ничто не может остановить не только ее военную экспансию, но и рост духовного влияния. Молодой правитель с невиданным прежде размахом стал субсидировать науку и образование, пропаганда исмаилитского учения стала одной из приоритетных задач государства.

X и XI века были одной из немногих эпох в истории, которые принято именовать временем Ренессанса. Все цивилизации Земли знавали в той или иной степени периоды упадка и возрождения. Для средневековой Европы второе открытие античности совпа-

[21] В ту эпоху термин султан – по-арабски «власть» – употреблялся только применительно к халифу.

[22] *Адам Мец.* Мусульманский Ренессанс. – М., 1996. – С.27

ло с могучим ростом производительных сил, расцветом мысли и искусств. И хотя вызвано было это отнюдь не переосмыслением духовного наследия Греции и Рима, а глубинными процессами в европейских обществах, до сих пор в обыденном сознании эпоха многостороннего расцвета Европы напрямую связывается с воздействием классической древности. В категориях такого сознания и так называемый мусульманский Ренессанс фатимидской эпохи воспринимается как результат воздействия некоего эллинско-римского фермента.

В самом деле, задолго до того, как творения Платона и Аристотеля стали модными сочинениями на столах флорентийских аристократов, философские принципы античной Греции стали методологической основой многих трудов, вышедших из-под пера мусульманских ученых, творивших в фатимидском Каире. Этот город, основанный династией исмаилитских имамов неподалеку от знаменитых пирамид фараонов, стал одним из крупнейших центров образованности. Первый университет Аль Азхар, основанный тысячелетие назад Фатимидским имамом-халифом аль-Муиззом, был ареной свободных научных дискуссий, что было непривычно для тогдашнего мира.

Можно предположить, что особенное покровительство наукам и искусствам, оказывавшееся халифами исмаилитской династии, было связано не с меценатством, а с более фундаментальными особенностями мышления средневековых мусульманских правителей. Особо надо подчеркнуть, что речь идет о династии религиозных диссидентов, полтора века находившихся в подполье, а затем правивших в странах с преобладанием суннитского населения. К тому же, имелась враждебная сила в лице суннитов, олицетворявшихся Аббасидами, опиравшаяся на громадный потенциал восточной части бывшей империи арабов и ведшая пропагандистскую войну против Фатимидов. Так, в 1011 году в Багдаде был провозглашен манифест халифа Кадира, в котором объявлялась ложной алидская родословная Фатимидов.

Социальным заказом со стороны аббасидской династии и группировавшегося вокруг нее суннитского духовенства объясняется создание очень большого числа антифатимидских и антиисмаилитских писаний, появившихся в годы противостояния двух династий. Именно произведениям той эпохи обязан мир основным корпусом сведений об исмаилитах, веками кочевавших по страницам сочинений авторов разных стран. Можно предположить, если бы исход

борьбы был иным, мы сегодня не знали бы этих сочинений, зато знали бы много таких, которые в мрачных тонах изображали бы «некогда могущественных» суннитов и узурпаторов Аббасидов. Во всяком случае, история всех континентов знает примеры подобной перемены симпатий Клио, музы истории, к тем, кто проигрывал исторический спор.

Быть может, попытка объяснить покровительство ученым и писателям прагматическими видами династии, а отнюдь не бескорыстной любовью к каллиграфии и поэзии, покажется более убедительной, если учитывать геополитический контекст, в котором действовали первые имамы, принявшие титул халифов. В момент выступления Фатимидов на политическую арену единовластие Аббасидов уже давно оспаривали испанские Омейяды, закрепившиеся на Иберийском полуострове. Так что с появлением новой династии, заявлявшей что она-то и является наиболее легитимной, так как восходит к дочери Пророка и Али, положение багдадских халифов стало еще более уязвимым. То, что аббасидская пропаганда старалась прежде всего опровергнуть алидское происхождение новой династии, говорит о том, что само по себе право Алидов на занятие трона халифов как бы подразумевалось. Соответственно, и для исмаилитов защита чистоты происхождения своих имамов становилась далеко не схоластическим занятием. Пожалуй, история до той поры не знала столь продуманного подхода к идейной борьбе, какой продемонстрировали исмаилиты. И в этом смысле они могут считаться первооткрывателями.

Со всего исламского мира прибывали сторонники исмаилитской династии в недавно основанный ею прекрасный город ал-Кахира (победоносный), более знакомый европейскому слуху Каир. Здесь они видели отстроенные только что дворцы, облицованные мрамором, снятым с пирамид фараонов, огромные мечети и просторные базары. Но даже среди этих величественных сооружений выделялся Дар ал-Илм (Дом Знания), расположенный рядом с Западным дворцом халифов. Построенный в 1005 году по указанию халифа Хакима, он был обставлен и наделен богатой библиотекой из дворцового собрания. Ежегодно он получал от халифа на свое содержание четверть миллиона золотых монет. Здесь сходились знатоки Корана, астрономы, математики и физики, причем не делалось никаких различий по расе, языку религии или социальному положению. Рядом над научными трудами могли склоняться раб и визирь, христианин, иудей, мусульманин-шиит и мусульманин-суннит.

Фатимидская мечеть Аль Азхар в Каире

Дом Знания, о котором известно из сочинений авторов-современников, посещавших Каир, можно уподобить ведомству пропаганды. Хотя подобная модернизация истории нетерпима в научном исследовании, в рамках данного повествования она вполне допус-

тима, ибо цель автора – дать читателю возможность увидеть прошлое как живую реальность. Что же происходило в этом мозговом центре Фатимидского государства?

Дар ал-Илм также был центром подготовки даи. Им предстояло нести исмаилитский *призыв* (*дава*) во все известные регионы тогдашнего мира, который был разделен на 12 островов (*джезира*). Нетрудно заметить в этом перекличку с организацией евангельской пропаганды, которую в 12 концах мира возглавляли апостолы, непосредственно посвященные Иисусом. Организация исмаилитского призыва строилась по аналогии с членением явлений физического мира – 12 созвездий, 12 месяцев года. Помощниками руководителя пропаганды в каждом из островов (*ан-накиба*) были 30 *накибов*, по числу дней в месяце. Каждый из них имел, в свою очередь, 24 помощника-даи (количество часов в сутках) – из них 12 «видимых» и 12 «ночных». Первые были низшей ступенью проповедников, работавших непосредственно в народной массе, провоцировавших споры и диспуты с представителями господствующего исламского толка на базарах и иных местах стечения людей. Отобранных «видимым» даи неофитов передавали «ночному» для индивидуальной работы с ними и подготовки в их лице новых проповедников, могущих работать в хорошо знакомой среде.

Слушатели мужских и женских классов Дома Знания под общим именем «Собрание Мудрых» внимали не только обычным лекторам, но и визирю, верховному судье и главнокомандующему, встречались и с самим халифом. Записанные лекции представлялись на одобрение главе государства, который ставил на них личную печать. По окончании занятия эту печать потомка Али целовали все присутствующие.

Но не каждый мог стать даи. Прежде всякому слушателю предстояло пройти девять степеней посвящения (*ал-балаг*). Первая состояла в том, что студенту внушали сомнение в истинах религии и нравственности, которые проповедовались другими направлениями ислама. Используя утонченные приемы логики, преподаватели доказывали, что все это – плод предубеждения. Одновременно учащегося подводили к мысли, что общепринятые мнения и истины есть лишь оболочка истинного сокровенного знания. В конце концов слушатель осознавал, что без помощи наставника он не в состоянии отличить истину от неистины и давал клятву безоговорочно повиноваться ему. Этим и завершалась первая степень посвящения.

На второй ступени слушатель постигал ту истину, что имамы – потомки Али – являются носителями истинного знания и благодати, наследственно передающегося от самого Пророка. На третьей ступени учащемуся открывались имена первых семи имамов и те заклинания, с помощью которых обладатель знания мог получить часть того могущества, которыми они обладали, и использовать его в интересах *дава*. На четвертой ступени студент узнавал о шести *натиках* (провозглашающих), олицетворяющих различные ступени Божественного откровения: Адаме, Ное, Аврааме, Моисее, Иисусе, Мухаммеде. А поскольку их учения, изложенные в священных книгах, имеют потаенный смысл, недоступный пониманию обычного человека, каждый из них имел *васи*, помощника, разъяснявшего сокровенное – соответственно Сета, Шема, Ишмаеля, Аарона, Петра, Али и Мухамммада ибн Исмаила, последнего из имамов, известных до периода сокрытия. Он же по своем новом пришествии станет последним, седьмым натиком. На пятой ступени питомцам Дар ал-Илм открывалось знание об оккультной власти. На шестой обучали методам ведения полемики. На седьмой ступени происходило посвящение в Великую Тайну, суть которой в том, что человечество составляет единое целое с природой, что любое явление бытия есть часть целого, включающая как созидательное, так и разрушительное начала. Восьмая степень посвящения давала знание о том, что все религии и философские доктрины есть лишь искажение истины, что истинным знанием обладает только имам, который осуществляет Божественное руководство в силу передающегося ему потомственно *насс*. Исмаилиты верили, что мир не может существовать без имама, представителя Аллаха на земле. На девятой и заключительной ступени будущему проповеднику открывали, что ничто не должно быть источником веры, кроме указаний имама и поставленных им даи, что главное для посвященного – действие по указанию высшего члена исмаилитской иерархии.

Подобным образом обучение строилось в Древней Греции, эти принципы до сих пор применяются в монастырях Тибета. Я сам наблюдал, как юные монахи, меняясь ролями, выступают в богословских диспутах то как защитники, то как противники веры. Конечно, у греков еще не было степеней посвящения. Да и на Тибете в них не было необходимости. Это гениальное изобретение, несомненно, порождено эпохой гонений и подпольной борьбы тех времен, когда алидские даи готовили антиомейядскую революцию середины VIII века.

Естественно, что многое в описанном членении на степени посвящения в сокровенное знание сведено к простейшей схеме. Надо учитывать и то, что нарисованная картина скорее соответствует пожеланиям ее авторов. На деле она была значительно проще, особенно применительно к условиям деятельности даи во враждебной среде.

Голубоглазый блондин Хаким (вероятно, мать его была славянского происхождения[23]) был более, чем другие халифы, увлечен идеей распространения исмаилитского призыва. Этот экстравагантный монарх стремился действительно реализовать идеи социальной справедливости, изначально присущие исламу. Не довольствуясь донесениями своих соглядатаев, он сам облачался в бедняцкие лохмотья и вечерами отправлялся на осле по населенным простонародьем кварталам Каира, чтобы послушать, что думают подданные о своем правителе и о порядках в государстве. В соответствии с услышанными мнениями он принимал решения касательно народных нужд. Понятно, что отрывочная информация, полученная таким способом, не способствовала принятию взвешенных решений. Халиф то издавал указ о запрете торговли вином, то отменял свое решение, то запрещал сапожникам тачать женскую обувь, дабы женщины не могли выходить на улицу, то запрещал каирцам торговать и заниматься ремеслом днем, зато предписывал всей торговле и ремеслу перейти на ночной образ жизни. Сам же он в это время предавался любимому занятию – созерцал небо из своей обсерватории и вел астрологические вычисления.

После загадочного исчезновения Хакима (он пропал в предместье Каира во время ночной прогулки на осле, которую предпринял по своему обыкновению инкогнито) одна из исмаилитских общин в Сирии стала почитать его как скрывшегося имама, который вернется на землю в конце времен. Община эта существует по сей день под именем *друзов* (от *Дарази*, проповедника, посланного лично Хакимом в тот регион, который ныне разделен границами Ливана, Израиля и Сирии).

Жизнь человека в средние века представляется нам полной невзгод и опасностей – и скудость во всем, и произвол властей, и нашествия иноплеменников превращали существование индивида в сплошную борьбу за выживание. Такие времена, действительно, бывали, но выпадали на долю народов и эпохи стабильности и процветания. Такой была фатимидская эра, давшая покой и довольство многим поколениям людей во многих странах. Насир-и Хосроу

[23] См. *Беляев Е.А.* Мусульманское сектантство. – М.,1957. – С. 64.

посетил Каир в начале правления имама-халифа аль-Мустансира в середине XI века. Каким контрастом с привычными для его родины нравами представилось ему то, что он увидел в огромном городе на Ниле!

«Никто... не опасается султана, не страшится шпионов и доносчиков и вполне уверен, что султан никого не станет притеснять и никогда не позарится на чужое добро.

У жителей я видел там такое богатство, что, если я расскажу про это или попытаюсь описать, жители Персии мне не поверят. Богатства их я не мог ни сосчитать, ни исчислить, и такой спокойной жизни, как люди ведут там, нигде не видал.

Я видел там одного христианина, одного из самых богатых людей в Египте. Говорили, что количества его кораблей, его движимости и недвижимости невозможно сосчитать. Как-то раз вода в Ниле не поднялась до настоящего уровня, и зерно вздорожало. Тогда везир султана призвал этого христианина и сказал: – Нынче недобрый год, сердце султана гнетут заботы о народе. Дай столько зерна, сколько можешь, хочешь за деньги, хочешь в долг. – По счастью султана и везиря его, – ответил христианин, – у меня заготовлено столько зерна, что шесть лет могу снабжать Миср (часть Каира – *С.П.*) хлебом. – А в это время в Мисре, несомненно, жителей было в пять раз больше, чем в Нишапуре. Тот, кто знаком с арифметикой, сможет вычислить, каковы должны быть богатства человека, обладающего таким количеством зерна. Какова же была безопасность населения и справедливость султана, если в его правление бывали такие случаи, создавались такие богатства и султан никого не притеснял и не обижал, а народ ничего не прятал и не скрывал».

Оценка периода правления Фатимидов, даваемая объективными историками, не связанными догматическими спорами об истинности того или иного направления в исламе, однозначна: то была последняя блестящая эпоха мусульманской цивилизации, когда она продолжала удерживать первенство по сравнению с Европой. Рационалистическая природа исмаилизма обусловила веру его ведущих мыслителей в диалектическую доказуемость богословских истин; впервые в истории ислама в Каире состоялись открытые диспуты между мусульманами и христианами. Дружелюбное отношение к христианам стало нормой при фатимидском дворе, ал-Азиз имел зятьев из их среды, а один из них, Арист, стал архиепископом Каира и Мисра. Невозможно представить себе подобное в тогдашней Европе, косневшей в обскурантизме и нетерпимости.

Правили Фатимиды 261 год (по мусульманскому счету лунных годов – 272), пока последний халиф этой династии не был свергнут курдским эмиром Салах ад-Дином, более известным европейцам как Саладин. Этот знаменитый воитель, разгромивший крестоносцев в Палестине и изгнавший их из Иерусалима, сразу же после этого был приглашен в Каир одной из враждовавших дворцовых группировок. Быстро разобравшись в ситуации и поняв, что ослабевшая исмаилитская династия никакой силой не обладает, Саладин, который был суннитом, воспользовался смертью очередного халифа Адида и распорядился читать в мечетях фатимидской столицы хутбу[24] за аббасидского халифа, сидевшего на багдадском троне. Так тихо и буднично в сентябре 1171 года завершилась эпоха Фатимидов.

Но большинство нынешних исмаилитов признает последним из законных имамов-халифов Мустансира, умершего в 1094 году. Они считают: все, что происходило после него на каирском престоле, уже не относится к истории исмаилитского движения.

Низар, старший сын Мустансира, названный отцом наследником престола Фатимидов, был и носителем *насс*. После смерти Мустансира могущественный визирь Аль-Афдаль быстро провел интронизацию младшего сына халифа Ахмада под именем ал-Мустали. Историк Макризи писал: «Низар притеснял Афдаля в делах еще при жизни своего отца, и тот прибегал к заступничеству его (халифа)... А когда Мустансир пожелал, чтобы принесли присягу Низару, Афдаль созвал эмиров войска, и стал их запугивать именем Низара, и предостерегать о принесения клятвы. И предложил им избрать брата его Ахмада, ибо он был малолетним и не внушал страха, и приняли эмиры его сторону и согласились с ним»[25]. Таким образом, произошел бескровный переворот, главной движущей силой которого была армия. Низар скрылся в Александрии, где нашел поддержку наместника и населения. Афдаль напал на войска, верные старшему сыну Мустансира, но потерпел поражение. Вскоре после этого он вернулся и начал осаду города, добившись выдачи Низара. Враг визиря был доставлен в Каир, дальнейшая его судьба неизвестна, хотя большинство историков сходятся во мнении, что он был убит. Правда, впоследствии среди низаритов бытовало убеждение, что Низар бежал в Персию, где проживал на положении скрытого имама.

[24] Проповедь, составной частью которой является молитва за верующих; в ней полагалось упомянуть имя здравствующего халифа.

[25] *Семенова Л.А.* Из Истории фатимидского Египта. – М. Наука, 1974. – С.264

О своей приверженности Низару и его потомкам объявили не все исмаилиты. Та часть их, которая проживала во владениях Фатимидов и на территориях подконтрольных им, признала законным наследником Мустали. Они положили начало крупной ветви исмаилитского движения, которая к середине XII века обрела новый религиозный центр в Йемене, а по прошествии четырех веков перенесла его в Индию, где действует и по сей день. В этой стране мусталиты известны также под именем *бохра*, в то время как низариты – последователи Ага-Хана – именуются *ходжа*.

Весной 1998 года я побывал у мусталитов горного Йемена, в окрестностях города Менахи. Их селения, похожие на средневековые замки европейских феодалов, лепятся на неприступных вершинах и нависают над долинами, по склонам которых карабкаются террасы с посевами злаков и кофе. Для бохра всего мира местом паломничества служит здешняя деревня аль-Хатайм, где находится мавзолей вали (святого) Хатима б. Ибрагима б. Хусейна аль Хамиди, который в течение 37 лет возглавлял йеменских исмаилитов (ум. в 1199 г.). Он был третьим даи, руководившим общиной со времени ухода мусталитских имамов в сокрытие (последним, по их счету, явным имамом был Тайиб, внук Мустали, лишенный трона Фатимидов). С тех пор исмаилиты этой ветви утверждают, что сменяющие один другого даи правят от имени скрытых имамов, и время открыться для последних еще не пришло. Естественно, что они отрицают имамат Ага-Хана, поскольку преданы своему духовному руководителю.

Рассказ о мусталитах необходим, так как на их примере можно представить, сколько расколов подстерегало общину в ее движении через века и страны. Не говоря уже о разделении ранних последователей Исмаила ибн Джафара на несколько ветвей, что происходило из-за преследований аббасидских властей и подпольных условий существования имама, мы можем насчитать еще несколько расколов, как среди низаритов, так и среди мусталитов. Характерно, что во времена расцвета Фатимидского государства ничего подобного не было. Разделения и несогласия подстерегают всякое сообщество в условиях внешнего давления и в отсутствие явного лидера, какими были правившие в Каире халифы-имамы. Да и само пребывание имамов в сокрытии порождало проблемы преемственности, способные нарушить единство общины.

Хотя период правления Фатимидов в целом можно охарактеризовать как блестящую эпоху, не обошлось без ошибок и даже пре-

ступлений. Главным же отличием этого времени была терпимость властей к религиозным и идейным различиям среди подданных. Халифы принимали участие в делах как христианской, так и иудейской общин, а представители их порой составляли большинство в бюрократических учреждениях халифата. Бывали периоды, когда визири-христиане сменяли один другого при дворе монарха. Только в годы правления Хакима иноверцы подвергались преследованиям – так, он приказал разрушить 30 тысяч христианских храмов. Уничтожение иерусалимского храма Гроба Господня стало одним из поводов к организации крестовых походов. Хотя династия и в значительной части элита государства исповедовала исмаилизм, большинство населения оставалось суннитами. Что дает основание некоторым исследователям говорить о безразличии многих позднейших каирских халифов к миссионерской деятельности непосредственно среди подданных. Они считают, что основной причиной гибели исмаилитской династии стало то, что Фатимиды не проявили достаточной воли к насаждению своего вероучения. Это будто бы и привело к бесславному концу правящей фамилии, не сумевшей почти за 300 лет обеспечить преобладание единоверцев хотя бы в Египте. Ведь по контрасту с периодом их правления наступившая эпоха суннитской реакции характеризовалась яростным выпалыванием исмаилизма там, где это представлялось возможным для новых властей. Так было, например, в индийском княжестве Мултан, правитель которого обратился в исмаилизм в начале XI века, что было результатом многих десятилетий пропаганды, которую вели даи в области Синд. После захвата Мултана суннитами спор о вере был решен мечами победителей.

Возможно, ответ на вопрос о мнимом равнодушии имамов-халифов к пропаганде исмаилизма может дать хотя бы самое общее ознакомление с идеологией исмаилитского ислама.

Основные элементы религиозной доктрины исмаилитов в фатимидскую эпоху – космогония и теория цикличности, опиравшиеся на символическое толкование чисел и букв арабского алфавита. Земная жизнь человека и окружающий его мир рассматривались как тождественные божественному миропорядку. Космогонические представления исмаилитов перекликались с построениями неоплатоников. Бог-абсолют, лишенный каких-либо атрибутов, произвел первичный акт творения, выделив из себя Мировой Разум. Он в свою очередь произвел Мировую Душу, которая сотворила семь движущихся сфер. Преобразовав их посредством «натур» – тепла,

холода, сухости, влажности – в основные стихии землю, воду, воздух и эфир, Мировая Душа в дальнейшем сотворила растения, животных и человека. Семь стадий эманации в горнем мире находят соответствие в нашем мире в семи пророческих циклах, олицетворяемых Адамом, Нухом (Ноем), Ибрахимом (Авраамом), Мусой (Моисеем), Исой (Иисусом), Мухаммедом и будущим спасителем *аль-каимом*. Последний цикл пророчества начнется после возвращения на землю Мухаммеда б. Исмаила, который дарует человеку последнее откровение, отменив внешний религиозный закон и раскрыв божественную истину.

До появления аль-каима верующие должны были беспрекословно повиноваться имамам из рода Али б. Абу Талиба – единственным обладателям и толкователям божественных откровений. Для постижения истины рядовому верующему необходимо было пройти много ступеней посвящения, на каждой из которых ему открывались все более углубленное знание. Понятно, что в сопоставлении с практикой суннитского ислама высокие духовные требования исмаилитов оставляли надежду на приобщение к высшей истине лишь для немногих. Сложное иерархическое построение явлений духовного мира и символическое истолкование канонических текстов ислама было также мало доступно пониманию. И эта элитарность входила в противоречие с задачами построения простой религиозной модели, без которой нельзя было управлять средневековым обществом. Обреченный за долгие десятилетия гонений на сокрытие своих духовных сокровищ, исмаилизм не смог за годы своего пребывания у власти в максимальной степени облечь свои идеи в предельно простые формулы, пригодные для массового восприятия.

По природе своей будучи революционным учением, ставившим задачу политического и духовного переворота для установления социальной справедливости под властью нового праведного халифа из дома Али, исмаилизм оказался не в состоянии преодолеть инерцию старых социальных форм, веками существовавших на Ближнем Востоке. Государство, созданное новой династией, только в начальный период своего существования стремилось к поддержанию социальной гармонии. Но затем под давлением экономических, политических, военных обстоятельств эти задачи отошли на второй план. Официальная идеология все больше отрывалась от реальной жизни, что, естественно, снижало ее привлекательность.

Не исключено, что идеи шиитов не находили широкого отклика в среде, где изначально восторжествовал суннизм, более прагма-

тичное направление, не связывавшее идею построения справедливого общества с личностью боговдохновенного имама. Исследователи неоднократно отмечали привязку шиитского большинства к тем регионам, населению которых были близки эсхатологические идеи древних религий Ближнего Востока – зороастризма, христианства и манихейства. Для этих религий было характерно наличие жреческой иерархии, причем благодать передавалась сверху вниз от высших служителей бога, что выражалось в инициации рядовых священнослужителей, рукоположении иереев и хиротонии епископов. Имамы исмаилитов также рукополагали духовенство высших рангов, а оно, в свою очередь, посвящало мирян в общину, отлучало от нее, отпускало грехи[26].

Сунниты отражали в первую очередь понятия кочевников, которым были чужды понятия царя-жреца, которые тысячелетиями жили в условиях военной демократии. Среди арабских, курдских, тюркских и берберских племен, составлявших костяк всех ближневосточных армий, последователи исмаилизма составляли незначительное меньшинство. Что и явилось одной из главных причин падения Фатимидов.

Впрочем, и в тех регионах, где шииты составляли большинство, для которого лозунг «праведного из рода Пророка» был привычным и понятным, исмаилиты не добились долговременного торжества. Что также поддается рациональному объяснению: в силу своей относительной малочисленности даи стремились вести пропаганду учения среди элиты, рассчитывая на обращение сильных мира сего и приобретения таким образом влияния на массу мусульманского населения. Возможно, его обращение мыслилось как второй этап.

---

[26] Об этом пишет Л.А.Семенова (Из истории фатимидского Египта. – М., 1974. – С.106), ссылаясь на исследование В.Иванова The Organization of the Fatimid Propaganda (Journal of the Bombay Branch of the Royal Asiatic Society (New Series. – 1939. – № 15).

ОРДЕН

Нелигитимная смена имама-халифа в Каире вызвала далеко за пределами его владений такие события, которые определили судьбу всего исмаилитского религиозного движения на века вперед. Если ранняя история его была связана с арабской культурой, да и основными носителями духовного кода были арабы, то в конце XI века главный жизненный центр исмаилизма переместился на восток, а среди приверженцев вероучения все большее значение начали приобретать люди неарабского происхождения. Соответственно, и литература исмаилитов, бывшая в первые века после возникновения нового шиитского толка литературой арабоязычной, становилась с течением веков по большей части персоязычной.

Фатимиды, властвовавшие в Египте, и после смерти Мустансира пользовались поддержкой в некоторых соседних странах, правители которых признавали себя их вассалами. В мечетях этих стран произносились хутбы во здравие каирских халифов. Одним из исмаилитских оплотов был Йемен. Здесь признали законность передачи власти Мустали, но когда его наследник Амир был убит низаритами (правда, некоторые историки отрицают их ответственность за это), произошел новый раскол, теперь в среде мусталитов. Частью из них законным имамом был признан девятимесячный сын Амира Тайиб, в пользу которого незадолго до своей гибели Амир издал декрет. Но власть захватил двоюродный брат Амира и стал править под именем Хафиза. По некоторым сведениям, Тайиб был убит во младенчестве, по другим – был увезен в Дальний Магриб и стал родоначальником династии скрытых имамов. Некоторые источники вообще отрицают само существование Тайиба. Так историк Ибн Тагри-Бирди писал: «Амир был убит и не осталось у него сына-наследника, а лишь беременная жена. И жители Египта взволновались и сказали: не умирал ни один из людей этого рода, не оставив сына наследника и не завещав ему имамат.

А Амир перед смертью завещал [имамат] зачатому, а жена его принесла дочь, и власть перешла к... Хафизу, и прекратилось потомство Амира и детей его.

И было у него (Хафиза) дело с везиром Абу Али Ахмадом ибн Афдалем, так как, когда был убит халиф Амир, этот Хафиз был заточен; [затем везир] выпустил его, но опекал до тех пор, пока не

родится зачатый Амиром, [надеясь], что это будет мальчик, который унаследует халифу, а Хафиз будет удален. И упомянутый Ахмад овладел везиратом, и к нему перешли все дела, а за Хафизом осталось лишь звание халифа. И этот везир был хитер и многоопытен, подобно упомянутым ранее отцу его Афдалю и деду его Бадру ал-Джамали, и овладел египетской страной.

Жена [Амира] родила дочь, и Хафиз оставался халифом под опекой, а вся власть была у везира».

Противоречия между визирем Афдалем и его потомками с халифами имели помимо прочего и национальную подоплеку. Упомянутый в сообщении историка Бадр ал-Джамали, главнокомандующий халифского войска при Мустансире, был армянином. Армянские части в фатимидской армии были многочисленны, и, соответственно, росло влияние выходцев с Кавказа. Несколько поколений этой семьи фактически господствовали над Египтом, используя ослабевшую власть халифов как ширму.

Однако, в целом для фатимидского времени национальные противоречия не характерны. Как и все исламские общества, Египет того времени отличало отсутствие расовых и национальных предрассудков. Муизз – завоеватель Египта, четвертый халиф в династии, владел не только арабским, но и берберским, итальянским, суданским и славянским языками. Что отражало пестрый состав армии и бюрократии. Ближайший сподвижник Муизза, главнокомандующий его армией, обеспечивший победу на Ниле, Джаухар, был славянином. Внук Муизза Хаким был рожден матерью-славянкой, а опекуном его был евнух-славянин Барджаван. А халиф Мустансир был сыном негритянки.

Большинство мусталитов признали Хафиза и его наследников. А еще через сорок лет, после свержения фатимидской династии Саладином они признали имамом сначала Дауда, сына последнего имама-халифа Адида, а когда Дауд погиб в тюрьме в 1209 году, имамом стали считать его сына Сулеймана, но он, закончив свои дни также в заточении, наследников не оставил. Хафизитский толк исмаилизма прекратил свое существование уже в XIII веке, хотя некоторые селения в Верхнем Египте и Йемене, по сообщениям исламских хронистов, придерживались этого вероучения и в более поздние времена.

Одним из даи, прошедших подготовку в каирском Доме Знания и направленных в местности, подконтрольные багдадским халифам, был Хасан-и Саббах, перс родом из Хорасана. Его способ-

ности были высоко оценены в Каире, по некоторым сведениям он удостоился аудиенции у самого имама. Когда новоназначенный даи вернулся на родину и начал проповедовать в Рее, большом ремесленном и торговом городе (ныне предместье Тегерана), в его намерения вряд ли входило установление собственной власти в этом районе Персии. Скорее всего, он видел свою миссию в рамках исмаилитского призыва, исходившего из Каира. Лишь в 1094 году, когда до него дошли сведения о кончине имама-халифа аль-Мустансира и о переходе власти не к старшему сыну Низару, а к другому отпрыску имама, аль-Мустали, Хасан, а вместе с ним и большинство исмаилитов, проживавших на территориях восточнее зоны контроля державы Фатимидов, не приняли нового халифа. За очередного имама был признан Низар, а после его смерти в 1095 имамат перешел к его малолетнему сыну аль-Хади.

Начался новый период сокрытия – несколько имамов подряд вели такой образ жизни, который обеспечивал сохранность династии ввиду возможных преследований со стороны аббасидских властей или со стороны вассалов багдадских правителей. Хасан-и Сабах заявлял, что знает, где находится имам, однако не открывал его местопребывания до самой своей смерти.

Поскольку о судьбе исмаилитских общин в первые постфатимидские десятилетия известно немного, деятельность Хасана-и Саббаха приобрела в глазах ряда историков демонический характер. Все дело в точке зрения. Огромные достижения персидского даи мистически настроенным людям могли представиться как нечто сверхчеловеческое. Неудивительно, что личность его обросла множеством легенд.

И в писаниях древних авторов, и в современных сочинениях приходится встречать утверждения, что в юности Хасан, родившийся в Куме (центральный Иран), был дружен с Низамом ал-Мульком и Омаром Хайамом. Все трое будто бы учились в медресе Нишапура и поклялись, что станут помогать друг другу, если кто-то из них достигнет высокого положения. Первым сделал карьеру Низам, ставший визирем могущественного сельджукского монарха Маликшаха. Он был блестящим писателем, другом науки и подлинным просветителем. Учрежденные им во многих городах учебно-научные академии получили название Низамийе – по имени визиря. В начале 1070-х годов он пригласил на службу молодого уроженца хорасанского Нишапура Омара Хайама, который тогда уже приобрел известность как звездочет, врачеватель, математик и философ.

А вот Хасана, просившего должность судьи, Низам оставил вне попечения. За что тот отомстил ему, став влиятельным лидером исмаилитов...

Легенда основана на некоторых временных и географических совпадениях – Хасан действительно посещал в середине 1070-х годов Исфахан, столицу Малик-шаха, где подвизались Низам и Омар. Может быть, все они даже виделись при каких-то обстоятельствах. Но быть соучениками по медресе они не могли – визирь был старше Хасана на целых 30 лет, а Хайам, напротив, моложе шестью годами. К тому же, Хасан прибыл в Исфахан не ради искания должности, а для получения наставлений у главного даи Персии Абд ал Малика ибн Атташа, известного своей ученостью и имевшего большой авторитет даже среди суннитов.

Примечательно, что популярная легенда, много веков кочующая из одного сочинения в другое, свела вместе самых выдающихся представителей средневековой учености и основателя нового исмаилитского государства. У *малахида* (еретиков) была именно такая репутация, что всякий интеллектуал той эпохи причислялся к ним. Содружество мыслителей-энциклопедистов, известных как «братья чистоты», и современники, и потомки считали близким к вольнодумной секте. Первый классик новой персидской поэзии Рудаки, живший в IX-X веках, открыто заявлял о своей преданности фатимидским халифам. То же можно сказать и о Фирдоуси. В своей знаменитой сатире на султана Махмуда Газневи он писал:

Я знаю, шептуны злорадно донесли,
Что для меня пророк – отверженный Али.

И ты тогда сказал, что песнь моя пропета,
И под ноги слону швырнуть велел поэта.

Ну что же, сознаюсь: я признаю Али
Чистейшим из людей аллаховой земли.

Хотя б меня сожгли, иль посадили на кол –
Не только Мухаммад, но и Али – мой факел!

Ибн Сина познакомился с философией благодаря исмаилитским миссионерам, добиравшихся до его родного селения под Бухарой. Некоторые историки придерживаются версии, согласно которой

Авиценна вырос в исмаилитской семье. Во всяком случае, святоши всю жизнь подозревали его в к принадлежности к исмаилитам. Если труды величайшего энциклопедиста средневековья, послужившие для Европы идейным мостом к наследию классической древности, давали ортодоксам повод для таких «подозрений», то вполне уместно думать, что ненависть к исмаилизму порождалась комплексом интеллектуальной неполноценности. Что лучше иных доказательств говорит о передовом характере исмаилитского вероучения, опиравшегося на многовековую мудрость народов Месопотамии, Египта, Эллады. И недаром, искореняя «зловредную ересь», противники первым делом жгли исмаилитские библиотеки – как это было в Каире, когда Саладин сверг династию Фатимидов.

Некоторые ортодоксальные сунниты вообще рассматривали исмаилитов вне мусульманского сообщества – уммы, подозревая в них то скрытых зороастрийцев, то полных безбожников. Такое отношение к инакомыслию вообще характерно для средневековья – в христианских обществах любые отклонения тоже именовались ересями и часто искоренялись жесточайшими мерами. И хотя сами исмаилиты в своих сочинениях всегда именуют себя мусульманами, отношение к ним как к отдельному вероучению дожило до наших дней и разделяется не только рядом исламских богословов, но и западными религиоведами. Из лучших побуждений поддерживали такое отношение и советские исследователи, в общем симпатизировавшие исмаилизму. Например, Хаёлбек Додихудоев писал: «Отличие исмаилизма от других сект ислама заключалось прежде всего в его связях с философской мыслью античности и эпохи средневековья. Догматика исмаилизма – это не простое повторение шиитских или суннитских догм и даже не их модификация, обновления или приспособления к новым историческим условиям арабского халифата. Она нечто другое, отличное от всего того, что было известно в интеллектуальной жизни феодального общества Ближнего и Среднего Востока до IX века. В известном смысле можно сказать, что возникновение исмаилизма как течения общественной мысли явилось поворотным пунктом в интеллектуальной жизни мусульман – поворотом к философствующей теологии под влиянием античной и эллинистической философии, к критике теологии с точки зрения философского идеализма»[27]. Такие обобщения диктовались благой целью дать исмаилизму толкование, созвучное господствовавшей тогда идеологии и даровать ему права гражданства

[27] *Додихудоев Х.* Философия крестьянского бунта. – Душанбе, 1987 – С.19-20.

в исторической науке как прогрессивному явлению. Но религиозные авторитеты исмаилитов, напротив, всегда стремились к духовному единству с исламским большинством тех стран, где они проживали.

Первым крупным успехом исмаилитов, руководимых Хасаном, стал захват в 1090 г. крепости Аламут, находившейся на склоне горного массива Эльбурс, отделяющего прикаспиийскую низменность от остальной части Ирана. Местность, издавна именовавшаяся Дейлемом, всегда слабо контролировалась властями – будь то аббасидские наместники или местные династии. Населявшие ее горцы – дейлемиты – отличались воинственностью и свободолюбием. Именно поэтому Дейлем оставался одним из тех регионов, где дольше всего продержался зороастризм. К моменту появления исмаилитских проповедников ислам имел здесь очень короткую историю, и диссиденты принимались более благожелательно, чем в старых суннитских общинах. Существовавшие здесь зейдитский эмират и государство Буидов подготовили дейлемитов к положительному восприятию различных разновидностей шиитской идеологии. По всей видимости, плодородная долина возле Аламута оказалась одним из тех мест, где результаты исмаилитской дава оказались значительными. Вряд ли Хасан и-Саббах предпринял бы попытку создания опорного пункта во враждебном окружении. Успеху его способствовала и политическая ситуация в государстве турок-сельджуков, правивших от имени аббасидских халифов. После смерти в ноябре 1092 года Малик-шаха началась междоусобная война между его сыновьями, продлившаяся около десяти лет. За это время исмаилиты смогли серьезно укрепить свои позиции, захватив несколько крупных замков в Дейлеме и соседней области Кухистане, а также в восточных регионах Хорасане и Систане. Таким образом сложилось своеобразное государство, не обладавшее единой территорией. Разбросанные на значительном расстоянии один от другого эксклавы, тяготевшие к одной или нескольким крепостям, признавали верховенство Хасана-и Саббаха, *худджа* (наместника) скрытого имама. Цепь таких образований протянулась от средиземноморского побережья до предгорий Гиндукуша. В Сирии исмаилиты владели десятком замков даже в худшие для них времена, а на территории Ирана, по словам историка Рашид ад-Дина, еще в середине XIII века было около сотни таких замков. Второй раз в истории Востока возникло мощное государственное образование, основанное на исмаилитских принципах.

Возможно, успехи исмаилитов-низаритов (признающих имамов-потомков Низара) были бы скромнее и их попытки возродить свою

силу и влияние были бы сведены на нет суннитскими правителями Ближнего и Среднего Востока после окончания борьбы за сельджукский престол. Если бы не возникла принципиально новая историческая ситуация в этом регионе. В 1091 году начался Первый крестовый поход, продолжавшийся 8 лет. Итогом его было завоевание Палестины и основание Иерусалимского королевства.

Скала, на которой находился замок Аламут

Одновременно с натиском крестоносцев с Запада происходило возрастание могущества исмаилитов. Наверное, было бы поучительно составить подробную синхронистическую таблицу событий на периферии аббасидского Халифата, эфемерной империи, состоявшей из ряда независимых государств – в Сирии правила династия Айюбидов, в Северной части Ирана – династия Бавандидов, на Юге – Салгуриды. А в самом Багдаде, резиденции халифов, властвовали сельджуки.

В течение нескольких следующих десятилетий возникли рыцарские ордена, ставшие своего рода символами европейского средневековья. Именно благодаря им исмаилиты стали известны и в Европе, а многое из того, что было обычной практикой загадочного мусульманского общества, переняли тамплиеры, госпитальеры, иоанниты...

Хотя исмаилитам и удалось создать собственное государство, оно не могло бы долго противостоять старым династиям и державам Ближнего Востока, ибо не обладало ни общей территорией, ни значительными вооруженными силами. Неприступные горные крепости могли обеспечить только пассивную оборону. С самого начала существования Аламута как исмаилитского укрепленного центра суннитские правители Ирана не оставляли попыток овладеть замком и уничтожить «еретиков». Особое рвение проявил всесильный визирь Малик-шаха Низам ал-Мульк.

Конечно, не споры из-за должности разделили его и Хасана, как гласит легенда. Идейные позиции их были несовместимы – если один сделался руководителем революционного по духу движения в исламе, то другой занял столь же видное положение в консервативном стане охранителей религиозных догм. На стороне Низама была армия и мощь государства, на стороне Хасана – безусловная преданность собратьев по вере. И второе оказалось сильнее. Аламутский вождь стал едва ли не первым в истории деятелем, который понял, что систематическое уничтожение видных противников может стать действенным оружием в политической борьбе и даже сбалансировать военную слабость государства. Именно созданная им система подготовки *фидаи* – воинов, готовых пожертвовать собой во имя исполнения поставленной задачи, стала основой того влияния, которым пользовались исмаилитские властители за полтора столетия существования их государства.

Вообще политические убийства давно практиковались на Ближнем Востоке. Достаточно упомянуть, что первый шиитский имам-халиф Али ибн Абу Талиб пал от руки хариджита. Многие исламские секты использовали террор[28] для устранения своих противников. Но только низариты стали пугалом в глазах многих поколений на Востоке и Западе. Многие легенды о них, родившиеся в раннем средневековье, дожили до наших дней. Используют их как «ужастики» и по сей день, особенно в контексте той «войны с террором» (в основном, пропагандистской), которая развязана на Западе. За последнее десятилетие множество раз во Франции и Германии издавался роман словенского писателя Владимира Бартоля «Аламут», в котором Хасан-и Саббаху приданы черты средневекового фюрера, духовного предшественника тоталитарных вождей XX века. Давно забытое произведение, впервые напечатанное в 1938 году, вдруг

[28] Термин «террор» появился много позднее; применительно к средневековью или более ранним эпохам это определение можно употреблять с оговорками.

пережило настоящее возрождение, и, переведенное на девятнадцать языков, стало одним из аргументов в пропагандистской кампании против исламских террористов. Хотя ничего нового в сравнении с хрестоматийно известным сообщением Марко Поло о Старце Горы здесь нет – та же информация, сервированная с обильным ориентальным гарниром.

Террор далеко не всегда отрицательно воспринимался в так называемых цивилизованных странах. Первое запечатленное в исторических анналах громкое политическое убийство – теракт против Юлия Цезаря – веками трактовалось как достойное деяние демократов. Высказанное в начале октября 2002 г. пресс-секретарем американского президента Ари Флейшером мнение о том, что проблему Саддама может решить всего одна пуля – вполне типично для воспитанника западной школы, героизирующей Брута и его подручных. Когда многочисленные террористические группировки, финансируемые западным капиталом, заливали Россию кровью в начале XX века – европейская и американская печать и руководимая ею общественность рукоплескали убийцам, как борцам с деспотизмом. Около 12 тысяч человек было убито этими «паладинами свободы»! Список жертв средневековых ассассинов куда скромнее.

Первой жертвой исмаилитских фидаи стал Низам ал-Мульк, вдохновитель военной операции против Аламута. По мнению некоторых историков, и Малик-шах повторил судьбу своего визиря. За ними последовали десятки высокопоставленных чиновников и суннитских религиозных авторитетов. Получив задание устранить того или иного врага, посланцы Хасана проникали в ближайшее окружение намеченной жертвы и могли годами выжидать удобного случая. Они служили садовниками, конюхами, слугами. В час «Х» по приказу из Аламута производилось нападение. Фидаи совершали политические убийства часто открыто, громко провозглашая, за какие провинности казнен враг. Ударив жертву кинжалом на рынке или в мечети, мститель пробирался сквозь толпу с высоко поднятым окровавленным клинком, пока его не настигали стражи порядка. Подобные спектакли производили устрашающее впечатление, создавали представление о всесилии аламутского владыки и его невидимого воинства.

Самое большое число нападений такого рода приходится на период правления Хасан-и Саббаха. Историк Рашид ад-Дин составил несколько списков жертв исмаилитского террора. Согласно им, при Хасан-и Саббахе было убито 49 человек, при его преемнике Кийа

Бузург Умиде – 12 человек, при следующем владыке Аламута Мухаммеде ибн Кийа – 14 человек. Таким образом, за первые 72 года существования исмаилитского государства число жертв составило 75 человек. За сто лет, прошедших от воцарения четвертого исмаилитского лидера – вышедшего из сокрытия имама Хасана II – до гибели государства, известны лишь единичные случаи покушений, разработанных в Аламуте или в сирийских замках. Закономерно, что с течением времени исмаилитские вожди практиковали убийства политических и идейных противников все реже. По всей видимости, потенциал устрашения, созданный во времена первого исмаилитского хозяина Аламута, был столь велик, что поддержание его требовало лишь редких демонстраций силы.

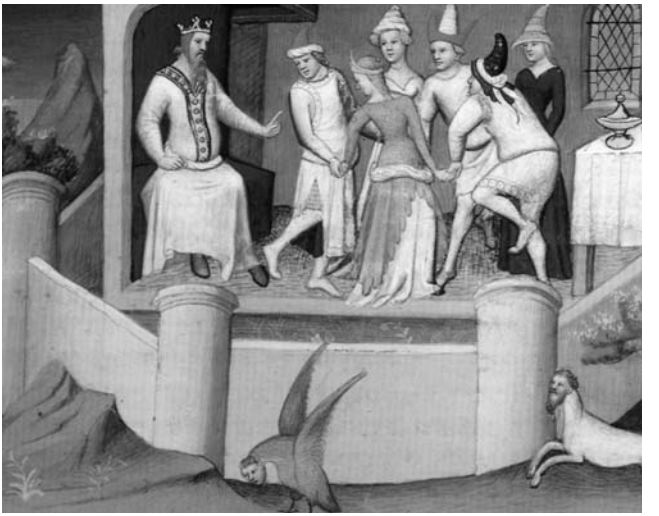
Невозможно обелить даже одно убийство, тем более не подлежит оправданию организованный террор, предполагающий хладнокровное обдумывание кровавых расправ. Единственно возможная позиция при рассмотрении исторических фактов такого рода – учет культурно-политического контекста эпохи. На фоне тех злодеяний, которые творили такие «рыцари ислама», как Махмуд Газневи (десятками тысяч отправлявший на тот свет «еретиков» при полном одобрении суннитского духовенства еще тогда, когда исмаилиты не практиковали террор), кажется удивительным негодование средневековых авторов по поводу деяний фидаев. Но ведь создателями древних хроник были представители верхушки общества, которые признавали единственными полноценными субъектами истории власть имущих, и их гибель представлялась им куда значимее, чем смерть тысяч и тысяч простолюдинов от меча завоевателя. Такое восприятие цены человеческой жизни дожило до новейших времен. Революционная элита в Советской России, творившая массовые преступления против населения страны, вполне комфортно ощущала себя в условиях всевластия палачей, но лишь только созданная ею машина террора обратилась против новоявленных господ, мир наполнили стенания о кровожадном чудовище Сталине. Хотя последний действовал, пожалуй, избирательно в сравнении с теми, кто обрушивал репрессии на целые социальные слои без разбора. Фактически, представление о безусловной ценности всякой человеческой жизни и преступности посягательств на нее под каким угодно предлогом стало становиться нравственной нормой лишь в наши дни.

При осмыслении аламутского феномена надо учитывать и то обстоятельство, что нередко фидаи нападали не на врагов низарит-

ского государства, а на противников суннитских правителей, которые обращались к «Старцу Горы» (прообразом этого легендарного персонажа был вождь сирийских исмаилитов Рашид ад дин Синан) с соответствующей просьбой. Крестоносцы также прибегали к их услугам, среди прочих и известный Ричард Львиное Сердце. Так что обычные для средневековых авторов инвективы против исмаилитов в такой же мере должны быть обращены и против их «заказчиков». Что ни говори, а политическая мораль в те времена не отличалась чистоплотностью ни в мусульманском, ни в христианском мире. Стоит принять в соображение и то обстоятельство, что террор и партизанская война обычно являются оружием притесняемых. То, что являлось оружием самообороны, поневоле приходилось использовать как товар, и в таком случае моральная ответственность «заказчиков» куда тяжелее.

Чтобы объяснить беспрекословное повиновение фидаи своему вождю, арабы, склонные к фантазированию, придумали сказочную историю о том, что по указанию главы исмаилитов молодых людей усыпляли с помощью гашиша, а затем переносили их в роскошный сад, разбитый где-то в долине рядом с замком (видимо, Аламутом). В саду по пробуждении их ожидали все мыслимые удовольствия, включая забавы с прелестными гуриями – в точности по представлению Мухаммеда о рае. Засим будущих террористов вновь потчевали гашишем, а по пробуждении совсем в другом месте им предлагалось во всем слушаться главу ордена, за что после смерти им предстояло вернуться в увиденный ими рай. Именно поэтому, будто бы, юные исмаилиты с радостью шли на смерть по приказу вождя. Средневековье было гораздо на подобные фантазии, и впечатлительные натуры не только сочиняли страшные истории о людях с песьими головами, но и с готовностью подобным россказням верили. Когда Аламута уже не было, легенда о рукотворном рае все еще жила, и юный Марко Поло, отправлявшийся со своим отцом в далекое путешествие от палестинской Акки (контролировалась крестоносцами) до Китая, записал старое предание.

Христианские рыцари к тому времени давно уже освоились на Востоке, где никакой вымысел не казался чрезмерным, а чудеса считались чем-то само собой разумеющимся. Труверы и миннезингеры по всей Европе распространяли рыцарский фольклор, от них распространилась и жуткая слава о бесстрашных воинах, готовых умереть по мановению «Старца Горы». Именно тогда слово ассассин, означающее террориста, наемного убийцу, вошло в основные европейские языки…



Средневековая миниатюра,
изображающая «райский сад» Старца Горы

Дабы понять, что государства крестоносцев являли собой подлинные бастионы западной цивилизации, просуществовавшие на землях Сирии и Палестины около двух столетий, нужно побывать в тех замках, которые тысячекилометровой цепью протянулись от нынешней турецкой границы возле руин античной Антиохии до Акабского залива на стыке Египта, Израиля, Иордании и Саудовской Аравии. Большая часть из них превратилась в развалины, некоторые на удивление хорошо сохранились и поражают как своими размерами, так и архитектурным совершенством. Один из самых величественных замков на земле нависает над плодородной долиной Оронта поблизости от дороги между средиземноморским побережьем и Алеппо. Неподалеку от него находились и крепости сирийских исмаилитов, ставших известными крестоносцам под именем *ассассинов* – по мнению ряда востоковедов, так переиначили трудное арабское слово *хашшишийя,* то есть употребляющий гашиш.

Я стою на стене Крак де Шевалье – громадной крепости, десятилетиями выстаивавшей в осаде мусульманских армий. Пытаюсь представить себе, как видели мир грубые, кое-как образованные воины. Для них чудеса, творимые святыми и их мощами, были такой же реальностью как насущный хлеб. Далеко внизу лоскутные поля крестьян, восемь веков назад эти поля кормили европейских

сеньоров, вот так же взиравших с зубчатых твердынь на завоеванную страну. Они пришли сюда, ничего не зная о многообразии культур, религий и обычаев древней земли. Понятно, что повсюду в этой земле им мерещились страшные тайны и дьявольские козни. Только по прошествии десятилетий они стали не только различать оттенки в земле сарацин, но и подпали под ее обаяние, переняв многие бытовые привычки, ощутив бездонную глубину духовной жизни, уводящую в далекие тысячелетия, к давно исчезнувшим народам и их богам.

То, что произошло с крестоносцами, подстерегало через несколько веков других европейцев, пришедших с «цивилизаторской миссией» на Восток. За сотню лет господства над Индией англичане в такой степени оказались под властью ее чар, что сами стали носителями «индийской идеи» на Западе. Теософы и археологи, поэты и языковеды стали «пятой колонной» Индии, разрушившей самодовольное представление белого человека о себе как олицетворении высшей творческой расы. Так и в те давние времена рыцари мало-помалу переняли у покоренного населения кухню, манеру одеваться, у мусульманских воинов позаимствовали способ езды на боевых лошадях, а потом, не исключено, и формы организации загадочного ордена, руководимого Старцем Горы.

Поскольку вторжение крестоносцев совпало с расколом в исмаилизме, становление духовной иерархии и складывание методов управления общинами у низаритов происходило синхронно образованию рыцарских графств и королевств. Именно в той части Ближнего Востока, которая стала целью первого нашествия из Европы, исмаилитские общины перестали признавать фатимидских халифов после Мустансира. Здешние низариты оказались фактически предоставлены сами себе, когда сельджуки, правившие в Сирии, сначала погрязли в междоусобицах, а затем потеряли ряд территорий в борьбе с рыцарями. Некоторые из боровшихся между собой сельджукских принцев обратили благосклонный взор на исмаилитов. Особенно много для усиления их влияния в Сирии сделал Ридван, правитель Алеппо, области, непосредственно примыкавшей к владениям крестоносцев. Он принял даи, посланного из Аламута, врача и астролога Хакима Аль-Мунаджима, и позволил вести в своих владениях исмаилитскую пропаганду, для чего местными низаритами был построен Дар аль-Да'ва (Дом миссии). Сотрудничество оказалось взаимовыгодным – по приказу аль-Мунаджима трое аламутских фидаи убили противника Ридвана, правителя соседнего Хомса. А через несколько лет новый лидер сирийских низа-

ритов Абу Тахир организовал убийство правителя Апамеи Халафа, который признавал сюзеренитет каирских фатимидов-мусталитов. После этого местные исмаилиты захватили эту сильную крепость в надежде превратить ее в свой оплот на манер Аламута. Но франкский принц Танкред, правивший в Антиохии, не дал им времени укрепиться и вскоре захватил Апамею. Многие низариты были преданы пыткам и казням, другим удалось откупиться от плена. Это было первое столкновение исмаилитов с крестоносцами. Что не помешало спустя несколько лет, после антиисмаилитских погромов в Алеппо, многим из них найти убежище на территориях франков и укрыться в их крепостях. Не тогда ли началось ознакомление рыцарей с организацией и структурой исмаилитского братства? Как бы то ни было, но первые христианские рыцарские ордена были созданы в Палестине практически одновременно с описываемыми событиями...

В разное время под властью сирийских исмаилитов оказывалось до 70 замков, но в основном их могущество обеспечивал контроль над дюжиной крупных крепостей, таких как Баниас, Аль Кахф, Аль Расафа, Аль Кадмус. Столицей же этого государственного образования более полутора столетий оставался замок Мисъяф, расположенный на восточном склоне горного массива Джебель ас-Сахилия, в каком-то десятке верст от Хисн аль Акрад (так арабы именовали Крак де Шевалье).

Исмаилитские твердыни грудь в грудь стояли против фортов крестоносцев. И отношения между ними знавали как периоды вражды, так и союзничества. Тамплиеры и госпитальеры десятилетиями взимали дань с ассассинов. Но случалось, и объединялись с ними против общего противника. Синан поддерживал доверительные отношения с Фридрихом Вторым, с Людовиком Святым и правителями христианских королевств и графств в Святой Земле. При этом степень сближения была такова, что европейские партнеры Старца Горы (это имя употреблялось прежде всего по отношению к Синану) даже полагали, что он собирается перейти в христианство вместе со своими фидаями. Что, конечно, было плодом их фантазии. О тесном взаимодействии с исмаилитами говорит и тот факт, что в 1173 году иерусалимский король Амальрих вел переговоры о союзе с ними против Саладина. А через несколько десятилетий христианский Запад всерьез рассматривал предложения Аламута о союзе против монголов.

ОРЛИНОЕ ГНЕЗДО

В те десятилетия, когда происходило становление государства исмаилитов на территориях Сирии и Персии, надежды на возрождение мощной державы, подобной Фатимидскому халифату, не казались несбыточными. На глазах одного поколения карту Ближнего Востока много раз перекраивали местные царьки и пришлые завоеватели. Исторический спор между христианством и исламом решался на полях сражений. Да и противоречия между суннитами и шиитами также были далеки от разрешения.

Хасан-и Саббах, правивший от имени скрытого имама 30 лет, оставил созданную им странную державу в зените могущества. Хотя разбросанные на сотни и тысячи вест один от другого исмаилитские замки никогда не стали единым территориальным целым, не только исмаилиты-низариты беспрекословно подчинялись его руководству, но и монархи крупнейших государств тогдашнего мира признавали главу ордена первостепенной политической фигурой. После смерти Хасана владыками Аламута последовательно становились ближайшие сподвижники основателя нового исмаилитского государства – Кийа Бузург-умид и Мухаммед, также носившие титул худджа. А имамы оставались в сокрытии. Только по прошествии 38 лет после смерти Хасана в Аламуте воцарился тот, кто открыто объявил себя имамом – наследником Низара. Имя его – Хасан Ала Зикирихи-с-салам. Чаще его именуют Хасаном II.

Противники исмаилизма нередко основывают критику на доказательстве сомнительного происхождения имамов, явленных после нового периода сокрытия, последовавшего за смертью Низара. Один из главных аргументов скептиков – нежелание Хасан-и Саббаха предъявить своим сторонникам имама аль-Хади, уцелевшего от преследования сына Низара, а затем и его внука аль-Мухтади. Если бы цепь преемственности не прервалась, утверждают они, то для сплочения общины и привлечения новых сторонников основатель исмаилитской державы обязательно возвел бы на престол имама из рода Али.

Но доводы такого рода можно опровергнуть соображениями психологического порядка. Хасан-и Саббах, один из наиболее образованных людей своего времени, несомненно, хорошо знал ис-

торию. Две халифских династии, получившие престол благодаря деятельности выдающихся даи Абу Муслима (Аббасиды) и Абу Абдаллаха (Фатимиды), первым делом расправились с теми, кто привел их к власти. Вполне возможно, что три первых властителя Аламута убеждали имамов держаться в тени по соображениям безопасности, а возможно, располагая реальной силой, и принуждали духовных лидеров оставаться в стороне от рычагов власти. Благо примеров организации власти по такому принципу было предостаточно. Потерявшие всякую реальную власть аббасидские халифы веками оставались лишь эмблемой для реально царствовавших в Багдаде Буидов и Сельджукидов.

Второй период сокрытия закончился спустя 70 лет после завершения правления халифа-имама Мустансира. По смерти третьего по счету правителя Аламута Мухаммеда ибн Кийа Бузург Умида тот, кто считался его сыном, стал новым верховным даи. Его мудрость и искусство проповеди еще при жизни отца снискали ему в народе такое уважение, что рядовые члены секты (рафики) стали поговаривать, что на деле Хасан не сын верховного даи, а подлинный имам, скрывающий до поры свою суть. Как бы отвечая на ожидания паствы через два года после смерти его отца Хасан объявил себя имамом, потомком Низара. Современный исследователь дает следующую интерпретацию этого события и его восприятия исмаилитской общиной:

«Неясные обстоятельства, которые сопровождали восшествие на престол Имамата Хасана Ала Зикри аль-Салама, породили некоторые искажения в их передаче. В не-исмаилитских источниках они варьируют от неверного утверждения, что он был незаконнорожденным сыном потомка Низара по имени Хасан, до предположения, что он был настоящим сыном верховного даи Киа Мухаммада который вплоть до своей смерти правил Аламутом от имени имама из потомства Низара. Такие намеки на подлинность имамата Хасана Ала Зикри аль-Салама были схожи с намеками делавшимися относительно основателя Халифата Фатимидов Абд Аллаха аль-Махди.»

«Две основные причины путавшие простых людей в обстоятельствах восхождения Хасана на трон Имамата», утверждает автор Джаннат Аль-Амал, «были следующие: первая это то, что трем имамам после Низара присваивался один титул, в результате стали думать, что это один имам, а не три. Вторая и, может быть, более важная причина та, что верховный даи Киа Мухаммед действитель-

но имел сына по имени Хасан и этот самый Хасан претендовал на титул имама при жизни его отца, но отец выговорил ему за это. Хасан раскаялся и просил прощения у настоящего имама Хасана Ала Зикри аль-Салама и был им прощен».

Но истории, сфабрикованные относительно аутентичности имамата Хасана Ала Зикри аль-Салама подразумевали две вещи, которые сомневающиеся Низариты могли бы принять. Во-первых, что преданный исмаилитский даи организовал заговор против своего имама в то время, как прочие исмаилитские даи ничего об этом не знали и во-вторых, что исмаилиты были готовы согласиться с посягательствами на основоплоагающие принципы своей религии и Имамата. И то, и другое категорически отвергается ранними и современными исмаилитскими источниками»[29].

Новый имам отличался глубокими познаниями в различных отраслях науки, в том числе, и в богословии. Это обеспечило высокий авторитет его суждений и способствовало принятию тех изменений, которые внес в религиозную практику Хасан II.

Суть их была поистине революционной. Шариат и различные запреты упразднялись. Главным содержанием культа становился диалог каждого человека с Богом, а не совершение ритуалов, несущих на себе печать древней магии – таких, как поклонение Каабе.

Для возвещения явленных ему откровений Хасан избрал 17 день рамадана 1164 года, середину священного месяца мусульман, когда их жизнь в наибольшей степени наполнена сакральными запретами. Собравшиеся в долине у подножья горы, на которой находился замок Аламут, увидели своего духовного лидера на кафедре, с которой он объявил об отмене всех запретов, в том числе, и строгого дневного поста, обязательного в рамадан для каждого мусульманина. Пастве было роздано угощение, без ограничения лилось вино, звучала музыка.

Так был провозглашен День Кийамата, то есть Восстановления. Он трактуется и как подобие дня Страшного Суда. Исмаилиты понимали его не как отделение праведников от грешников и завершение истории, а как восстановление царства справедливости. Конечно, мы не знаем всей аргументации, которая выдвигалась Хасаном, но общий ход его мысли можно восстановить, исходя из исмаилитских представлений, известных по сочинениям той эпохи. Шариат, считали исмаилитские мыслители, нужен был несовершенному человеку, пока он был не развит духовно и должен был выполнять запо-

[29] *Nasseh Ahmad Mirza.* Syrian Ismailism. – L., Curzon, 1997. – P. 21.

веди Бога механически. После Кийамата, достигнув просветления, человек больше не нуждается в формальной регламентации своей жизни.

По сути дела, в Аламуте свершилась духовная революция, превратившая исмаилизм из религиозной школы внутри шиизма в его отдельную ветвь. Как уже отмечалось выше, некоторые исследователи шли даже дальше, рассматривая вероучение после Кийамата как новую религию. Например, видный европейский религиовед Игнац Гольдциер считал, что дистанция между исмаилизмом и исламом дальше, чем между католицизмом и лютеранством. В свете современных знаний об исламе такая позиция видится преувеличением.

Невозможно представить, что община приняла бы революционную проповедь от самозванца. Только истинный имам, не оспариваемый никем, мог с полным сознанием своей правоты возвестить новые вероучения. Если учесть, что и в самом Аламуте, и в его окрестностях проживало от силы несколько тысяч человек, подноготная всех высших членов исмаилитской иерархии была широко известна. Поэтому, когда вскоре после Дня Кийамата, Хасан объявил себя имамом времени, потомком Низара, это было принято с энтузиазмом и полным доверием. Суннитские авторы, писавшие о событиях недолгого правления Хасана, осыпают его и его последователей проклятиями, называют его обманщиком, а все его нововведения – мистификацией. Но Мухаммеда при основании новой религии тоже именовали обманщиком, да и спустя много веков на Ближнем Востоке существовали религиозные общины, которые придерживались такого мнения (сабейцы, манихеи). Что не отменяло главного факта – Мухаммед на самом деле произвел духовный переворот, который вскоре изменил жизнь большей части человечества.

Но, говоря о революции в духовной сфере, нельзя представлять ее как отрицание предыдущего опыта. По всей видимости, обнародование Хасаном II новых, говоря сегодняшним языком, жизненных ориентиров, вполне укладывалось в исмаилитские религиозные каноны той эпохи. Иначе невозможен был бы энтузиазм, охвативший общины единоверцев, разбросанные по всему пространству от Средиземного моря до Гиндукуша. Дошедший до нас древний исмаилитский текст прямо говорит: «За время его правления исмаилизм распространился беспрецедентно»[30].

[30] Ibid. – P.106.

Русская исследовательница истории исмаилизма Л.В.Строева писала: «Низаризм, сменив "Давват-и джадид" ("Новый призыв" – установка на распространение исмаилизма по всему миру, принятая в фатимидском халифате – *С.Л.*), стал официальным вероучением Аламутского государства и (кроме периода 1210 – 1224 гг.) оставался им до конца существования этого государства»[31]. При этом, отрицая происхождение Хасана II от потомков Низара, она превозносит его как социального революционера, вполне в духе расхожих марксистских стереотипов: «Хасан ибн Мухаммед ибн Кийа Бузург Умид вошел в историю исмаилитского государства как одна из самых ярких и интересных фигур. Он выступил представителем народных масс, систематически отстаивал их интересы, вооружил их на борьбу с феодальными элементами внутри исмаилитских владений.

Он смело освободил людей от запретов и тягот шариата. Он был создателем назаризма – новой, более демократичной ветви исмаилизма. Легенды о его имамате были нужны ему только для увеличения своего авторитета в массах»[32].

Такое осовременивание истории даже из самых благих побуждений придает построениям историка анекдотический оттенок. Ведь в пронизанном религиозными представлениями обществе обман, а тем более лжепророчество воспринимались как величайший грех, лишавший человека надежды на снисхождение Аллаха в Судный день. Вряд ли человек, и так обладающий всей полнотой власти, пошел бы на фальсификацию своей генеалогии, вряд ли он поставил бы под удар и самое власть, если бы не обладал убеждением в легитимности своего имамата. Ведь Хасан II без всяких проблем мог бы править от имени имама как его худджа.

Впрочем, сказанное не стоит истолковывать как призыв становиться на сторону какой-либо из сторон, веками спорящих из-за происхождения Хасана II. Как сторонники, так и противники легитимности его имамата не в состоянии привести неопровержимые доказательства своей правоты. В исторической перспективе наиболее существенным видится тот беспокойный фермент, который генетически передавался от одного поколения исмаилитских лидеров к другим. Он обеспечивал уникальную восприимчивость исмаилизма к вызовам всякой новой эпохи; на всех этапах истории общины приверженцев этого направления в исламе демонстрировали способность к переменам.

[31] *Л.В.Строева.* Государство исмаилитов в Иране в XI-XIII вв. – М., «Наука», 1978. – С.191.

[32] Там же, стр. 198

Как бы то ни было, наибольшие успехи исмаилитов на политической арене Ближнего Востока в аламутский период были связаны с явлением нового имама, ставшего живым знаменем для всех, кого вдохновляла недавняя блистательная эпоха Фатимидов. Именно направленный Хасаном II в Сирию главный даи Рашид аль-Дин Синан добился равноправия в отношениях с государствами крестоносцев и мусульманскими султанатами. Прошедший курс обучения в медресе Аламута, Синан стал известен лично имаму, и трудно предположить, что талантливый даи не разделял данных ему идейных установок по организации *дава* в Сирии. До самой своей смерти в 1193 году Синан, которого в иных трудах, посвященных этой эпохе, именуют вице-королем исмаилитского государства, признавал верховенство имама, и управлял от его имени. Однако в точности не известно, каким образом Аламут осуществлял контроль над удаленными территориями, и вряд ли возможно реконструировать систему управления разбросанными анклавами, ибо аналогов этому государству нет в истории.

Важно отметить, что интеллектуальная жизнь в исмаилитском сообществе не замыкалась кругом богословских предметов. Один из крупнейших ученых XIII столетия Насриддин ат-Туси (1201–1274) был убежденным исмаилитом. Три десятилетия он провел в низаритских крепостях, где плодотворно занимался теологией, философией, точными науками и создал десятки произведений, ставших новым словом в различных отраслях знания того времени. Интересы ученого простирались весьма широко – до нас дошли его труды по этике, мемуары, дающие бесценный материал к духовной истории домонгольской эпохи Среднего Востока. Туси внес, помимо прочего, большой вклад в астрономию. В частности, предложил модель движения Луны, которая существенным образом дополнила птолемеевскую систему, господствовавшую в то время. На примере этого выдающегося интеллектуала можно понять, что в исмаилитских горных гнездах не только строили злокозненные планы против правоверных (до сих пор досужие публицисты пишут лишь об этом), напротив, там царила атмосфера духовного поиска, в которой могли творить выдающиеся интеллектуалы. И это несмотря на довольно значительные смены курса при разных имамах. Хотя они, конечно, влекли существенные перемены в жизни низаритов. Ибо каждый новый духовный руководитель вносил в идейную доктрину нововведения, приводившие к улучшению или ухудшению

отношений с правителями государств, где господствовал суннитский ислам.

Можно предполагать, что в одних случаях внесение изменений могло быть вызвано стремлением снять остроту противостояния с внешними силами, в других случаях – отражал борьбу внутри исмаилитской общины. Когда имам Хасан III (1210 – 1221) вменил своим единоверцам в обязанность соблюдение шариата и почитание основ суннитского вероучения, это вызвало быстрое потепление отношений Аламута с мусульманскими владыками. Зато следующий имам Ала ад-Дин Мухаммед III объявил о возвращении к заветам Хасана II, откликаясь на требования своего окружения.

Ала ад-Дин принадлежит к числу тех имамов, которые оставили по себе самую глубокую память. Большая часть духовных лидеров исмаилитов, живших до XIX века, известна только по имени. Не считая первых шести потомков Али, жизнь которых более или менее документирована, лишь правители фатимидского государства и аламутские владыки выступают из мрака, окутывающего долгие века сокрытия. Но даже среди тех немногих, чьи жизнеописания дошли до нас, выделяются фигуры, обладающие яркими чертами индивидуальности, позволяющими судить если не о генетической, то духовной преемственности. Ала ад-Дин поразительно напоминает Хакима, жившего на двести лет раньше.

Обоих имамов нередко именовали безумцами из-за их экстравагантного поведения и подчеркнутого стремления к простоте. Ала ад-Дин обожал жизнь простого пастуха и мог недели проводить на пастбище со стадом овец, ночуя в примитивной хижине вместе с простолюдинами и питаясь той же нехитрой пищей, что и они. В одежде он был столь же невзыскателен, подчас довольствуясь ветхим, залатанным тряпьем. Жизнь имама оборвалась в результате заговора, когда многие исмаилитские крепости были обложены монгольскими войсками.

Именно нашествие монгольских завоевателей определило судьбу исмаилитского государства. Согласно некоторым свидетельствам современников, сам поход войск Хулагу-хана, начатый в 1253 г., был инициирован знатью суннитских государств, мечтавших об устранении «еретиков». Разумеется, у монголов и без того имелись завоевательные планы, но наличие сторонников интервенции «язычников» среди мусульманских феодалов могло ускорить их осуществление.

Узнав о движении 70-тысячной армии монголов, имам исмаилитов попытался остановить этот поход. То, что в столице монголов Каракоруме ожидали появления 400 фидаев, направленных из Аламута для убийства великого хана Менгке, свидетельствовало о серьезности угрозы. Автор этого сообщения францисканский монах Гильом Рубрук посетил ставку верховного правителя монгольской империи в начале 1254 года и наблюдал усиленные меры безопасности в отношении прибывавших иностранцев. Некоторые историки сомневаются в достоверности этого свидетельства и считают посланцев Аламута миротворческой миссией.

Однако они смогли предотвратить удара монгольской армии. Войско Хулагу, появившееся в Хорасане в конце 1254 г., за целый год сумело захватить всего несколько исмаилитских крепостей в Кухистане, а в Дейлеме потерпело неудачу. Только убийство имама Ала ад-Дина 1 декабря 1255 г. и переход власти к его сыну 26-летнему Рукн ад-Дину Хуршаху изменили ситуацию в пользу монголов.

Новый имам уже вскоре после своего восшествия на престол начал закулисные переговоры с Хулагу о признании себя вассалом хана. Он изъявил готовность разрушить ряд крепостей и передать Хулагу в качестве заложника своего сына. Хотя некоторые гарнизоны исмаилитских крепостей продолжали отчаянное сопротивление, 20 ноября 1256 г. имам сдался Хулагу в крепости Меймундиз и вскоре был отправлен в Каракорум. Но в ставке он не был допущен к Менгке. Великий хан лишь велел спросить имама, почему он не разрушил Ламасар и Гирд-кух, и передать ему приказ вернуться в Иран и довершить уничтожение крепостей. А на возвратном пути Рукн ад-Дин был убит по приказу великого хана.

Еще месяц после капитуляции Рукн ад-Дина Аламут продолжал противостоять монгольскому войску. Но, подчинившись приказу имама, защитники крепости сдали ее захватчикам. Горное гнездо исмаилитов оставалось неприступным почти 170 лет. С его падением начался самый тяжелый период в истории общины.

В РАССЕЯНИИ

На фоне лавины бедствий, постигших все население Среднего Востока во время монгольского нашествия, современники не очень выделяли крушение исмаилитского государства. Ведь одновременно пала 500-летняя династия Аббасидов, прекратили свое существование государства, основанные потомками легендарного Саладина, а также могущественные региональные державы Хорезмшахов и Салгуридов.

И сами исмаилиты, по всей видимости, не воспринимали монгольский разгром как конец света. Опыт столетий, в течение которых последователи фатимидских имамов знали и периоды величия, и долгие годы преследований, дал им большой запас исторического оптимизма. Поэтому они не были надолго деморализованы после гибели Рукн ад-Дина и разрушения крепостей, под защитой которых выросли несколько поколений. Судя по тому, что в 1271 г. исмаилиты вновь захватили Аламут и попытались воссоздать свое государство, их численность в Иране была достаточно велика.

Что касается исмаилитов Сирии, то они, потеряв независимость, еще несколько десятилетий представляли собой внушительную силу, к которой не раз прибегали мамлюкские султаны для устранения своих противников. Превратившись в наемную армию для выполнения спецопераций, говоря сегодняшним языком, фидаи из Масъяфа и других крепостей, действовали по указанию своих даи, которые, в свою очередь, получали приказы от мамлюкских властителей. Возможно, утрата защитного смысла подобных акций привела к заметному снижению эффективности террора. Марокканский путешественник Ибн Баттута, посетивший Сирию в начале XIV века, сообщил о провале больших групп фидаев, пытавшихся убить монгольского правителя Багдада и некоторых высокопоставленных сановников. Что привело к отмене последних вольностей, которыми еще пользовались исмаилиты Сирии, и к постепенному превращению их в обычных крестьян и горожан[33].

[33] Современный английский историк Чарльз Мельвиль пишет: «Карасункур провел следующую зиму в Багдаде, тогда как Олджейтти был в Мугане. Где-то между Рамаданом 715 года и Мухаррамом 716 года (декабрь 1325 г. – март 1326 г.), на Карасункура было снова совершено нападение, но он остался невредим. Разочарование Аль Назира неудачными попытками убить Карасункура возможно раскрывается в декрете, подписанном им в 715/1315

На территории Ирана активность исмаилитов сохранялась гораздо дольше. Даже по прошествии ста двадцати лет после монгольского разгрома потомок предпоследнего аламутского имама Ала ад-Дина – Мухаммед Худаванд – поднял единоверцев Дейлема и соседних областей на борьбу и овладел Аламутом (1374 г.). Лишь нашествие Тимура в конце XIV века положило конец новому возрождению исмаилитов.

Тимур, возводивший свой род к Чингисхану, исповедовал суннитский ислам, и его природная жестокость дополнялась религиозной нетерпимостью. Для исмаилитов это обернулось подлинным геноцидом: десятки тысяч людей всех возрастов истреблялись во время вторжений полчищ Тимура. В центральной части Ирана (окрестности Махаллата) имелось многочисленное исмаилитское население, которое попыталось укрыться от преследователей в подземных каналах – кяризах. Но по приказу военачальника армии завоевателей кяризы были затоплены со всеми, кто искал там убежища.

Можно предположить, что именно это нашествие Тимура вызвало массовое переселение исмаилитов из давно обжитых мест в недоступные горные регионы и дальние страны, где не было преследований за веру. Но поскольку процесс этот не документирован, трудно в точности воссоздать картину миграций.

На общем восточном направлении переселений исмаилитов в разные периоды первенствующим становились то Индия, то Гиндукуш, то долины Памира. В этих регионах *дава* проводилась уже при фатимидских халифах, и, несмотря на дикие расправы со стороны суннитов, разбросанные повсюду небольшие общины вновь и вновь становились очагами возрождения, к которым тянулись гонимые из других местностей Среднего Востока. В частности, Памир, приобщившийся к тайной мудрости потомков Исмаила ибн Джафара благодаря деятельности Насир-и Хосроу, постепенно превращался в район сплошной исмаилизации. Естественно он становился особенно привлекательным объектом переселения.

Но и в регионах, разоренных монголами, еще долгое время сохранялись исмаилитские островки, где продолжалась идейная жизнь, развивалась богословская мысль и даже действовали даи. Конечно, тогда могла идти речь лишь о выживании культуры, времена крупных мыслителей и поэтов, разделявших воззрения исмаилитов, остались в прошлом. Ни Насриддин Туси, ни Омар Хайам,

году, который прекращает освобождение исмаилитского братства Масъяфа от разных податей, которые платили прочие жители области Хама». (MEDIEVAL ISMAILI HISTORY AND THOUGHT. – Cambridge, 1996. – P. 252)

ни Ибн Сина не могли появиться в условиях полуподпольного существования. Но инерция трех с половиной веков государственного бытия еще долго питала надежды на возрождение, отразившиеся в духовном творчестве исмаилитов, вынужденно принявших образ исламских мистиков – суфиев, а также в сочинениях поэтов, самым известным из которых был Сададдин Низари (1247 – 1320 гг.).

Детские годы поэта пришлись на эпоху монгольского завоевания. Цветущий Кухистан, родина Низари, был одним из главных центров исмаилизма. Чужеземное нашествие, сопровождавшееся разрушением городов и массовой гибелью населения, было первым жизненным потрясением, отразившимся в творчестве поэта. Еще много десятилетий спустя безжизненные руины напоминали об исторической трагедии. Но Низари не только сохранил веру предков, но и стал даи, продолжал привлекать новых последователей в лоно исмаилитского вероучения. Многие строки поэта-проповедника выражают его религиозные убеждения – веру в имамат, поддержку наследственных прав потомков аламутских имамов. Правда, в стихах нигде не встречается имя духовного лидера – ведь поэт творил в эпоху нового сокрытия и вряд ли мог раскрыть инкогнито. В том, что даи знал, кто унаследовал престол потомков Али и Фатимы, сомневаться не приходится – он был видным деятелем не только в исмаилитской среде, но и занимал высокие посты в государственной иерархии Кухистана, находившего в ту пору под управлением Али-Шаха из династии Саффаридов. По предположениям некоторых исследователей, первый послеаламутский имам нашел убежище в Азербайджане, и Низари, во время своего путешествия по этому краю, посетил его.

Впрочем, нельзя с полной достоверностью сказать, где находилась в то время резиденция имама. По сведениям исмаилитских источников, более полувека после смерти Рукн ад-Дина Хуршаха сообщество возглавлял его сын Шамс аль-Дин Мухаммед. Дата его смерти – 1310 год. Затем последовал 170-летний период безвременья, от которого сохранились лишь отрывочные сведения об исмаилитах. Известны имена четырех имамов – Касим Шаха, Ислам Шаха, Мухаммеда и Мустансира II – но данные об их жизни и деяниях столь скупы и отрывочны, что достоверность их сомнительна. Только дата смерти последнего из названных имамов (1480 г.) позволяет определить рамки бурной эпохи, когда не только человеческие имена стирались со скрижалей истории, но бесследно исчезали целые города и царства.

Время кончины Мустансира II известно благодаря сохранившемуся мавзолею имама в иранском селении Анжудан, служившем резиденцией многих поколений исмаилитских духовных лидеров. Памятная надпись сообщает, что он был суфийским шейхом – под этой личиной имамы вынужденно действовали несколько столетий. А их последователи соответственно именовались мюридами, как рядовые члены дервишских орденов.

Мавзолей исмаилитского имама в Анжудане (Иран)

Принцип *такийа*, еще со времен имама Джафара ас-Садика употреблявшийся шиитами всех разновидностей, стал определять жизнь исмаилитов на много столетий. Относительная веротерпимость и снисходительное отношение к человеческим слабостям становились достоянием прошлого по мере снижения культурного уровня стран, переживших нашествия кочевников. В более примитивном обществе не оставалось места свободному научному поиску и вольному поэтическому слову. Ибн Сина и Омар Хайам, появись они в ту эпоху, стали бы жертвами фанатиков.

Около трех столетий исмаилитские имамы, они же суфийские шейхи (или, по-персидски, *пиры*) скрытно руководили своей паствой, разбросанной по всему Востоку. Из Индии, из Кашгарии, из горных урочищ Афганистана добирались в Анжудан руководители местных общин, чтобы доставить *закят*[34] и получить наставления

[34] Налог со скота, продуктов земледелия и торгового оборота в пользу нуждающихся мусульман.

от духовного лидера. Впрочем, самого имама им редко удавалось увидеть, волю духовного лидера чаще объявлял ходокам верховный даи, имевший, как некогда Хасан-и Саббах, титул худджа.

Новые богословские и философские идеи, может быть, и рождались в исмаилитской среде в ту эпоху, но история не сохранила оргинальных трудов мыслителей смутного времени. Доблестью таких периодов можно считать саму верность духовной традиции. Хотя и не декларируя свою преемственность с мыслителями аламутского периода, исмаилиты по-прежнему признавали главенство *батин* (скрытого, символического смысла Корана) над *захир* (внешнего, буквалистского понимания Священного Писания мусульман) и стремились сделать это центральным содержанием суфийских доктрин. Ведь послания имама и писания даи облачались в форму суфийских поучений. Однако использование одинаковых понятий не означало растворение исмаилитских постулатов в идеях суфиев. Толкования Корана и привычных терминов, даваемые имамом и даи различных степеней, были направлены на раскрытие символических значений священных текстов, на выявление скрытых смыслов. Именно это всегда и было, по убеждению исмаилитов, основной миссией имама. В условиях же тайного исповедания веры это приобретало совершенно исключительное значение. Относительное облегчение исмаилитская община на территории Ирана смогла ощутить лишь после воцарения династии Сефевидов, вышедшей из суфийской среды. Пир ордена Сафавийа Исмаил ибн Хайдар в самом начале XVI века провозгласил себя шахом и объявил шиизм государственной религией страны. Что, естественно, должно было облегчить жизнь всех, кто причислял себя к приверженцам имамов из Дома Пророка. В Анжудане сохранилась каменая плита с указом шаха Аббаса I (1627 г.) имаму Халил Аллаху, в котором говорится о даровании ему налоговых льгот, при этом община Анжудана именуется шиитами исна-ашарийа, то есть господствующего шиитского толка. Знаток истории этого периода Ф. Дафтари полагает, что исмаилиты этой местности отправляли свои религиозные обряды под личиной дюжинников, используя принцип такийа. Судя по тому, что имам женился на сефевидской принцессе, его считали единоверцем. Второй вывод, который напрашивается сам собой: имам обладал немалым состоянием.

Есть основания полагать, что ко времени восшествия на престол шаха Аббаса I, наиболее значительного из правителей новой династии, иранские приверженцы скрытых исмаилитских имамов

уже уступали в числе единоверцам в Индии. За прошедшие столетия деятельность миссионеров в этой стране принесла богатые плоды. Особенно успешно вел пропаганду вероучения исмаилитский даи Садруддин в первой половине XV века – множество общин возникло тогда в Синде, Пенджабе, Гуджарате, Кашмире и других регионах северо-западной Индии. Его деятельность разворачивалась на пестром фоне – именно в этот период в Индии особенно умножились различные секты и течения, возникавшие на границе между исламом, индуизмом и буддизмом, такие, как сикхизм и бхакти. При этом, в сравнении с ортодоксальным исламом, исмаилизм представлялся индусам родственным явлением из-за близости некоторых основополагающих черт, уже знакомых благодаря проповеднической деятельности секты *имам-шахи*, чье учение представляло собой симбиоз исмаилизма и индуизма: они признавали возможность переселения душ, уважительно относились к Ведам.

В наибольшей степени исмаилизм был воспринят торговой кастой *лохана*, которая позднее стала именоваться ходжа (от персидского «хваджа» – господин); очевидно, рационалистические установки, опирающиеся на здравый смысл и подразумевающие право человека на достойное место в жизни, оказались близки деловитым коммерсантам. Капитал, экспансивный по своей природе, не вполне вписывался в ту социальную систему, которую тысячелетиями пестовал индуизм; видимо, опытный миссионер Садруддин почувствовал подспудную неудовлетворенность ходжа и предложил проповедь, созвучную их образу мышления.

Со временем именно богатая исмаилитская община Индии стала главным источником пополнения казны имамов. Чтобы добраться в те времена до Анжудана, надо было преодолеть тысячи верст по пустыням и горам, пересечь множество границ и миновать местности, населенные воинственными племенами, кишащие разбойниками. Немало людей сгинуло бесследно во время этих странствий. Чтобы облегчить и несколько обезопасить контакты с индийской паствой, было принято решение перенести резиденцию духовного лидера на Восток, ближе к индийским пределам. С 40-х годов XVIII века имамы обосновались в Шехр-и Бабеке, небольшом городке провинции Керман. Здесь, у подножья хребта Кухруд, началась новая яркая глава в истории древней династии. Имамы вновь выдвинулись на авансцену истории и начали играть важную роль в жизни крупнейшего государства Среднего Востока.

ИЗ ТЕНИ В СВЕТ

Когда в середине XVIII века могущественный властитель Ирана Надир-шах пал жертвой заговора, страна погрузилась в долгую смуту. Соперничающие правители различных провинций вели яростную борьбу, стремясь овладеть троном и основать собственную династию. Постепенно выявились два основных претендента – роды Каджаров и Зендов. Последним удалось взять верх – Керим-хан Зенд управлял Ираном с 1760 по 1779 год. Правда, он не принял шахского титула, но объявил себя *векилем* (уполномоченным). Потомки его вновь сошлись в схватке за трон, чем воспользовались недобитые Каджары; в итоге корона досталась им.

Для исмаилитских имамов этот бурный период стал временем возвращения из многовекового небытия. Они превратились в активных участников событий, благодаря бракам их детей с дочерьми и сыновьями вельмож стали близки к шахскому престолу. Имея летнюю резиденцию в Шехр-и Бобеке, зиму имамы проводили в провинциальном центре Кермана – городе с тем же названием. Именно этот край стал одной из опорных баз для династии Зендов. Внук исмаилитского имама, перебравшегося в Керман, стал губернатором провинции. Имя его – Абу-ль Хасан Али. В родословии потомков Фатимы и Али он стоит на сорок четвертом месте. Всего лишь пять поколений отделяют его от современного духовного лидера исмаилитов Ага-Хана IV.

При Керим-хане имам Абу-ль Хасан Али был в фаворе. Но после смерти правителя, когда началась ожесточенная борьба между его потомками, исмаилитский лидер уже не встал ни на чью сторону. Более того, он принялся оказывать все возрастающую поддержку Каджарам, которые вновь стали усиливаться в северных, а затем и центральных районах Ирана. В итоге имам потерял пост губернатора и возвратился в Шехр-и Бобек.

Когда в 1794 г. Каджарам удалось одержать верх, они предали Керман огню и мечу, истребив большую часть его населения или обратив в рабство. Укрывавшегося в городе последнего шаха враждебной династии сначала ослепили, а затем казнили. Исмаилитов провинциального центра гражданская война тоже не обошла стороной, но им сохранили жизнь и разрешили покинуть город, несомненно, из-за поддержки Каджаров со стороны имамов. К этому

времени Абу-ль Хасан Али уже умер, и общину возглавлял его сын Шах Халил Аллах III. Видимо, разорение Кермана стало причиной переноса резиденции в Кахек, неподалеку от Махаллата (в том же округе, что и Анжудан). Возможно, были и другие соображения. К этому времени столицей страны сделался Тегеран, и Халил Аллах, ставший видной фигурой в жизни страны, должно быть, желал быть поблизости от трона.

Через двадцать лет он вновь перенес свою резиденцию в юго-восточном направлении. Теперь это был провинциальный центр Йезд, лежащий на дороге из Тегерана в Керман. Все эти перемещения сыграли определяющую роль в исторической судьбе имамата. Ибо географическое положение резиденции имело важное значение в годы лидерства преемника Халил Аллаха.

Через два года после переселения в Йезд, в 1817 году, имам был убит во время разгрома его дома толпой торговцев, требовавших выдачи их обидчика-исмаилита, нашедшего убежище у Халил Аллаха. Новым имамом был провозглашен 16-летний сын погибшего – Хасан Али Шах. Он уцелел лишь потому, что находился в трагический день вместе со своей матерью в родовом имении Кахек (между провинциальной столицей Кумом и Махаллатом).

Когда вдова убитого имама прибыла к шахскому двору требовать наказания виновных в его смерти, монарх Фатх Али-шах не только распорядился провести следствие и суд, но и осыпал милостями осиротевшую семью. Юный имам получил в жены одну из шахских дочерей – Сарв-и Джахан Ханум, а также был удостоен почетного титула Ага-Хан, что значит Великий Вождь. Кроме того, он был назначен губернатором провинции Кум. В дополнение к поместьям имама под Махаллатом были пожалованы новые владения.

До окончания царствования Фатх Али-шаха Ага-Хан пользовался почетом, и положение его было незыблемым. Располагая значительными средствами, имам постепенно сформировал внушительные воинские соединения, подчинявшиеся только ему, и обеспечивал с их помощью безопасность путей к Тегерану. Его массивную фигуру в традиционном персидском кафтане часто можно было видеть в монаршей резиденции. Его характерный профиль с орлиным носом и густой бородой сразу узнавали многочисленные придворные и дворцовая челядь. Зять шаха стал одной из влиятельнейших фигур, хотя завистников и врагов он тоже приобрел немало. «У трона – огонь, бойся его», – гласит персидская пословица. Имам смог убедиться в ее справедливости, когда Фатх Али-шах оставил бренный мир (1834 г.).

Правление нового монарха – шаха Мухаммеда – вполне удачно началось для Ага-Хана. Вскоре после его восшествия на престол имам получил назначение губернатором в Керман, важнейшую для государства провинцию, через которую шли торговые пути к портам Персидского залива. Шах рассчитывал, что обладающий значительными силами Ага-Хан сможет очистить регион от мятежников и афганских князьков, время от времени захватывавших здесь обширные территории.

Губернатор действительно умиротворил провинцию, но при этом шахская казна ничего не выделила на содержание армии. А когда Ага-Хан представил соответствующие счета, вместо возмещения расходов получил указ об отрешении от должности. Недоброжелатели настроили правителя против имама, поселив в его сердце мысль о потенциальной опасности для трона со стороны богатого аристократа, обладающего мощной личной армией. Возмущенный неблагодарностью и несправедливостью Мухаммед-шаха, Ага-Хан отказался подчиниться распоряжению прибыть в Тегеран и фактически стал действовать как независимый правитель Кермана.

Однако после двухлетнего противостояния и нескольких военных кампаний Ага-Хан был захвачен в плен вместе с его многочисленными родственниками. Почти год их держали под арестом, но в конце концов Мухаммед внял просьбам семьи и не стал карать родича. Хотя от наказания имама освободили, шах повелел ему жить в имениях под Махаллатом, что было по сути дела ссылкой.

Тем временем позиции врагов Ага-Хана при шахском дворе все усиливались; распространялись злонамеренные слухи о том, что он готовит восстание, хотя за два года, проведенных им в родовых владениях, он вообще держался вне политики. Имам стал искать выход из опасной ситуации. Он обратился к монарху с просьбой позволить ему паломничество в Мекку. Разрешение было дано.

В сентябре 1840 года огромный караван, в котором помещалась многочисленная родня и свита Ага-Хана, двинулся на юг от Махаллата в сторону Персидского залива. Однако в дальнейшем путь его отклонился на юго-восток, и вскоре имам и его люди оказались перед воротами Йезда. Местному губернатору было направлено послание с фальшивым указом о назначении Ага-Хана губернатором Кермана. Поэтому караван беспрепятственно пропустили.

Когда в Тегеране обнаружили бегство имама, а затем получили сведения о захвате им крепостей Шехр-и Бобека и Кермана, для подавления мятежа была направлена четырехтысячная армия, которую Ага-Хан разгромил.

В течение года после оставления Махаллата на территории Кермана произошло несколько крупных сражений, в которых правительственные войска терпели поражения. Ага-Хан выбрал своим опорным пунктом старинную крепость большого оазиса Бам, лежащего у границы огромной пустыни Дешт-е Лут. Во время первого своего восстания имам выдержал в этих стенах 14-месячную осаду. Но когда на сей раз к Баму направилась 24-тысячное войско шаха, Ага-Хан решил не искушать судьбу и оставил крепость.

Караван направился в безжизненную пустыню, на сотни верст покрытую галечником и солончаками. Внезапно налетающие ветры поднимали к небу удушливую пыль, тогда путники не видели друг друга в нескольких шагах; караванщики криками заставляли животных лечь на землю, а люди тщетно старались укрыться за верблюдами и лошадьми от всепроникающего праха. Под неласковым солнцем беглецы много дней шли между громадных причудливых сооружений, изваянных ветром за миллионы лет, называемых здесь *калутами* («руины» на фарси). Путь их лежал в земли белуджей, которые беспрепятственно пропустили имама в соседний Афганистан.

Так летом 1841 года завершился иранский период в истории исмаилитского имамата. 750 лет остались за огромным серым облаком, поднятым ветром над Дешт-е Лут. Пыльная буря скрыла не только оставленную землю, но и целую эпоху, словно огромный занавес, опустившийся в конце величественной исторической драмы. Наверное, стоя на каменистой окраине пустыни, имам увидел мысленным взором и горные крепости Дейлема, и цветущие предгорья вокруг Анжудана, и древний Керман, опушенный пальмовыми рощами, ярко зеленеющими на фоне снеговых вершин. Могилы 25 имамов, его предков остались за занавесом бури. Но пыльная завеса скрыла не только века славы, она отделила века преследований и вынужденного сокрытия своей веры. Хотя Ага-Хан и вошел в персидскую элиту, он так и не легализовался в полной мере как духовный лидер исмаилитов. Теперь в его жизни наступал новый этап – открытого служения своей общине.

На следующее утро караван пересек невидимый рубеж, отделявший Иран от Афганистана. Задолго до появления солнца над гребнями гор разлилось безмятежное золотисто-розовое сияние. Но в сердцах у всех было смятение. Никто не знал своего будущего, никто не мог представить себе, что ждет имамат на чужой земле. Это был тревожный рассвет в судьбе исмаилизма, вновь вышедшего из исторической тени.

ПОДНЕБЕСЬЕ

К моменту исхода имама и его семьи из Ирана наибольшая концентрация исмаилитов существовала в горном регионе, простиравшемся более чем на тысячу верст от Кашмира до Тянь-Шаня. Три горных системы – Каракорум, Гиндукуш и Памир – переходя одна в другую, образуют замкнутый мир, самой природой созданный как идеальное место для сохранения самобытных культур. Возможно, именно это способствовало выживанию древнейших верований доисламской эпохи до самого XX века. Мусульманское население соседних регионов именовало эти труднодоступные ущелья Кафиристаном (от арабского *кафир* – «неверующий, язычник»).

Язычники составляли здесь абсолютное большинство еще во времена Насир-и Хосроу – подлинного апостола исмаилизма, выдающегося ученого и поэта. В XI веке, когда мыслитель вынужден был укрыться в диком Бадахшане из-за преследований суннитских властей, исламизация горного края только начиналась. В 1088 г. он умер в бадахшанском кишлаке Йомган и с тех пор почитается за святого.

Творчество Насир-и Хосроу поразительно многообразно. Его уместно сравнить с Ибн Синой и великими деятелями европейского Возрождения: та же жадность к знанию, энциклопедический охват наук, бесстрашие мысли и почитание человека-творца, человека-труженика. В приводимых ниже строках, авторство которых, впрочем, оспаривается рядом исследователей, обращаясь к Богу, поэт говорил с поразительной свободой и искренностью:

Буду спорить в день последнего Суда.
Хочешь – можешь у меня отнять язык,
А не то тебе придется отвечать,
Чтобы я свое невежество постиг!

Нет, вели меня поглубже спрятать в ад,
Что за прок с тобою спорить всякий раз!
Ты, когда мы честно молимся тебе,
«Соврати их!» – сатане даешь приказ.

Если сам ты без песчинки на ступнях,
Как ты создал, повторяю, сатану?..
Словом, столько в этом деле темноты,
Что рукой на богословие махну!

Если создал ты хороших и дурных,
В наказаньях и наградах смысла нет!
Безупречных ты иметь желаешь слуг -
Нас, плохих, зачем же выпустил на свет?

По природе я – железная руда:
Содержать в себе алмазы не могу,
Сотни раз меня в горниле переплавь -
Я все тот же, пред которым ты в долгу!

Непосредственно за Насир-и Хосроу миссионерскую деятельность в крае продолжил Шах Хомуш, прибывший в конце XI в. из Исфагана, где он прошел обучение как исмаилитский даи. Впоследствии он стал светским правителем Памира и основал династию, правившую несколько столетий.

По-видимому, пример праведной жизни Насир-и Хосроу и интеллектуальное превосходство исмаилитских миссионеров обеспечили их первенство при обращении в свою веру горных племен. Возможно, этим объясняется вражда правителей Кафиристана с исмаилитами. В преданиях народов Памира отразилась память о нашествии язычников (сияхпушей) и установлении ими своей власти над исмаилитскими землями.

Но впоследствии кафиры оставили свои крепости, возведенные на неприступных кручах, и вернулись в свои ущелья. Постепенно территория Кафиристана сокращалась, пока за язычниками не остались лишь наиболее суровые районы Гиндукуша. И по-прежнему миссионерами, обращавшими своих недавних врагов в веру Мухаммеда, были исмаилиты. По утверждению современного исследователя, этот процесс наблюдался до последнего времени: «По сей день население Северного Читрала и западной части долины Гилгит принадлежит к этой секте. Не так давно в исмаилизм была обращена Хунза»[35].

[35] *Йеттмар К.* Религии Гиндукуша. – М., 1986. – С.20.

Только в XIX столетии главную роль в обращении кафиров стал играть суннитский ислам. Но еще больше настойчивости проявляли суннитские властители и духовенство в искоренении исмаилизма. Возможно, их ожесточение вызывалось особой устойчивостью сообщества «еретиков». Так часто бывает: ортодоксы склонны скорее мириться с полным отрицанием своего учения, нежели с его нестандартными толкованиями.

Бадахшан, окруженный государственными образованиями, где господствовали сунниты, был к началу XVII века полностью мусульманизирован, и кафиры уже не определяли его этно-культурный характер. Однако это не останавливало правителей соседних княжеств и ханств перед подлинным разбоем. Прикрываясь лозунгами «истинного ислама», они предавали огню и мечу мирные долины, где жили исмаилиты, а население кишлаков и городков в массовом порядке обращали в рабство и продавали на невольничьих рынках. При этом именовали своих жертв кафирами, дабы придать творимому произволу «богоугодный» облик[36].

О первых веках существования исмаилитской общины на Памире и в соседних с ним горных областях имеются лишь отрывочные данные. Более или менее достоверные сведения относятся эпохе падения последних крупных государств, управлявшихся наследниками Чингиз-хана. Центральная Азия превратилась в арену борьбы мелких деспотов Бухары, Хивы, Самарканда, афганских областей. В этой обстановке создались благоприятные условия для возникновения исмаилитских династий. И хотя подлинно самостоятельными государствами Бадахшан, Шугнан, Читрал, Канджут и другие княжества не стали, исмаилитское население время от времени чувствовало облегчение в сравнении с режимами, проводившими политику национально-религиозного угнетения.

Более или менее связную летопись событий на Памире представляет собой «История Бадахшана». Автор этого сочинения, мир-

[36] Русский политический чиновник барон А.Черкасов в 1904 г. дал выразительную зарисовку того, как бухарские власти пытались проводить «суннизацию» края – несмотря на то, что он находился под верховным сюзеренитетом Российской империи: «Первый предлог, изобретенный бухарскими беками Шугнана, Вахана и Рушана для того, чтобы начать давить население, была религия последнего. Сунниты-бухарцы считают таджиков еретиками, кафирами, не принадлежащими ни к одной из религий, имеющих богом вдохновленные книги (христиане, евреи и сами мусульмане), равными язычникам, а потому лишенными, согласно Корану, всяких человеческих прав. Было много случаев, когда обиженные неправым решением бека ссылались на шариат, и тогда бек объявлял, что для протестующего, как кафира, шариат не существует: «Сделайся истинным правоверным, сунни, и тогда мы применим к тебе шариат». (Очерки по истории Советского Бадахшана. – Душанбе, 1985. – С.478)

за Санг Мухаммед, живший во второй половине XVIII века, начал повествование с середины XVII века, когда народ края выбрал себе эмиром наследственного пира Йари-бек-хана, возводившего свой род к Шах Хомушу. Но правление исмаилитской династии принесло умиротворение ненадолго. За более чем двухсотлетний период, описанный историком и его продолжателем Фазл-беком, разве что несколько лет были спокойными. Кровавая чехарда междоусобиц, когда сыновья правителя восставали на отца, затем убивали друг друга, привела к всесторонней деградации страны. Многочисленные враги, пользуясь внутренней нестабильностью, опустошали Бадахшан. При ограниченности ресурсов любое нашествие приводило к голоду и гибели населения, а постоянный увод людей в рабство еще больше опустошал землю. Некому становилось поддерживать сложную систему орошения в горах, что еще больше суживало продовольственную базу.

К началу XX население западного Памира, населенного исмаилитами, составляло около 14 тысяч человек, обитавших в 97 кишлаках. Такая численность не гарантировала сохранения общины в условиях постоянного давления суннитского большинства. К примеру, Язгулемское ущелье, находившееся когда-то в центре ареала обитания исмаилитов, к тому времени уже служило западной границей распространения исмаилитских поселений. Борис Лапин, посетивший его в 1927 году, привел в своей «Повести о стране Памир» слова глубокого старика, помнившего иные времена: «Вы называете нас язгулом. Но вам говорили и другое, старинное название. Мы – жители страны Юздом. Вот она, наша страна, – от ледников Ноббуд до валунов Пянджа. Я слыхал от дедов – юздомцы всегда жили здесь. Когда-то юздомский язык владел землями Дарваза и Пянджского заречья. Кроме долины Ванджа, где был свой язык. Теперь по юздомски говорят только в нашем ущелье, по нашему счету тысяча девятьсот человек. Везде в других местах народ принял фарси... Мы почитатели высокого закона, мы не еретики. Я понимаю ваш вопрос. Вам говорили, что язгуломцы близки к еретикам «шия», но это неправда. Среди нас есть только один кишлак – он называется Андарбаг, – где живут шииты из секты Исмаилия. Этот кишлак один сохранил веру наших дедов. Все остальные стали суннитами»[37].

Коренной поворот в судьбе поднебесья, населенного исмаилитами, произошел с превращением региона в зону соперничества

[37] *Лапин Б.* Избранное. – М., 1958. – С.41-42.

двух мировых империй – Британской и Российской. Первая, полностью овладев к середине XIX века Индийским субконтинентом, стремилась установить свой протекторат и над всеми прилегающими странами, дабы держать под контролем все возможные пути к главному сокровищу британской короны. Вторая, расширяясь за счет земель кочевников и мусульманских ханств, также постепенно вышла к естественному рубежу, образованному горными цепями, который отделял ее от владений королевы Виктории.

Переход Ага-Хана и его сторонников на территорию Афганистана после бегства из Персии совпал по времени с англо-афганской войной. Будучи гостем кандагарского губернатора, имам стал посредником в переговорах оккупантов с афганскими властями, что способствовало эвакуации войск под командованием генерала Нотта после провала британской армии под Кабулом. Это показало степень влияния, которым обладал Ага-Хан в горных районах к северу и на запад от Кашмира.

Англичане и в дальнейшем всячески старались привлечь имама на свою сторону, так как, несмотря на неудачу в первой афганской войне, они рассчитывали в будущем установить контроль над стратегически важным регионом, где имелось многочисленное исмаилитское население. И добились успеха – их сотрудничество с Ага-Ханом приобрело значение стратегического союза.

Русские вышли на Памир лишь к концу 1880-х годов и только тогда познакомились с паствой имама. Поскольку продвижение Российской империи в Среднюю Азию началось много позже, чем британская колониальная экспансия на Востоке, представление русских чиновников и офицеров о национально-религиозном составе населения вновь присоединенных территорий было поначалу довольно смутным. Однако, надо отдать им должное, они довольно быстро поняли своеобразие исмаилитской общины и в общем верно излагали суть ее отличия от суннитского большинства окружающих территорий.

В 1895 году благодаря усилиям российской и британской дипломатии избежать столкновения двух великих держав было проведено пограничное размежевание на Памире, в результате которого Бадахшан был разделен на две части – северная отошла к России, а южная – к Афганистану. Выкроенный на карте региона так называемый Ваханский коридор должен был разделить земли двух империй. Это соглашение, касавшееся отдаленнейшего захолустья, имело эпохальное значение. Благодаря ему стало возможно

прекращение соперничества России и Великобритании и переход от конфронтации к сотрудничеству, завершившемуся созданием Антанты. Со всеми вытекающими отсюда глобальными последствиями – формированием двух враждебных коалиций в Европе и стремительному сползанию к мировой войне.

Не менее важным было и то обстоятельства, что с востока к области разграничения примыкал китайский Синцзян, также имевший значительное исмаилитское население. А обе европейские империи рассматривали одряхлевшего восточного гиганта как объект грядущего раздела.

Памир стал последней территорией, над которой был поднят флаг Российской империи, почти триста лет расширявшейся на одну Голландию в год (так, образности ради, скалькулировал Збигнев Бжезинский). Тогда, конечно, никто не мог знать этого – инерция экспансии была еще очень велика, уже намечалось продвижение в Манчжурию и Корею, русские экспедиции пересекали Гоби, изучали подходы к Тибету.

Граф А.А.Бобринский, посетивший Памир вскоре после его присоединения к Российской империи (формально – к Бухарскому ханству, находившемуся под русским протекторатом), в своем отчете о путешествии прямо рекомендовал правительству сделать ставку на горных таджиков, исповедующих исмаилизм, которых он нашел более близкими по расе и психологическому складу, чем население предгорий – узбеков и равнинных таджиков[38].

---

[38] А секретарь политического агентства в Бухаре барон Черкасов, непосредственно отвечавший за управление Памиром, даже посчитал верования жителей Памира близкими к христианству, государственной религии империи. Его отчет позволяет судить об уровне понимания исмаилизма: «Признавая главнейшими святыми Мухаммеда, дочь его Фатьму, зятя Али и внуков Хасана и Хусейна, свою религию таджики между собою называют «дини-пэндж-тэн» (религия пяти особ), а себя, адептов этой религии, – «пэндж-тэни». Символическим знаком принадлежности к «пэндж-тэн» служит рука с расставленными пятью пальцами, изображения которой часто встречаются высеченными на скалах и камнях в Шугнане и Вахане...

Религиозные главари таджиков, их ишаны (то же, что пиры – *С.П.*), все считаются сеидами, потомками Алия. Не сеид ишаном быть не может. Таким образом, звание ишана остается в одних и тех же семьях, переходя преимущественно, хотя и не всегда, от отца к старшему сыну, если последний окажется, по мнению общины, мюридом, достойным стать их фетишем и получить утверждение от главы религии Ага Хана. Готовящиеся в ишаны сеиды изучают Коран и священные книги своей религии, из которых главных четыре: «Ваджхуддин» (Наставление в вере), иначе «Калами-пир» (Слово наставника), «Уммуль-китаб» (Мать книг), «Хефтбаб» (Семь глав) и «Ишар» – краткое изложение в стихах, книги «Калами-пир». Есть и другие сочинения, ознакомление с которыми для ишанов необязательно, – «Рушнаи-наме», «Казиуль-хакаик» и диван (собрание стихотворений – *С.П.*) совершенно, кажется, неизвестного европейским ориенталистам персидского поэта-суфи и вольнодумца Шамсуд-

Не осталась без внимания и личность Ага-Хана (к тому времени духовным лидером исмаилитов стал уже внук мятежного имама – Ага-Хан III). Зная о его тесных связях с британцами, русские чиновники не делали, однако, выводов о непременной ориентации его паствы на Лондон. Более того, уже цитированный А.Черкасов указывал в своем отчете: «Сам Ага-Хан и все его мюриды – поклонники Алия... Несколько раз мне довелось слышать, что Ага-Хан в посланиях к афганским и памирским мюридам советует тем и другим уповать на милость божию и надеяться первым – на помощь англичан, а вторым – на помощь русских...»[39].

Таким образом, исмаилиты вполне могли надеяться, что наступившая стабильность позволит общине полнокровно развиваться, не опасаясь преследований, при покровительстве обеих союзных империй. И их надежды оправдались. Вот как оценивались перемены, происшедшие в связи с установлением российской власти, в документе, подготовленном ОГПУ Таджикистана в 1932 году: «...когда с населения Памира были сняты всякие подати и налоги, назначаемые эмиром бухарским, более мелкие чиновники находились на содержании начальника Памирского отряда (80 рубл. золотом в месяц), который вместе с тем и являлся военнонародным правителем всего Памира, и никакого отношения к управлению фактически не имели, так как волостной управитель только ради

дина-Тебризи. Все означенные сочинения проникнуты духом персидского суфизма: они опровергают схоластические суннитские толкования о свойствах божества, доказывают, что религия an und fuer sich одна, но различно изложена Моисеем, Христом и Мухаммедом, что различие религиозных воззрений при наличности веры в божество – не должно служить причиной к разъединению людей, и восстают против формалистики суннизма, фигурально толкуя обязанности, налагаемые исламом на своих адептов. Так, молитва должна выражаться в доброжелательстве к ближнему, пост – в воздержании от дурных поступков и проч. Учение об имамате изложено в перечисленных книгах неодинаково – в некоторых – более в духе исмаилизма, признающего имамат бесконечно существующим в роде Ага Хана, в других – в духе секты «Асана ашара», ограничивающей число имамов двенадцатью. В части этической все книги пэндж-тэни носят сильные следы учения Христа. Первое правило, рекомендуемое пэндж-тэни к сведению и руководству,— «не делай другому того, чего ты не желаешь, чтобы другие делали тебе». Другое правило — о том, что нельзя отвечать злом на зло,— даже изложено в той форме, которую мы встречаем в Евангелии: «Если кто-нибудь ударит тебя по щеке, то подставь ему и другую».

Проникновенность духом вышеназванных книг не остается без сильного и заметного влияния на самих пиров: спокойствие, благожелательное отношение к окружающим мюридам, простая, но полная чувства собственного достоинства манера держать себя, любовь к разговорам на отвлеченные темы – одинаково свойственны всем ишанам, с которыми я познакомился в Памирских бекствах». (Очерки по истории Советского Бадахшана. – Душанбе, 1985. – С. 463-466).

[39] Там же. – С. 469.

показной вежливости посещал бухарского чиновника, но исполнял только те распоряжения, которые исходили от начальника отряда и его офицеров (начальников постов).

После власти своих ханов Шугнана, власти афганцев, а потом и власти бухарцев, установившаяся фактически русская власть, власть «белого царя», показалась населению Шугнана настоящим раем, так как русские офицеры за каждую услугу щедро платили золотом. Правда, русские офицеры за неподчинение к себе как русскому офицеру, если шугнанец не делал при встрече ему салям и не слезал с лошади или непочтительно вел себя в его присутствии, пороли нагайками, но это было ничто по сравнению с тем, что они переносили раньше от своих ханов, афганцев и бухарцев. Шугнанцы начинают улучшать свои жизненные условия и увеличивать свое до того разрушенное хозяйство. Если раньше ситцевая рубаха была гордым украшением жены какого-нибудь ишана, то теперь ситец считался уже заурядным явлением в семье бедняка, как и медная и фарфоровая посуда. Одним словом, шугнанцы начинают обзаводиться домашней утварью и одеждой. Считавшееся заурядным явление, когда женщина не могла выйти на улицу или на двор только из-за того, что истлевшая на теле рубаха или штаны из китайской маты не вполне достаточно покрывали в известных местах ее тело, теперь стало весьма редким явлением. Наоборот, на свадебных торжествах женщины стараются перефрантить одна другую, украшая себя ситцевыми платьями. Год за годом материальное положение шугнанцев под властью русских стало заметно улучшаться. Ежегодно Памирский отряд расходовал в общей сложности 200.000 золотой и серебряной валюты. Львиная часть при этом попадала, конечно, в лапы местной знати. Если прибавить, что все натуральные повинности при этом ложились на бедняков, и только в исключительных случаях на местную знать — ишанов, сеидов, казиев и аксакалов, можно уверенно сказать, что царская власть им была слишком по душе, и лучше такой власти они не могли себе представить. Тем более, что власть совершенно не касалась религии и никаким образом не противоречила выплате зякета Ага-Хану, что давало широкую возможность духовенству обирать доверчивых мюридов (верующих) и выкачивать из них всеми правдами и неправдами валюту.

Не протестовала власть и даже поощряла широкую эксплуатацию местной знатью бедняков-факиров. Не вмешивалась власть также в земельные и в другие домашние вопросы и споры, которые

самостоятельно разрешались или волостным управителем или, в крайнем случае, казием и, конечно, всегда в пользу местной знати. Но все-таки по сравнению с управлением ханами, афганцами и бухарцами под русской властью беднякам жилось много лучше, и совсем хорошо и привольно себя чувствовала местная знать, с которой офицерство было в самых лучших отношениях. Офицерство ездило в гости к ишанам и приглашало их к себе и, принимая подарки, чтобы поддержать честь мундира, одаривало в довольно крупном масштабе»[40]. Несмотря на понятную тенденциозность этого документа, сущность наступивших перемен он передавал довольно точно.

Но период пребывания под скипетром российского императора оказался весьма кратким. Уже в 1918 году Памир вновь подвергся нашествию разношерстных воинских формирований.

[40] *Харюков Л.Н.* Англо-русское соперничество в Центральной Азии и исмаилизм. – М., 1995. – С. 226-227.

ВЫБОР БУДУЩЕГО

После отъезда из Афганистана, Ага-Хан на два года обосновался в Синде, где издавна существовала большая и влиятельная исмаилитская община. Благодаря ей имам хорошо знал о положении в этом княжестве и смог оказать англичанам существенную помощь в его завоевании. Так, он предупредил британского политического агента о готовящемся нападении синдского эмира Насир Хана на британский лагерь и тем спас армию от разгрома. Услуги Ага-Хана были высоко оценены правительством – ему назначили ежегодную пенсию в 2000 фунтов стерлингов.

Когда в 1843 г. англичане завершили завоевание Синда, их следующей целью стал Белуджистан. И вновь Ага-Хан оказал неоценимую помощь империи – одних из вождей белуджей уговорил капитулировать, против других послал собственные части, чтобы воевать на британской стороне. Его помощь была продиктована главным образом политическими расчетами – ему нужен был сильный союзник в борьбе за Персию, куда он намеревался вернуться. Недаром он направил двух своих братьев во главе сильных отрядов для захвата опорных пунктов на территории персидского Белуджистана.

Первой резиденцией Ага-Хана после его переселения в Индию стал Бомбей. Но вскоре под давлением англичан он переехал в Калькутту. Произошло это из-за обострения отношений между британским и персидским правительствами. Персы требовали выдачи Ага-Хана за его действия в Белуджистане – согласно соглашению, подписанному с Британией еще в 1814 году. Поэтому, не желая лишиться ценного союзника, Ага-Хану предложили уехать в столицу колонии, подальше от персидских границ. Похоже, это привело к желательному для персов исходу. Вскоре, после нескольких лет борьбы против шахских войск, один из братьев вернулся к Ага-Хану, а второй был пленен и доставлен в Тегеран. Шах, между тем, простил его и осыпал милостями – в частности выдал за него одну из дочерей и позволил жить в родовых имениях возле Махаллата. Таким образом, он был поселен в Персии на правах почетного заложника, а знаки монаршего благоволения были сигналом Ага-Хану прекратить попытки дестабилизировать положение Каджаров. Похоже, имам принял этот сигнал к сведению и больше не проявлял интереса к внутренним делам Персии.

Ага-Хан I с сыном, будущим имамом Ага-Ханом II

В Бомбей Ага-Хан вернулся уже через два года, когда получил известие о смерти шаха Мухаммеда. Британцы немедленно начали ходатайствовать перед новым правителем Персии шахом Насреддином о разрешении Ага-Хану вернуться на родину. Позднее и сам имам неоднократно обращался к монарху с аналогичными просьбами и посылал ему богатые дары, среди которых были слоны, носороги, жирафы, оружие и драгоценности. Однако Ага-Хану так и не было суждено увидеть родину. Вероятно, Каджары видели в нем возможного конкурента. Мало по малу распростившись с надеждами на возвращение, Ага-Хан стал обосновываться в Бомбее на манер владетельного князя, окруженного огромным двором. Его внук позднее писал в мемуарах: « Мой дед, уезжая из Персии, увлек за собой больше тысячи человек разного рода. Это родня, прислуга, клиенты, компаньоны, приверженцы и политические сторонники Статус их варьировал от скромнейшего конюха до принца, прямого потомка Надиршаха, славного в Дели, который встал на сторону моего деда в спорах и беспорядках в Персии и ушел с ним в изгнание»[41].

Тем временем и события в Индии все более требовали внимания имама. Положения в местной общине было чревато серьезным конфликтом. В *дархана* (резиденции) имама годами разбирали споры с группой диссидентов, отколовшихся от основной массы ходжа еще во времена пребывания Ага-Хана в Персии. Споры не раз перерастали в столкновения, доходило до убийств и долгих судебных разбирательств. В конце концов, в 1866 году раскольники подали в суд на имама, требуя от него отказаться от получения закята и распоряжения средствами общины.

Процесс, состоявшийся в Бомбее, вызвал большой резонанс не только во всем исмаилитском сообществе, но и в мире. Ибо впервые предметом рассмотрения стала история, вероучение и генеалогия религиозного течения, которое большинством культурных людей как на Востоке, так и на Западе считалось давно исчезнувшим. До 1866 только узкий круг колониальных чиновников да некоторые должностные лица Персии знали, что представлял собой исмаилизм и кто был его духовным главой. Но и они скорее строили догадки относительно догматики и происхождения секты, чем обладали достоверной информацией.

Слушания на беспрецедентном процессе продолжались 25 дней. Рассмотрев представленные имамом исторические документы и труды исмаилитских богословов, суд под председательством опыт-

[41] The memoires of Aga Khan. – London, Cassel & Company Ltd., 1954. – P. 9.

ного британского юриста Джозефа Арнольда постановил, что исмаилиты являются исламской шиитской сектой, а их духовный глава – прямым потомком аламутских имамов. Это решение положило конец интригам диссидентской группировки и утвердило незыблемый авторитет Ага-Хана.

Для прагматичных ходжа, составлявших основу индийской паствы, тяжба об историческом наследстве оказалась вполне приемлемым способом утверждения истины. Наиболее проникнутая буржуазным духом торговая община вполне в духе времени приняла буржуазный суд как инструмент регулирования религиозной жизни. В иных исламских сообществах об этом и помыслить не могли в ту эпоху.

Имамат Ага-Хана I продолжался 64 года до его смерти в 1881 году. За этот период коренным образом изменилась политическая карта всего региона. Если при вступлении в должность имама юный Хасан Али Шах был подданным персидского шаха и вел жизнь типичного восточного аристократа, существовавшего в системе феодальных отношений, то к концу жизни он воспринял совершенно новые ценности, порожденные динамично развивавшимся капитализмом. Бомбей, ставший его прибежищем, был своего рода витриной европейского индустриального развития на Востоке. Здесь кричащим образом обнажились все проблемы, связанные с модернизацией традиционного общества. Целые общественные слои безжалостно отбрасывались на обочину жизни, превращаясь в пауперов, и в то же время росло могущество отдельных групп и каст, которые сумели воспринять алгоритм буржуазной цивилизации.

Наверное, Его Высочество (этот титул был пожалован имаму британской королевой) Ага-Хан I пережил трудную психологическую ломку, приспосабливаясь к новым реалиям жизни. О том, что такая духовная проблема существовала, косвенно свидетельствует многолетнее стремление имама вернуться на свою родину. Покинув ее в возрасте сорока лет, он был уже человеком со сложившимися взглядами и предпочтениями. Слом привычного жизненного уклада, несомненно, доставлял большие нравственные страдания этому мужественному и решительному человеку.

Когда в 1881 году Ага-Хан I скончался, имамат унаследовал его сын от брака с персидской принцессой – Ага Али Шах. Он появился на свет в родовом имении имамов под Махаллатом, позднее несколько лет прожил вместе с матерью в священных городах шиитов Неджефе и Кербеле, где занимался изучением арабского языка, богословия и исмаилитского вероучения. Затем много ездил по Ин-

дии, инспектируя различные низаритские общины от имени имама, помогая в организации системы образования, отвечающей потребностям новой эпохи.

Ага-Хан II руководил исмаилитским сообществом всего четыре года – простудившись на охоте, имам умер в 1885 году. И, несмотря на большой потенциал, имевшийся у этого просвещенного и динамичного лидера, ему не удалось реализовать своих реформистских замыслов. Но они, вероятно, оставили значительный след в сознании его непосредственного окружения, которое на протяжении десятилетия после его смерти руководило исмаилитами-низаритами всего мира. Ибо сыну Ага-Хана II, провозглашенному имамом сразу после смерти отца, было всего 8 лет.

Мальчика-имама звали Султан Мухаммед Шах. На старом дагерротипе, снятом во время церемонии провозглашения нового духовного лидера, малютку окружают бородатые старцы, представлявшие крупнейшие общины. Что как бы символизирует ожидание перемен, вызревших в недрах древнего, веками не менявшегося сообщества.

До совершеннолетия имама ведущую роль в управлении низаритскими общинами играла его мать Шамс аль-Мулюк. Эта женщина аристократического происхождения (племянница Насреддина, шаха Персии) обладала большим житейским опытом и деловой хваткой. Пока сын получал образование в Бомбее и Пуне, она следила за делопроизводством, заботилась о наилучшем размещении капиталов семьи. Когда Ага-Хан III полностью взял в свои руки бразды правления, он убедился, что сложный механизм управления сообществом функционирует слаженно и эффективно.

Мать оказала на большое вляние на становление Ага-Хана III как религиозного лидера. Он писал о ней: «К тому же моя мать сама была настоящим мистиком мусульманской традиции (так же как были мистиками и все ее ближайшее окружение). Она проводила много времени в молитвах, прося о духовном просветлении и о союзе с Богом. Такая духовность исключала ханжество. Как и многие другие мистики, моя мать обладала тонким поэтическим чувством. Я слышал, как в состоянии, близком к экстазу, она читала стихи Руми или Хафиза с их прекрасными сравнениями блаженства, которое испытывает человек, представляя Божественное, и преходящей красоты с образами цветов, музыки, магии ночи и скоротечного сияния Персидской зари.»[42].

[42] Ibid. – P.18.

ЗАНАВЕС

Памир узнал о смены власти в России только через много месяцев. Хотя в Петербурге и Москве уже вовсю хозяйничали большевики, на далекой окраине продолжали нести службу солдаты и офицеры Памирского отряда, присланные еще при старом режиме. Но пришел день, когда и в ущельях Бадахшана взвились красные флаги, а перед жителями кишлаков стали упражняться в красноречии адепты нового божества – пролетариата.

Поскольку горный край был изолирован от основных районов боевых действий, гражданская война почти не коснулась памирских кишлаков. Впрочем, даже несколько мелких стычек с небольшим числом жертв были, по местным масштабам, эпохальными событиями. Ведь в результате их навсегда ушли старые хозяева жизни.

Разумеется, пламенные речи пришлых агитаторов не очень и понимали. Гораздо больше, чем мировая революция, горцев волновал вопрос: будут ли пиры по-прежнему доставлять грамоты от имама. Ибо улавливали в словах «товарищей» явную неприязнь к англичанам, в чьих владениях находился священный для исмаилитов Бомбей.

Начинающий литератор Борис Лапин, посетивший Памир спустя несколько лет после установления советской власти, образно зафиксировал возникновение той трещины, которая сначала малоприметно, а затем все явственнее стала разделять разные поколения горцев:

«В четыре часа дня на «главной улице» Хорога бывает даже довольно оживленно. Проходят члены исполкома – шугнанцы в черных пиджаках, галстуках и белых тюбетейках. Затем стучит барабан, и с пением «кирпичиков» на персидские слова Лахути выходят пионеротряды, состоящие из таджикских девочек и мальчиков, учащихся в хорогской школе. Это дети исмаилитов – отцы их поклоняются Ага-Хану и отсылают ему зякет»[43].

Тот же литератор вольно или невольно передал настороженное отношение, которое испытывали в отношении верных мюридов имама новые власти: «Все, что делается на Памире, немедленно находит свое отражение за рубежом. И рассказы о действиях уру-

[43] *Лапин Б.* Указ. соч. – С. 53-54.

сов – «чиновников государства», услышанные в Хороге, через семь дней повторяются в горной Индии и записываются в Гильгите и Мастудже, где сидят английские политические агенты»[44]. Это явно отголосок тех разговоров, которые вел Лапин с пограничниками и советскими чиновниками. Значит, легкий душок шпиономании уже тогда присутствовал в общественной атмосфере.

Революционная похвальба тогдашних властей и верных им пропагандистов странным образом сочеталась с боязнью всего иноземного. С одной стороны, они уверяли население в отсталости и исторической обреченности капиталистических, а тем более феодальных режимов, с другой – старались оградить сограждан от всякого соприкосновения с идеологией противника. Архив тайной полиции сохранил образчик идейного творчества, на которое несколько десятилетий равнялись в своих писаниях журналисты и лекторы: «Этот царь-паук Ага-Хан Султан Мухаммад-Шо при помощи верных ему князьков-пауков (ишанов) раскинул грандиозную невидимую религиозную паутину в Индии, Арабии, Афганистане, Африке, Персии и нашем Советском Туркестане и высасывает соки случайно запутавшихся в этой паутине не только отдельных лиц, но и целых народностей, как, например, население Читрала, Вахана, Мунджана, Зебака, Горана, Ишкашима, Шугнана и Рушана. Неужели наши советские работники коренного населения не видят этой паутины, не слышат душераздирающий крик запутавшихся в этой паутине, когда паук-ишан сосет из него кровь?

Неужели советские работники коренного населения не знают об этом, не видят и не слышат? Неужели советские работники коренного населения не знают, что этот кровопийца царь-паук Ага-Хан сам находится во власти еще более сильного кровопийцы-паука короля Англии? Неужели неизвестно коренникам, что запутавшиеся в этой паутине несознательные, непросвещенные мухи-бедняки вынуждены служить английской контрразведке...? Безусловно, все это знают, все это видят и обо всем этом слышат. Тогда напрашивается другой вопрос. Неужели коренники еще продолжают пугаться этого чучела-паука Ага-Хана и этих ничтожных пауков-ишанов? Или им мешают родственные связи? Ведь для освобождения от этой паутины не требуется ни расхода каких-либо средств, никакой хитрой механики, ни военной техники. Для этого требуется только искреннее желание освободиться от этой паутины и вооружиться самой простой обыкновенной метлой.

[44] Там же. – С.14.

Очистив свой дом и дом своих близких друзей и родственников от паутины, не давать вновь появляться паукам и вновь сновать паутину, для чего в определенном месте наготове держать метлу и, как только заметил, что в доме твоем появился паук или даже безвредный паучок и начинает вить паутину, немедленно с треском выметать из дома эту нечисть.

Получается такая картина, что сознательно и несознательно, с умыслом или без умысла ответственные работники коренного населения одной рукой держатся за советскую власть, а другой рукой поддерживают духовенство или во всяком случае мирно уживаются с ним и, если сами не платят зякета, то во всяком случае и не высказываются против выплаты его хотя бы в кругу своих родных. Ни один из них до сего времени ни разу не выступил против религии, и все они под тем или иным предлогом уклоняются от этого так же, как и уклоняются даже и от товарищеской беседы на эту тему, прикидываясь незнающими и непонимающими не только основ религии, но даже всем им хорошо известной и выученной наизусть еще в детстве молитвы «Пир-и-Шо». Ведь это трусость, это отсутствие гражданского мужества»[45].

Вот так выворачивались наизнанку все моральные представления людей. Доносительство именовалось доблестью, а верность заветам отцов, бережное отношение к наследию прошлого ошельмовывались. Попробуй в тогдашней обстановке кто-нибудь открыто проповедовать свое вероучение – обошлись бы с ним не лучше, чем во времена Махмуда Газневи с захваченным даи. Всем было памятно, как чекисты состряпали в 1922 году дело о так называемом заговоре пиров. Наиболее авторитетные духовные руководители исмаилитов были приговорены к расстрелу (который был заменен невиданной в истории юриспруденции высшей мерой – *условным расстрелом*), а несколько мюридов – к заключению в лагере. Новой власти было всего-то несколько лет от роду, но зубы она скалила весьма свирепо.

Конечно, на Памире государственный террор никогда не приобретал того размаха, как в русских губерниях, где интернациональное руководство Кремля уничтожало целые классы нации. А священнослужителей и монахов русской православной церкви расстреливали тысячами. В те времена вряд ли кто-нибудь поверил бы в центральной России, что около 15 лет памирцы пользовались привилегией, подобной которой не имел никто в Советском Союзе. Они могли собирать закят и отправлять его через границу в Бом-

[45] *Харюков Л.Н.* Указ. соч. – С. 229-230.

бей[46]. В обратном направлении шли послания имама. Таким образом, продолжала поддерживаться непосредственная связь с всемирным братством исмаилитов.

ОГПУ, а затем НКВД ревниво следили за ходоками, посещавшими Бомбей, подозревая в них агентов британского империализма. Но трудно усомниться и в обратном – в том, что «органы» не использовали этот легальный и веками освященный канал для сбора информации о положении в приграничье и в британской колонии. Ведь поддержка подпольных организаций, боровшихся против англичан, была официальной политикой Кремля и не особенно скрывалась. Само создание Таджикской ССР в 1929 году задумывалось советским руководством как долговременная пропагандистская акция, направленная на усиление революционных движений во всем центрально-азиатском регионе. Горно-Бадахшанская автономная область в составе этой республики должна была служить образцом разрешения национального вопроса и стать некой моделью для национальных меньшинств Китая, Афганистана и Британской Индии. Завершая описание инспекционной поездки делегации Таджикского ЦИКа по Памиру в 1928 г., журналисты писали:

«Сейчас по воле трудящихся Таджикистан входит непосредственно в Союз, как седьмая союзная республика.

Это еще больше усилит темп превращения Таджикистана в образцовую для миллионов трудящихся Афганистана, Персии и Северной Индии, говорящих на языке таджиков – советскую республику.

Не трудно уже сейчас предугадать все огромное революционное значение на Востоке факта создания в Горном Таджикистане седьмой советской социалистической республики, почти непосредственно соприкасающейся с сердцем колониального Востока – Индией.

Ибо, как писалось в ташкентской «Правде Востока»:

«Не спроста глухо наглухо захлопнута граница Индии.

Птица не пролетит.

Ботаники учат: семена некоторых растений обладают способностью перелетать через горы и реки. Семена же идей в особенности»[47].

[46] Л.Харюков, автор вышедшего в 1995 г. исследования «Англо-Русское соперничество в Центральной Азии и исмаилизм» приводит данные о размере закята, доставлявшегося имаму с Памира: 1923 год – 12 тыс. рублей золотом, 1924 – 10 тыс.рублей золотом, 1925 – 7 тыс. рублей золотом или полноценным серебром, 1926 – 4-5 тыс.рублей золотом или полноценным серебром, 1927 – 1 тыс. рублей золотом и 9050 серебром с учетом недоимок за 1927 г., 1931 – 850 рублей золотом, 12500 рублей серебром, 1934 – 120 тыс. рублей разными товарами и ценностями (ст.125-126).

[47] *Готфрид Л., Гафиз М.* Красный флаг на Крыше Мира. – Ташкент – Сталинабад, 1930. – С. 209.

Такого рода ожидания вытекали из общей установки большевистского руководства, рассматривавшего установление советского режима в России как этап подготовки мировой революции. Даже много позднее молодой поэт П.Коган мечтал:

«Но мы еще дойдем до Ганга,
Но мы еще падем в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла родина моя».

Таким образом, некоторые послабления пограничного режима и даже позволение вывозить собранный закят были не «упущением», а результатом сознательной политики. Достаточно свободный доступ из ГБАО и обратно позволял вести идейную обработку близлежащих закордонных земель.

Только в 1936 году граница была полностью закрыта. И ручеек информации о соотечественниках и единоверцах за рубежом, питавший памирскую исмаилитскую общину, быстро пересох. Впрочем, сбор закята и переправка его за рубеж нелегально продолжались, хотя и в значительно уменьшенных размерах, до 1940 года. Начавшаяся мировая война привела к тому, что СССР и Великобритания оказались во враждебных лагерях. В этой обстановке всякие контакты с зарубежьем рассматривались как государственная измена и беспощадно карались. По свидетельству Л.Н.Харюкова, ознакомившегося с архивами КГБ, в 1939-1940 гг. лишь по одному уголовному делу о шпионаже было выявлено почти 400 агентов враждебных разведслужб, действовавших на советской и афганской территории. Из них около 130 были английскими агентами[48].

Массовые репрессии, развернувшиеся в Советском Союзе накануне войны, не обошли Памир стороной. Практически вся верхушка партаппарата и многие чиновники сделались добычей тайной полиции. Пиры и другие представители традиционной исмаилитской иерархи также попали в разряд контрреволюционеров.

Железный занавес, опустившийся на западных границах СССР еще в конце 20-х годов, стал к концу 30-х определяющим фактором и для исмаилитской общины советского Бадахшана. Кишлаки по обеим сторонам Пянджа, населенные родичами, стали недоступным зарубежьем. Больше чем на полвека прервались человеческие, семейные взаимосвязи. Выросли два поколения, для которых образ имама делался все более призрачным, нереальным.

[48] *Харюков Л.Н.* Указ. соч. – С. 154.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Тем временем за советским рубежом шел процесс с противоположным знаком. Его Высочество Ага-Хан III превращался из персонажа восточных сказок в героя светских хроник, завсегдатая европейских дерби, желанного гостя правящих королевских семей. В ходе первой своей поездки в Европу (1898) он был принят королевой Викторией, в лучших домах имперской столицы. Его патроном в Лондоне стал сын королевы герцог Коннаутский, знакомый имама со времен его службы в Бомбее, где герцог был командующим армией. Огромное влияние его во всех сферах британского общества определялось не только происхождением, но и тем, что он был гроссмейстером британского масонства, космополитического учения, объявлявшего своей целью нравственное совершенствование человечества и создание наднационального правительства.

Молодой имам, получивший блестящее образование, усвоивший как традиционные ценности исламской культуры, так и наследие Запада, воспринимался как живое воплощение рождающейся планетарной цивилизации. Именно в ту эпоху образованное общество передовых стран мира увлеклось восточной мистикой; интерес к древним и экзотическим культурам приобрел массовый характер. Артур Шопенгауэр, Фридрих Ницше, Елена Блаватская, Анни Безант, Поль Гоген – эти имена из различных сфер знания стали знамениты, так как привнесли в европейскую интеллектуально-художественную жизнь ориентальные мотивы или философские концепции, связанные с незападными традициями. Духовный лидер загадочной секты исмаилитов, дотоле известной лишь по упоминаниям в романах о рыцарях Святой Земли, был с энтузиазмом воспринят всеми, кто разделял общественные настроения так называемого fin de siecle (конца века).

Имам объехал всю Европу, включая Россию, познакомился с множеством выдающихся личностей, и уже в молодые годы обладал прекрасными связями как в британском истеблишменте, так и на международной арене. После первой поездки на Запад его вояжи стали регулярными, он получил возможность глубоко изучить механизмы функционирования современного общества, почувствовать тенденции развития. Компетентность и авторитет молодого лидера уже вскоре были оценены у него на родине, и он получил при-

глашение войти в Законодательный Совет при вице-короле Индии. Занимавший эту последнюю должность лорд Керзон, главнокомандующий индийской армии лорд Китченер и ряд администраторов высшего ранга на несколько лет стали постоянными собеседниками имама. Дебаты в Законодательном Совете по разнообразным проблемам государственной жизни огромного субконтинента стали подлинной школой политика. Уже вскоре Ага-Хан сделался одной из ведущих фигур, участвовавших в определении будущего страны.

Начало XX века ознаменовалось усилением борьбы за национальное освобождение. После более чем столетнего господства колониальной империи Индия превратилась из процветающей страны в регион массовой нищеты и кричащих социальных контрастов. Если на рубеже XVIII-XIX веков годовой доход на душу населения был сравним с таковым же в самых развитых государствах Европы, то век спустя уровни жизни среднего индийца и среднего европейца стали несопоставимы. Особенно очевидно это было в самой колонии. Если 8 тысяч британцев в корпусе индийской гражданской службы получали общее жалованье 14 миллионов фунтов стерлингов, то 130 тысяч индийцев – 3 миллиона[49].

Крупнейшая партия Индии Национальный Конгресс выступала за предоставление стране самоуправления. Ряд деятелей-мусульман считал, что Конгресс не в полной мере отражает нужды многоконфессионального и многонационального населения. И с целью добиться более весомого представительства интересов последователей вероучения Мухаммеда решили учредить Мусульманскую лигу (1906 г.). Первым президентом новой организации избрали Ага-Хана. Имам к этому времени приобрел всеиндийскую известность не только как член Законодательного Совета, но и как пропагандист новой исламской системы образования.

Уже в 1902 г. Ага-Хан выдвинул идею преобразования мусульманского колледжа в Алигархе (близ Дели)[50] в университет, в котором обучение строилось бы на принципах ислама, и занятие наукой не отрывало бы людей от веры, а, наоборот, давало их мировоззрению большую прочность и глубину. Он мечтал о мусульманском Оксфорде, который стал бы столь же притягательным для молодежи Востока, как и знаменитые университеты Запада.

[49] История Индии. – М., «Мысль», 1979. – С. 363.

[50] Мусульманский Англо-Восточный (Mohammedan Anglo Oriental – MAO) колледж был основан в 1875 г. Сиедом Ахмед Ханом, первым поборником модернизации мусульманского сообщества в Индии. Ага-Хан был продолжателем его дела.

Совершая поездки по Индии, имам делал остановки в городах со значительным мусульманским населением и выступал на митингах с агитационными речами в пользу создания Алигархского университета, призывал делать взносы в специальный фонд, которому сам пожертвовал весьма значительную сумму 100 тысяч рупий. С такими увещеваниями Ага-Хан обращался ко многим влиятельным лицам, и ему чаще всего шли навстречу. Таким образом было собрано 3 миллиона рупий. И когда в 1912 году правительство дало разрешение на открытие университета, попечительский совет во главе с Ага-Ханом смог сразу начать финансирование мусульманского Оксфорда на достойном уровне. Впоследствии значение университета вышло далеко за пределы области образования. В Индии до сей поры говорят, что в Алигархе были посеяны семена, из которых родился Пакистан.

По представлениям Ага-Хана Мусульманская лига не должна была становиться политической партией, в ней могли бы находить выражение все оттенки мнений, аккумулироваться все чаяния последователей исламского вероучения. В то же время, будучи сторонником колониального режима, он стремился избежать радикализации лиги. Но в условиях нарастания борьбы против британского владычества это становилось все труднее. В рядах Национального Конгресса постоянно усиливались так называемые крайние, и умеренные лидеры Гопал Гохале и Фирозешах Мехта вынуждены были учитывать настроения партийных масс. Хотя Мусульманская лига значительно уступала по количеству членов, оставаясь верхушечной организацией элиты, и в ней также неуклонно крепло левое крыло, выступавшее за совместные действия с Конгрессом против колониальной метрополии. В такой обстановке Ага-Хан заявил о своей отставке с поста президента Лиги (1913 г.).

Имам не был сторонником сепаратных действий индийских мусульман. Не был он и выразителем интересов только своих последователей ходжа. С лидерами Конгресса его связывала многолетняя дружба. Позднее Ага-Хан признавался, что Г. Гохале был тем человеком, который оказал наибольшее воздействие на его нравственное становление. А Ф. Мехта с давних пор был ближайшим другом семьи имама, и их отношения совершенно не омрачало то, что они возглавляли организации, различные по своим политическим целям.

Когда страдали интересы индийцев, независимо от происхождения и религии, Ага-Хан решительно становился на их защиту. Так

было, когда в Южной Африке начались притеснения иммигрантов из Индии. Выступая на митинге солидарности с соотечественниками, состоявшемся в Бомбее в декабре 1913 г., Ага-Хан заявил:

«Господа, давайте вовремя предупредим наших правителей справедливости ради не разменивать престиж Англии по всей Индии для того, чтобы доставить удовольствие нескольким белым империалистам – империалистам хорошо известного типа, вроде лорда Кранворта, чьи бешеные атаки на индусов в Восточной Африке выдают нрав белых империалистов, на милость которых в конце концов должны быть отданы наши народы».[51]

Выступления имама стали известны Ганди, как раз в тот период прославившемуся своей борьбой за права индийцев в Южной Африке. Впоследствии, когда оба лидера познакомились лично, их отношения были проникнуты взаимным уважением и теплотой.

Политическая позиция Ага-Хана не могла базироваться на индийском национализме, на противопоставлении себя всему британскому. Интересы его паствы скорее совпадали с интересами империи. «Чем старше я становился, тем более занятыми делались мои дни. Я хорошо отдавал себе отчет в том, что на мне лежала двойная ответственность, которую можно было считать и двойным шансом. Во-первых, в Индии я был лидером влиятельной группы внутри мусульманского сообщества в эпоху всплеска политических амбиций, а во-вторых, я был главой обширного международного сообщества, духовным лидером, чей авторитет добирался по тонкой, но чувствительной сети до многих стран и многих народов. Я не мог бы быть только индийским националистом, хотя с 1892 года впредь, в частности благодаря влиянию мудрых и добрых людей, таких как сэр Ферозешах Мехта и господин Бадруддин Тьебджи, я стоял на точке зрения умеренного Индийского национализма того времени. Моя единственная задача в мире, где следовало распознавать первые намеки и рокот надвигающегося конфликта, была безусловно интернациональной».[52]

Так что нередко дававшиеся оценки позиции имама во внутриндийских делах продиктованы непониманием существа его обязанностей как духовного руководителя, а уж советские спекуляции на тему агента колониализма вообще можно оставить без внимания. Тем более, что понять личное отношение Ага-Хана к духовной

[51] *Aga Khan III.* Selected speeches and writings of Sir Sultan Muhammad Shah. – L. – N.Y., Kegan Paul International, 1998. – Vol.1. – P.472

[52] The memoires of Aga Khan. – P.31-32.

атмосфере, царившей в империи, мы можем по многочисленным замечаниям на страницах его мемуаров с негативной оценкой расовой и социальной нетерпимости со стороны белых сахибов.

Когда началась Первая мировая война, король и премьер-министр Великобритании обратились к Ага-Хану за посредничеством в деликатном деле – удержать Оттоманскую империю от выступления на стороне австро-германского блока. Роль имама в оказании моральной поддержки туркам и мобилизации помощи мусульман жертвам Первой Балканской войны (1912 г.) были хорошо известны в мире, так что его посредническая миссия казалась приемлемой обеим сторонам. Когда Ага-Хан обратился с соответствующими предложениями к турецкому послу в Лондоне, о них сразу же было доложено в Константинополь. Однако там желали обсуждать не возможный нейтралитет, а присоединение Оттоманской империи к Антанте, что могло бы гарантировать ей приз в случае победы. Но такое союзничество не устраивало Россию, ставившую целью возвращение Константинополя христианскому миру после почти пятисотлетней оккупации.

В итоге Турция все-таки вступила в войну на стороне Центральных держав и даже объявила джихад Антанте. Инициатором этого считали кайзера, который надеялся таким образом поднять на восстание мусульман в британских колониях и зависимых от империи странах[53]. Особо перспективным в контексте джихада представлялся Египет, где господство англичан воспринималось очень болезненно. Это понимали и в Лондоне, поэтому обратились к Ага-Хану за помощью. Поскольку с началом войны он сразу же призвал мусульман мира помогать Британии, казалось уместным его посещение Каира для разъяснения целей Антанты и их привлекательности для исповедников ислама. Высшее общество Египта благосклонно приняло имама, его продолжительное пребывание в стране, без сомнения, способствовало укреплению доверия арабов к британской политике.

В годы первой мировой войны Ага-Хан отошел от активного участия в индийских делах как из-за ослабления связей его родины с Европой, так и из-за ухудшившегося здоровья. Он продолжал, однако, обдумывать планы политических реформ, результатом чего

[53] Сама собой напрашивается параллель с усилиями американского ЦРУ в Афганистане, стремившегося объединить под знаменем джихада разношерстные антисоветские формирования. Результатом этого было нарастание фундаменталистских настроений, завершившееся приходом к власти талибов. От чего пострадали не столько «неверные», сколько сами мусульмане, в том числе и исмаилиты.

стала его книга «Индия в переменах», вышедшая в июне 1918 г. Крупнейшие издания Великобритании и Индии приветствовали появление труда, охватывавшего все проблемы взаимоотношений метрополии и колонии, а также положения индийцев в различных частях империи, их участия в войне и роли в мировых делах.

После Первой мировой войны требования независимости Индии усилились. Британцы понимали, что преобразования неизбежны и стремились к проведению их с участием наиболее авторитетных деятелей. В конце 1928 г. состоялась Всеиндийская конференция мусульман, на которой были представлены все оттенки мнений и выработаны требования к имперским властям относительно назревших политических реформ. Ага-Хан играл ведущую роль, и впоследствии с полным основанием писал:

«Я могу претендовать на отцовство ее (конференции – *С.П.*) важных и долговременных политических решений. После долгих, всесторонних и откровенных дискуссий мы смогли единодушно утвердить ряд принципов, которые были изложены в манифесте. Они были следующими:

• Ввиду огромных размеров Индии и ее этнографических различий, единственной формой управления, подходящей к индийским условиям является федеральная система с полной автономией входящих в нее штатов, наделенных остаточной властью.

• Право мусульман выбирать своих представителей в различные Индийские законодательные органы теперь является законом земли, и мусульмане не могут быть лишены этого права без их согласия.

• В тех провинциях, где мусульмане составляют меньшинство, они должны иметь никак не меньшее представительство, чем то, которое они имеют при настоящих законах (принцип, известный как принцип weightage).

• Важно, чтобы мусульмане имели соответствующую квоту в центральных и провинциальных Кабинетах министров»[54].

В результате долгих согласований был разработан механизм проведения консультаций, приемлемый для основных политических сил и религиозных общин – Конференция круглого стола. Ага-Хан возглавил делегацию Мусульманской лиги на первой Конференции, которая открылась осенью 1930 года в Лондоне. В ходе последующих конференций, которые продолжались до конца 1932 г., были выработаны принципы индийской конституции, заложены право-

[54] The memoires of Aga Khan. – P.209.

вые основы взаимоотношений индусов и мусульман и последующего разделения колонии на два государства – Индию и Пакистан.

В 1932 году Лига Наций созвала первую в истории конференцию по разоружению. По указанию вице-короля заместителем главы делегации Индии назначили Ага-Хана. Таким образом, имам, уже давно пользовавшийся репутацией «посла без портфеля», впервые получил официальный статус дипломата высшего ранга. Его прежние связи в европейской элите помогли ему быстро установить доверительные отношения с главой внешнеполитического ведомства веймарской Германии Штреземаном, с его французским коллегой Брианом и с советским наркомом иностранных дел Литвиновым. Хотя конференция по разоружению не привела к реальным результатам, она все же способствовала большему взаимопониманию и даже определенному сближению соперничающих держав.

Вероятно, богатый опыт ведения сложных переговоров и репутация мастера компромисса обусловили избрание имама президентом Лиги Наций в полные драматизма годы накануне Второй мировой войны. Вместе с Чемберленом и Даладье он пытался добиться мирного урегулирования предвоенных конфликтов в Европе, ездил в Берлин к Гитлеру (октябрь 1937 г.), где в попытке разрешить надвигающийся мировой кризис до него уже побывало немало высокопоставленных визитеров с Запада. В итоге вырисовались контуры Мюнхенского соглашения о разделе Чехословакии. Позднее некоторые журналисты пытались представить встречу Ага-Хана с Гитлером в тенденциозном свете, задним числом стараясь истолковать ее как некое пособничество политическому монстру. Но если подходить к прошлому с позиций историзма, то следует напомнить, что очень многие лидеры ведущих стран мира были не только сторонниками диалога с фюрером, но оказались его горячими поклонниками – среди прочих и британский монарх Эдуард VIII. И Ага-Хан как реальный политик просто не мог позволить себе игнорировать главу государства, игравшего важнейшую роль в предвоенной Европе.

Все попытки умиротворения Германии окончились, как известно, крахом, вину за это должны поделить с Гитлером и лидеры Запада, и Сталин. Кстати сказать, Ага-Хан прозорливо высказывал свою озабоченность тем, что Советский Союз стремится столкнуть западные державы, чтобы затем установить свое господство во всей Европе или хотя бы ее части. Он предрекал, что столкновение европейских держав между собой приведет к утрате престижа западных наций, росту симпатий к коммунизму и затем отделению

Индии. Результаты Второй мировой войны полностью подтвердили его правоту.

Как бы то ни было, начало войны ознаменовало банкротство Лиги Наций. Ага-Хан удалился на свою виллу на Лазурном берегу, но последовавший вскоре разгром Франции вынудил его срочно покинуть Ниццу и искать убежища в Швейцарии. Из-за того, что сразу после объявления Великобританией войны Германии имам призвал мусульман поддержать империю, швейцарцы опасались недовольства немцев и потребовали от Ага-Хана воздерживаться от всякой политической деятельности. Таким образом, он больше четырех лет находился в духовном вакууме, почти не имел связей с исмаилитскими общинами. Последнее обстоятельство было особенно трудным испытанием. Ибо ни участие в политическом урегулирование в Индии, ни международные дела не заслоняли от имама его главной миссии.

Как бы ни были велики заслуги Ага-Хана III на различных поприщах, он все-таки остался бы в истории дипломатии или в истории становления независимой Индии как одна из многих фигур этого богатого на выдающиеся личности века. Достаточно многочисленным был и тот слой коронованных особ, религиозных лидеров, военных вождей и политиков Востока, кто в силу сложившихся обстоятельств вынужден был принять вызов истории и приступить к реформированию своих государств или сообществ. Вынужден, ибо в силу происхождения, не мог принять того явления, которое испанский философ Ортега и Гассет назвал «восстанием масс». Суть его состояла в приобщении к благам культуры и цивилизации, прежде доступным лишь избранным, широких слоев народа в тех странах, где прогресс был наиболее очевиден.

Ага-Хан, будучи плоть от плоти тысячелетних династий, напротив, приветствовал великую революцию, совершившуюся у него на глазах: «В то время как высшие классы потеряли, массы приобрели. Распространение культуры в наши дни не просто фраза из учебника, а реальность.

Когда я думаю о театрах и операх, концертных залах и художественных галереях современной Западной Европы и о людях всех социальных сословий (а не только о немногих состоятельных и праздных), которые там толпятся, и об их столь очевидном удовольствии и умственном и духовном обогащении; когда я думаю о том, насколько за последние десятилетия стала сильнее жажда искреннего понимания искусства и как все больше оно стало ценить-

ся разными слоями общества – я вижу гораздо больше поводов для радости, чем для сетований. Некоторые, однако, не разделяют мой оптимизм»[55].

Даже на Западе далеко не все в высших классах разделяли эти воззрения имама. Что говорить о Востоке, где только единицам из традиционной элиты удалось стать во главе реформаторского движения, а тем более достичь результатов. Именно на этом фоне с наибольшей отчетливостью выявляется масштаб личности Ага-Хана и значимость его достижений.

В своих мемуарах, подводя итог долгой и насыщенной событиями жизни, он писал: «Я, однако, должен подчеркнуть, что какую бы роль я не играл в общественных делах и политических событиях в Индии и еще где-либо, ни одна из этих ролей не была моей основной задачей или обязанностью. С детства моей основной заботой и основным долгом была та огромная ответственность, которую я унаследовал как имам исмаилитской ветви мусульман-шиитиов. Везде в этой книге я буду подробно объяснять, что я подразумеваю под этим утверждением. Здесь же, тем не менее, я могу только повторить, что мои обязанности по выполнению этого долга были всегда моей главной заботой. С любой стороны – от широкой и разнообразной переписки, до поддержания бесчисленных связей личной и религиозной преданности и привязанности – они занимали большую часть моего дня. Все остальное, сделанное мной и то, что я старался сделать, чем наслаждался или от чего страдал, было второстепенным. Сделав эту важнейшую оговорку, я думаю, что могу дать отчет о многих других событиях и переживаниях моей жизни»[56].

Унаследовавший имамат еще ребенком, Ага-Хан III вступил в новый век совсем молодым, но полным идей по преобразованию общины, жившей средневековыми представлениями. Он поставил задачу приобщить исмаилитов к ценностям современной цивилизации, обеспечив реформирование их образа жизни сообразно требованиям нового времени. Развитие образования, здравоохранения, современных методов ведения хозяйства стали основными пунктами программы деятельности имама.

В своих мемуарах, излагая принципы вероучения исмаилитов, Ага-Хан единственный раз приводит цитату из Корана: «Аллах – свет небес и земли. Его свет – точно ниша; в ней светильник; све-

[55] The memoires of Aga Khan. – P.111.

[56] Ibid. – P.4.

тильник в стекле; стекло – точно жемчужная звезда. Зажигается он от дерева благословенного – маслины, ни восточной, ни западной. Масло ее готово воспламениться, хотя бы его и не коснулся огонь. Свет на свете! Ведет Аллах к Своему свету, кого пожелает, и приводит Аллах притчи для людей. Аллах сведущ о всякой вещи!» (сура 24 «Свет», стих 35). Понятие божественного света (нур) является одним из ключевых в шиизме. Уподобление вечно меняющемуся, вечно живому пламени призвано передать в метафорическом виде понятие о неостановимости творящего начала мироздания. Оно изначально близко исмаилизму как динамичному духовному движению, устремленному в будущее. Вся его история была отрицанием идеи покоя, неподвижности. И поэтому, надо полагать, Ага-Хан III на уровне личной драмы воспринимал тот многовековой период застоя, в котором пребывали исмаилиты после утраты своего государства и постепенного превращения в полулегальный орден. Сопоставляя масштабы прогресса, достигнутого христианской цивилизацией, с тем состоянием восточных обществ, в каком они находились к исходу XIX века, имам несомненно вдохновлялся теми сторонами вероучения, которые могли служить опорой в его реформаторских планах.

Еще будучи молодым человеком, Ага-Хан проявил недюжинные способности как мастер улаживания конфликтов. Прибыв в 1902 году в Восточную Африку, он столкнулся с рядом проблем, осложнявших жизнь его последователей на Занзибаре, британском протекторате, и в Танганьике, тогда находившейся под управлением Германии. Если на территориях, контролировавшихся Британией, часто возникала напряженность между туземными торговцами и общиной ходжа, быстро увеличивавшейся в числе из-за иммиграции, то немцы видели в исмаилитах британских агентов. Только после долгих переговоров с местными властями имаму удалось создать климат доверия. И в последующие десятилетия он регулярно навещал свою паству, заботился о создании благоприятных условий для социального развития общин. В частности, он мечтал о создании университета, подобного Алигархскому. И хотя этот проект не осуществился в полной мере, его частичной реализацией можно считать технологический институт в Момбасе. Сеть начальных и средних школ, госпитали, банки и страховые общества, созданные на средства имамата, определили высокую степень интеграции в современное общество как исмаилитских общин в целом, так и каждого отдельного их представителя.

Ага-Хан III в молодости

Ага-Хана III отличало не только острое чувство новизны, но и тонкое понимание тенденций развития. Так, еще в годы расцвета колониальных империй он осознал потенциал национализма, только пробуждавшегося в разных частях Британской супер-державы. Посетив впервые Бирму, тогда являвшуюся составной частью колониального квази-государства Индия, он почувствовал ее глубокое культурно-религиозное своеобразие и дал настоятельный совет своим последователям как можно полнее принимать обычаи и язык страны, ставшей их новой родиной. Самоизоляция от местного населения чревата конфликтами. Провидческий характер его высказываний подтвердился полвека спустя – в 1962 г. пришедшие к власти генералы-националисты изгнали из Бирмы около 150 тысяч мусульман индийского происхождения (индо-сарацины по-местному), среди них и ходжа.

Ритуальное взвешивание Ага-Хана III по случаю Алмазного юбилея

Беспрецедентный по продолжительности срок имамата Ага-Хана III – более 70 лет – сопровождался изменением самосознания исмаилитов. Из глубоко традиционалистского сообщества, чье бытие определялось преданием и обычаем, передаваемыми из уст в уста полумифическими повествованиями о людях и событиях прошлого, они превратились в динамичную диаспору, объединенную сознательной дисциплиной и внутренним достоинством каждой

личности. Имам и его ближайшее окружение добивались этого разумным сочетанием присущей Востоку церемониальной пышности и правовым закреплением социально-экономического статуса общины. Ритуальные взвешивания духовного лидера по случаю различных юбилеев имамата отвечали тяге публики и прессы к сказочному антуражу, служили сплочению исмаилитов. Принятие писаной конституции, установившей принципы и порядок самоуправления исмаилитов всего мира, впервые в истории придало структурную определенность религиозному меньшинству, распыленному в многополярном, многонациональном мире. Для управления общинами различных стран были созданы административные советы, по инициативе Ага-Хана III установлен единый порядок совершения основных обрядов, таких как брак, развод, похороны, определены условия наследования и опекунства.

Взвешивания имама при огромном стечении публики на стадионах неизменно становились мировой новостью, иллюстрированные журналы публиковали фотографии больших весов, на которых восседал массивный господин в тюрбане и парчовом облачении. Цифры подношений также вызывали восторг пишущей братии. Если в Золотой юбилей (50-летие имамата в 1935 г.) исмаилитами всего мира было собрано почти 250 фунтов золота, чтобы уравновесить вес имама, то через 10 лет, когда отмечали Алмазный юбилей, в качестве противовеса использовали такое же количество бриллиантов и промышленных алмазов общей стоимостью 660 тысяч фунтов стерлингов.[57] Печать преподносила эти события как пополнение несметных богатств Ага-Хана. На деле собранные средства направлялись на реализацию проектов развития. Так, золото собранное в 1935 году, было передано ряду вновь учрежденных фи-

[57] Один из биографов объяснил происхождение церемонии и ее смысл: «Ага Хан сомневался, но один член делегации, многоуважаемый мухи (священнослужитель – *С.П.*), чьи предки были преданными исмаилитами в течение поколений, спросил разрешения рассказать историю идеального государства Кативара в Гондала, маленького по размеру, но великого в счастии и довольстве его народа, и его правителя, Его Высочества Махараджи Шри Бхагватсинджи, который завоевал несравнимую любовь и преданность своих подданных.

Чтобы отметить Золотой юбилей махараджи, объяснил муки, народ Гондала решил разыграть древнюю церемонию Тула-видхи, или взвешивания, исторически Арийского (индогерманского) происхождения, которая должная обеспечить мир, здоровье и благоденствие взвешиваемому человеку. Приводя в качестве примера случаи из Золотого Века индуизма, когда боги и герои ступали по земле и вдохновляли человечество на благородные дела, монархи взвешивались на вес золота во время коронаций, муки сказал, что во всех этих случаях золото бралось из королевской казны и раздаривалось в качестве проявления королевской щедрости нуждающимся и бедным». (Frischauer W. The Aga Khans. – L., Bodley Head, 1970. – P.129.).

нансовых и коммерческих структур, которые должны были работать на пользу исмаилитских общин. Впоследствии эти средства стали основой Фонда Ага-Хана, созданного внуком Султана Мухаммед Шаха, унаследовавшим имамат.

Значение деятельности 48-го имама для исмаилитского сообщества не исчерпывается реформаторской деятельностью. Благодаря приобретенному им положению, и его последователи в целом стали рассматриваться совсем не так, как воспринимали их в предшествующие века. Занимая пост президента Лиги Наций, Ага-Хан III являлся на тот момент наиболее высокопоставленным мусульманином в международном сообществе и воспринимался как представитель всего мира ислама. Понимая это, он никогда специально не подчеркивал особый путь исмаилитов, напротив, всей своей деятельностью стремился к достижению единства мусульман. Среди людей, с которыми ему пришлось встречаться, были представители всех вероисповеданий, политических режимов и направлений в искусстве. И они всегда воспринимали его как просвещенного лидера, в чьем образе находит выражение духовный потенциал современного ислама. Монархи, президенты и премьер-министры европейских стран, основатель Пакистана Джинна, классик американской литературы Марк Твен, великий композитор Рихард Штраус, знаменитый реформатор балетного искусства Сергей Дягилев и многие другие культовые, как говорят теперь, личности XX века, ценили свои отношения с Ага-Ханом III.

Широкий интерес ученых и читающей публики к истории и духовному наследию исмаилитов, пробудившийся в XX веке, тоже можно с полным основанием связать с ростом мировой известности имама.

Когда 11 июля 1957 г. Ага-Хан III скончался незадолго до своего 80-летия, об этом сообщили все мировые информационные агентства; влиятельнейшие газеты посвятили имаму обширные некрологи. О тоне их можно судить хотя бы по названиям статей в «Таймс» (Гражданин мира) и «Гардиан» (Монарх без территории).

По завещанию Ага-Хана III имамат передавался его внуку Карим, 20-летнему студенту Гарвардского университета: «Я назначаю моего внука Карима, сына моего сына Али Салмана Хана, наследником титула Ага-Хан и имамом и пиром всех моих последователей шиитских исмаилитов».

Согласно воле почившего, местом его погребения был избран островок на Ниле в черте города Асуана. Выбор конструкции мавзолея был произведен, по-видимому, самим имамом. Считается, что

архитектурный стиль сооружения восходит к фатимидскому периоду. Но кажется не менее вероятным, что образцом для него мог послужить памятник Нарсе, иранскому шаху рубежа III-IV веков н.э. В многотомной истории персидского искусства «A Survey of Persian Art», которую имам подарил лондонскому клубу исмаилитов, имеется реконструкция этого выдающегося памятника древности.

Через два года после смерти имама мавзолей был готов. Пышная церемония сопровождала перенесение праха. Три тысячи плакальщиц в черных одеяниях во главе с рослой бегум следовали среди пальм Асуана, не видевшего столь царственного погребения со времен фараонов. Лидеры исмаилитов со всего мира, политические деятели многих стран и многочисленные друзья и родичи покойного отдали ему последнюю дань на берегу вечного Нила.

Ага-Хан III с внуками. Справа будущий имам Ага-Хан IV

HAZAR IMAM

Наверное, студентам Гарварда было не совсем легко признать в своем вчерашнем однокашнике главу огромной религиозной общины, некое подобие римского папы. Товарищи по-прежнему звали его Key (от первой латинской буквы его имени), а преподаватели именовали его «мистер Хан». Соседи по общежитию, заходя к нему в комнату, видели знакомую спартанскую картину: узкая кровать, шкаф для одежды, кресло, несколько полок с книгами по восточной и английской литературе. На стенах комнаты висело несколько дешевых репродукций импрессионистов. Все это небогатое убранство могли видеть все проходившие мимо общежития, ибо штор на окне у имама не было. Изменение социального статуса никак не повлияло на привычки Карима Ага-Хана – он по-прежнему много занимался спортом и одевался так же, как и большинство его коллег – гарвардский галстук и пиджак с университетским гербом. Да и могло ли быть иначе, если все двадцать лет своей жизни 49-й имам провел в среде, где господствовали европейские принципы воспитания?..

Родившийся 13 декабря 1936 года первый сын Али Салмана Хана и его жены Джоан Барбары Ярде-Буллер, провел первые годы своей жизни на юге Франции. Когда началась мировая война, родители увезли его в Каир, космополитическую столицу, переполненную людьми всех рас и сословий. Затем он вместе с братом Амином и матерью несколько лет прожил в Восточной Африке. До самого конца войны будущий имам занимался с домашними учителями и получил не только хорошую подготовку в светских предметах, но также основательно изучал Коран и исмаилитское вероучение. А после возвращения в Европу Карима определили на учебу в школу Ле Розей, в Швейцарии.

Выбор учебного заведения определила прежде всего репутация респектабельного питомника мировой элиты. С конца девятнадцатого века в Ле Розей дают всестороннюю подготовку отпрыскам состоятельных родов. Здесь учились шах Ирана Мухаммед Реза Пехлеви, бельгийский король Альберт II, князь Монако Ренье, наследные принцы Запада и Востока. А также отпрыски многих известных фамилий крупной буржуазии всего мира.

Ле Розей состоит из двух отделений. В главном, находящемся на берегу Женевского озера в селении Ролле, питомцы школы учатся в теплое время года. А на три зимних месяца переселяются в горный курорт Гштад, где расположено второе отделение. Здесь учебная программа значительно видоизменяется, главным предметом становятся горные лыжи. По нескольку часов в день школьники носятся по заснеженным склонам, приобретая квалификацию профессиональных спортсменов. Недаром принц Карим стал одним из известных горнолыжников своего времени, и ему предлагали выступать за сборные Великобритании и Ирана во время зимней Олимпиады в Инсбруке в 1964 г.

В Гштаде отец принца Карима приобрел дом, где будущий имам провел большую часть детства и юности. Он считает это место одним из самых родных уголков на земле.

Иным из почитателей религиозных традиций кажется, что современный образ жизни несовместим с духовными ценностями минувших эпох, что религиозная респектабельность совместима лишь с консерватизмом внешних форм. Но ведь если обратить взгляд к прошлому, духовные и светские лидеры никогда не избегали занятий спортом (чем иным была охота в их жизни?), увлекались искусством и науками. Если более широко взглянуть на эпохи, когда религиозное мировоззрение было всеобъемлющим, то увидим, что такого пиетета перед традиционными формами, какой присущ сегодняшним консервативным сообществам и фундаменталистам, вовсе не существовало. В средневековой живописи библейские персонажи всегда были одеты по моде, современной художнику, и никакого кощунства в этом не усматривалось.

Ага-Хан III был, возможно, первым религиозным лидером Востока, кто всем своим образом жизни показывал, что внешние формы не должны заслонять духовной сути бытия. Для него такая позиция была революционной, ибо паствой его было одно из весьма традиционалистских сообществ, к тому же в значительной мере подвластное кастовой морали, типичной для Индии. А перед преемником его, Ага-Ханом IV, встала проблема противоположного свойства: стать внутренне близким ходжа, не жертвуя внешними атрибутами привычного образа жизни.[58]

---

[58] Во время пресс-конференции на британском телевидении 2 мая 1958 года молодому имаму были заданы вопросы, касающиеся этой проблемы:

«**Вопрос:** Одна из наибольших удач вашего деда, как только что сказал Джон Коннел, это наведение своего рода моста между Востоком и Западом. Он был азиатом во многом,

Впрочем, до 11 июля 1957 года Карим, скорее всего, не часто задумывался об этом. После окончания школы он намеревался поступить в Американский университет в Бейруте, но затем, по совету деда, подал заявление о приеме в Массачусетский технологический институт, что как-будто свидетельствовало о прагматической направленности его мыслей в то время. Дед считал, что учиться Кариму надо не в старом питомнике элиты, вроде Оксфорда, а в таком заведении, которое в наибольшей степени позволяет идти в ногу со временем. В конце концов, заявление о приеме было переадресовано в Гарвард, лучший американский университет, но опять-таки выбор был сделан в пользу инженерного факультета. Только проучившись два года, внук имама решил поменять специализацию, и сосредоточился на истории и культуре ислама.

Когда сообщение о кончине деда и его посмертной воле дошло до Карима, он был совершенно ошеломлен известием о передаче ему имамата. Как бы само собой разумелось, что насс перейдет к Али, отцу гарвардского студента. Но старый имам посчитал, по-видимому, что репутация его сына, любимца «розовых» журналов и разделов светской хроники, не совсем соответствует облику религиозного лидера. Всемирную известность Али приобрел после женитьбы на одной из популярнейших звезд Голливуда Рите Хэйуорд. И хотя ничего особенно скандального за Али не значилось (особенно по понятиям нашего времени), Ага-Хан III сделал выбор в пользу молодого человека, только вступавшего в самостоятельную жизнь. Возможно, руководствовался он и тем соображением, что сам стал имамом в совсем юном возрасте и имел поэтому огромный временной отрезок для реформирования исмаилитского сообщества. Как бы то ни было, в духовном завещании имама было заявлено: «Ввиду основательно изменившихся за самые последние годы условий в мире, вызванных огромными переменами, в частности, открытием атомной энергии, я убежден, что в интересах шиитского мусульманского сообщества исмаилитов, меня должен сменить молодой

несмотря на Британское подданство и хорошо знал свою страну, но, глядя на вас сейчас и разговаривая с вами, я не могу не чувствовать, что вы почти полностью западный человек. Так что, хотелось бы узнать, собираетесь ли вы продолжать эту работу или вы не считаете обязательным лично ездить в Азию для того, чтобы это дело продвигалось так успешно?

Ответ. Нет, я думаю, это неправильная точка зрения, потому что азиат или человек азиатского происхождения и мусульманин может прекрасным образом получить образование на Западе и жить обычной жизнью на Западе и, тем не менее, оставаться таким же мусульманином и таким же азиатом, как если бы он получил образование там.

Вопрос. Вы находите у себя больше сходства с исламскими народами, чем с западными?

Ответ. Безусловно».

Ага-Хан IV на горных лыжах (1962 год)

человек, который воспитывался в центре новой цивилизации и который принесет новый взгляд на свое служение как имама».

После провозглашения его 49-м имамом исмаилитов Карим Ага-Хан на целый год прервал занятия в Гарварде из-за необходимости проведения торжественных церемоний вступления в должность духовного лидера и ознакомительных поездок по исмаилитским общинам, разбросанным по всему свету. Когда в сентябре 1958 года он вновь появился в студенческой аудитории, то с прежним рвением принялся за изучение литературы и истории, не забывая также о спорте. Той осенью газеты сообщали о победе футбольной команды Гарварда, одержанной благодаря тому, что Ага-Хан забил два гола.

После обошедших мировую прессу фоторепортажей об «интронизации» (этим термином обозначала печать введение в должность имама) Ага-Хана IV в Дар эс-Саламе, столице британской восточноафриканской колонии Танганьики, сокурсникам, наверное, поначалу нелегко было обращаться к имаму с прежней непосредственностью. Но демократичный «Кей» совершенно не напоминал запечатленного репортерами величавого господина в парчовом камзоле со стоячим воротником и шелковом тюрбане, который восседал в золоченом кресле. Персонаж восточной сказки, как и все простые смертные, конспектировал лекции и корпел над книгами, готовясь к экзаменам. При этом он должен был уделять немало времени делам общины, принимать ежедневные доклады секретаря и сотрудников штаб-квартиры имама. Позднее он вспоминал об этом периоде своей жизни: «За восемнадцать месяцев до получения степени умер мой дед, и я стал имамом. Мне пришлось оставить учебу, чтобы посетить исмаилитские общины по всему свету. Шло время, и я решил, что надо рискнуть. Если я не получу степень сейчас, этого уже не будет никогда. И поставил перед собой задачу пройти полуторагодичный курс за девять месяцев. При этом я продолжал исполнение обязанностей перешедших от деда да еще хотел создать гарвардскую футбольную команду. Как видите, я должен был работать по очень жесткому расписанию. Тот последний год в Гарварде был куда труднее, чем любой другой в моей жизни. Было бы нелегко сделать то же еще раз. Вряд ли мне хватило бы сил».

К лету 1959 года курс обучения в Гарварде подошел к концу. Получив степень бакалавра искусств, Ага-Хан выехал в Европу, напоследок сделав широкий жест, достойный восточного принца: он подарил университету 50 тысяч долларов на стипендии для сту-

дентов-мусульман. От существовавшего ранее плана продолжить образование в Сорбонне пришлось отказаться.

Унаследовав огромную структуру, состоявшую из многих подразделений, молодой имам не мог, конечно, сразу охватить все многообразие дел, которыми приходилось заниматься его деду. Но сложившийся за долгие годы штат опытных менеджеров, руководивших финансовыми институтами, промышленными предприятиями, образовательными и медицинскими учреждениями обеспечил плавный переход власти, хотя многие ожидали определенных трудностей. Ибо решения, принимаемые всяким новым лидером, часто сказываются на эффективности управления. Журналисты, беседовавшие с Ага-Ханом в этот период, ожидали от него резких перемен как в духовной сфере, так и в руководстве многообразным, многоукладным хозяйством исмаилитского сообщества. Однако уже первые решения Ага-Хана IV свидетельствовали о выдержанности и осмотрительности. Эти черты характера, помноженные на профессиональное чутье, обеспечили успех многим начинаниям имама в бизнес-проектах исмаилитских общин.

Одним из первых примеров такого отношения к делу стало решение вопроса о судьбе унаследованных молодым имамом конюшен и племзаводов, где содержались десятки скаковых лошадей, элита европейского поголовья лучших кровей. Карим всегда был далек от увлечения деда и отца лошадьми и бегами. Поэтому от него ожидали быстрой ликвидации этого весьма хлопотного и рискованного бизнеса. Но Ага-Хан IV не спешил расставаться с ним, решил основательно разобраться в его проблемах и специфике. Им двигали не только соображения выгоды, но и престижа – как-никак со времен первого носителя титула Ага-Хан первоклассные конюшни были фамильной гордостью.

Конюшни Ага-Хана III находились в различных странах – Франции, Ирландии, Великобритании. Молодой имам посетил их, встретился с управляющими и специалистами коневодства. Вникнув в детали, принял решение развивать бизнес, и в дальнейшем постоянно уделял ему внимание, так что он оставался прибыльным делом. После гибели отца имама в автомобильной катастрофе (1960 г.), ему достались в наследство еще 3 конюшни во Франции и 7 в Ирландии. В настоящее время, обладая поголовьем примерно в восемь сотен, он является одним из трех самых значительных в мире владельцев конюшен скаковых лошадей.

Принц Карим, будущий Ага-Хан IV, с отцом в Гарварде (1956 год)

Обстоятельность, глубокое проникновение в суть предмета и острое чувство новизны сказались на многих проектах, которым Ага-Хан IV дал жизнь. В сравнении с его предшественником он мыслил в категориях атомного века, как и желал его дед. И те предприятия и объекты инфраструктуры, которые создавались на средства исмаилитских общин в 30-40-е годы, выглядели весьма скромно в сравнении с теми, что запускались при непосредственном участии Ага-Хана IV.

Первым по времени была перестройка работы медийной группы в Кении, в которую входило несколько газет. Велись они на совершенно неудовлетворительном уровне. Эта захолустная журналистика неприятно поразила молодого имама, когда он прибыл в Восточную Африку осенью 1957 года. И стиль подачи материала, и оформление, и верстка изданий совершенно не отвечали представлениям о современном информационном продукте.

В 1960 году имам совершил поездку на север Пакистана, которая, в отличие от первых ознакомительных визитов по странам проживания исмаилитов, носила деловой характер. Он стал первым в истории секты духовным лидером, посетившим горное княжество Хунза. Правители (миры) этого небольшого горного государства еще в середине XVII века приняли исмаилизм.

Добраться в эти места было тогда не просто. По дороге из Нагара в Хунзу, идущую вдоль подошвы заснеженного гиганта Ракапоши, имаму неоднократно приходилось выходить из машины и идти пешком, ибо двигаться в автомобиле по оползающему склону было весьма опасно. В здешнем административном центре Каримабаде Ага-Хан объявил о первом крупном проекте развития – строительстве 2-х комнатных квартир для 800 семей, прежде обитавших в глинобитных хижинах без всяких удобств. С того визита местные жители ведут отсчет новой эры: именно после этого стали быстро возникать новые объекты здравоохранения и образовательные учреждения, реализовались проекты водоснабжения и лесонасаждения, сельскохозяйственного освоения горных склонов, дорожного строительства.

Совершая не только перелеты на вертолетах и поездки на автомобилях, но и преодолевая отвесные кручи по оврингам – рукотворным карнизам из веток и камней – имам вызвал восхищение своей силой и ловкостью. Его фотографии украшали каждый исмаилитский дом, но, увидев Ага-Хана воочию, люди находили, что в жизни его обаятельная улыбка еще привлекательнее, чем на снимках.

Только и разговоров было в любом кишлаке о том, какой красавец и удалец их имам. С того времени каждый год в теснинах Каракорума от Гилгита до Хунзы отмечают годовщины первого визита имама. Молодежь поднимается по склонам гор, окружающих селения и выкладывает из горящих керосиновых светильников лозунги «Zindabad Hazar Imam» (Слава здравствующему имаму), здравицы на урду в честь семейства Али и т.п.

После разделения Индии и образования Пакистана последний превратился в исмаилитскую метрополию, ибо большая часть ходжа переселились в Карачи и соседние местности во время великого исхода мусульман из местностей с индусским большинством. А север страны с незапамятных времен был населен последователями низаритского вероучения[59]. Поэтому естественно, что наибольшее число проектов развития было реализовано структурами Ага-Хана IV именно в этой стране. За полвека его имамата в жизни исмаилитов произошло столько перемен, сколько не было за много столетий.

При этом имам изначально ориентировал свою паству таким образом, что все объекты развития должны быть равно доступны как членам общины, так и не-исмаилитам. Еще дед его призывал своих единоверцев быть примерными гражданами тех государств, где они проживают, придерживаться местных обычаев, уважать культурные традиции. Так что указания Ага-Хана IV соответствовали укоренившейся практике сотрудничества и взаимного уважения различных

[59] Немецкий исследователь В.Хольцварт приводит следующие цифры, касающиеся численности исмаилитов в регионе: «В 1960 году исмаилитская община ходжа в Пакистане насчитывала 60000 человек. Это соответствовало примерно 0,07 процента всего населения. В 1959 году они владели около 5 процентами всех частных фирм в Пакистане и представляют собой одну из типичных для пакистанской хозяйственной жизни торгово-предпринимательских общин… Исмаилиты Северного Пакистана находятся в иной природной и хозяйственной среде. Это горные земледельцы, чьи деревни лежат в труднодоступных и скудных горных долинах восточного Гиндукуша и Коракорума. В сходных условиях на верхней границе обитания человека от 1800 до 3600 м живут их братья по вере в прилегающих областях Афганистана, Таджикистана и Китая, сходящихся в памирском узле. Приблизительно 350000 последователей Ага Хана в этом горном краю между Центральной и Южной Азией представляют собой наиболее крупное по численности региональное объединение исмаилитов-низаритов в мире. Добрая половина из них живет в Северном Пакистане, из них 70-80 тысяч в дистрикте Читрал и 110 тысяч в дистрикте Гилгит. В афганской привинции Бадахшан их число составляет 45000 согласно даным переписи 1978-79 гг., в принадлежащей Таджикистану Горно-Бадахшанской автономной области их число оценивается в 50000. Данные об исмаилитском населении в китайском автономном Таджикском округе Ташкурган и в отдельных оазисных городах юго-западного Синьцзяна (Яркенд, Пушкам, Каргилик, Гума) колеблются между 22000 и 50000». (*Holzwarth W.* Die Ismailiten in Nordpakistan. Zur Entwicklung einer religiosen Minderheit im Kontext neuer Aussenbeziehungen. – Berlin, Verlag Das Arabische Buch, 1994. – S. 7-8).

религиозных общин. Однако это не всегда встречало понимание со стороны властей или экстремистских элементов в обществе. Само стремление исмаилитов к прогрессу, их целеустремленность и вкус к новизне получали превратное толкование. Их успехам начинали завидовать, придумывая благовидные обоснования своей враждебности.

Интронизация Ага-Хана IV в Дар-эс-Саламе (1957 год)

С первым серьезным испытанием такого рода молодой имам столкнулся в 1962 году в Бирме, где пришедшая к власти группа генералов-националистов решила выслать из страны индийских мусульман, среди них и ходжа. Для людей, чьи предки в нескольких поколениях жили в этой части бывшей Британской Индии, изгнание означало потерю всего, что было нажито, разрыв человеческих связей, утрату привычной культурной среды. Огромное число личных и семейных трагедий обрушилось на имама, прежде всего на него уповали тысячи обездоленных. И он оправдал их надежды. Несколько тревожных недель он провел без отдыха и почти без сна, перемещаясь с континента на континент, чтобы облегчить судьбы

беженцев и обеспечить их кровом и работой. В результате его усилий все изгнанники обрели новую родину в Европе и Северной Америке. Конечно, мало какое правительство решится оперативно выдать разрешение на въезд тысячам иммигрантов, но международный авторитет имама и его личные связи на высшем уровне сотворили чудо. Никто из бирманских исмаилитов не остался без опеки, все в конечном счете заняли достойное место в приютивших их странах.

Прошло менее двух лет и сходная ситуация сложилась на Занзибаре[60]. Имаму вновь пришлось в экстренном порядке искать приют для беженцев. О драматичности тогдашней ситуации можно судить по рассказу живущего ныне в Лондоне Салима Джеты, уроженца Каменного Города (исторического центра столицы) Занзибара.

Он был тогда подростком. В деревне Сатени, что в 3-х милях от столицы, жило шесть исмаилитских семей. Когда черные националисты захватили власть, и по всему острову начались кровавые погромы, единоверцы укрылись в маленькой *джаматхана* (молитвенном доме), но для вооруженных банд не было запретных зон. Всех исмаилитов отвезли на площадку под открытым небом, где уже была масса арестованных. В этом импровизированном концлагере давали лишь по горстке риса на клочке пальмового листа, и люди не знали, что их ждет. Когда их все же освободили, они узнали, что жилища их разгромлены, а имущество растащено. Только благодаря помощи имама исмаилиты сумели перебраться в Дар-эс-Салам, столицу Танзании, а оттуда в Великобританию. По контрасту с относительно благополучным исходом занзибарского переворота для исмаилитов, арабам оманского происхождения Саид б. Теймур, султан Маската и Омана, запретил возвращаться на историческую родину, и тем обрек тысячи людей на бедственное существование.

[60] После 70-летнего правления от имени султанов оманской династии Аль Бу Саид Британия пошла на предоставление независимости островному государству. Положение монархии было весьма зыбким. Выросшие под крылом колониальной администрации националистические партии, ставившие целью приход к власти черного большинства, готовились захватить власть сразу после ухода англичан. Британия всегда искусно использовала в своей политике национальные и религиозные противоречия, предпочитая роль всемогущего арбитра. Это вело к обособлению различных национальных групп и росту напряженности между ними, способствовало возникновению организаций, подобных партии Афро-Ширази (ПАШ), поставившей своей целью изгнание арабов и вообще мусульман с Занзибара.

9 декабря 1963 года была провозглашена независимость султаната, а уже 12 января следующего года вооруженное восстание черных националистов привело к свержению последнего султана – 18 летнего Джамшида. На острове началась жестокая резня, в результате которой погибло около 20 тысяч арабов. Исмаилиты тоже подверглись преследованиям.

Еще при жизни Ага-Хана III английская королева пожаловала его внуку титул Его Высочество. Он неоднократно получал приглашения Елизаветы II на приемы в лондонском отеле «Клариджис», на обеды во дворец, они постоянно виделись на скачках. Принц Карим был хорошо знаком не только с королевской семьей, но и с влиятельным персонам в парламенте и правительстве. Это обеспечило его хорошими связями необходимыми при осуществлении обязанностей лидера исмаилитского сообщества.

Летом 1961 года по приглашению президента Джона Кеннеди Ага-Хан IV посетил Вашингтон и был принят главой государства в Линкольновском зале Белого дома. Главным предметом обсуждения были программы помощи Африке и Пакистану. Кеннеди знал, что именно в этих регионах имеются наиболее влиятельные исмаилитские общины, что структуры имамата имеют большой опыт благотворительности и хорошо понимают потребности развивающихся обществ.

Близкими друзьями имама во Франции стали Ги де Ротшильд (друживший еще с отцом имама), Жорж Помпиду, Валери Жискар д'Эстен.

Весьма теплыми и доверительными были отношения Ага-Хана с премьер-министром Канады П.-Э. Трюдо. Это сыграло не последнюю роль в быстром и эффективном решении судьбы исмаилитов, высланных из Уганды диктатором Иди Амином в 1972 году. Большая часть их переселилась в Канаду, и Трюдо приветствовал это в специальном заявлении: «Мы готовы предложить почетное место в канадской жизни угандийским азиатам, приезжающим в Канаду. Эмигранты из Азии уже способствовали культурному богатству и разнообразию нашей страны. И я уверен, что угандийцы своими способностями и трудолюбием внесут в той же степени важный вклад в канадское общество». Сегодня в Канаде около 75 тысяч исмаилитов, из которых 10 тысяч переселились из Афганистана.

Около 10 тысяч угандийских исмаилитов получили разрешение на въезд в Великобританию и поселились, в основном, в Лондоне и его окрестностях. Сегодня в этой стране насчитывается почти 25 тысяч последователей Ага-Хана.

Еще в конце 1950-х годов у имама сложились дружеские отношения с последним шахом Ирана Мухаммедом Реза Пехлеви, свидетельством чего стало присвоение Ага-Хану иранского титула Его Королевское Высочество. Они часто вместе катались на лыжах в Швейцарии. В годы правления шаха значительно усилились контак-

ты между исмаилитской общиной страны и ее духовным лидером, власти гораздо терпимее стали относиться к пастве имама, начали выходить труды по истории и философии исмаилизма, постепенно создавались условия для нового духовного подъема.

Прекрасные личные отношения существовали у имама со всеми лидерами Пакистана. Традиция была заложена еще его дедом, которого в этой стране считают одним из отцов независимости – еще в начале XX века Мусульманская лига под его руководством добивалась раздельного представительства с индусами в государственных органах тогдашней Индии. Недаром один из главных проспектов столицы Пакистана носит имя Ага-Хана. Особенно теплыми были отношения Ага-Хана IV и реформатора Зульфикара Бхутто, который принял руководство страной после долгих лет нестабильности и диктатуры. Бхутто привлекал опыт современных моделей модернизации, поэтому он с особым вниманием присматривался как к «белой революции», проводившейся шахом в соседнем Иране, так и к исмаилитскому пути преобразований. Если первый из них был сродни петровскому верхушечному перевороту и опирался во многом на машину подавления, то второй базировался на полной добровольности и духовном авторитете лидера. Бхутто заявлял: наша политическая система – демократия, наша экономическая организация – социализм, наша религия – ислам. Если с шахской моделью развития общества совпадал только последний пункт этой триады, то с исмаилитской – почти все. Ибо хотя в экономике последователи Ага-Хана предпочитали свободную конкуренцию, в жизни общин заметное место занимали элементы социализма – добровольные общественные работы и взаимопомощь. Особенно широко это практиковалось в горных районах северного Пакистана.

В это время имам уже обдумывал новые формы организации социально-экономического блока исмаилитского сообщества. В ходе поездок по многим странам он смог составить довольно полное представление о достигнутом в годы имамата его предшественника. Сотни школ, медицинских учреждений разного уровня, финансовые институты, промышленные и сельскохозяйственные предприятия, издательства и газеты представляли собой ценное достояние, хотя не все они находились под квалифицированным управлением, отвечающим современным требованиям. Не было и взаимосвязи между различными подразделениями исмаилитской общественной собственности, не говоря уже о едином менеджменте в масштабах

всей диаспоры. Ага-Хан IV задумал объединение всех разнородных звеньев в единую цепь, своего рода всемирный холдинг. Он подошел к осмыслению задач многопрофильного хозяйства общины как высокообразованный современно мыслящий бизнесмен.

Существовавшие к тому времени крупные финансовые структуры такие, как Трест алмазного юбилея, послужили основой для формирования Фонда Ага-Хана, о создании которого было объявлено в 1967 году. Он стал базовой структурой, вокруг которой с годами выстроилась разветвленная сеть AKDN, чьей философией стало многообразное сотрудничество и партнерство частных лиц, благотворительных организаций и правительств во имя формирования современного образа жизни и достойного ее уровня для граждан Третьего мира. На сегодняшний день Фонд обладает собственностью, оцениваемой в сумму около 600 миллионов долларов. Ежегодные поступления от различных доноров составляют до 200 миллионов (в 2000 г. – 198,9 долларов), при этом доходы от собственных предприятий дают лишь около 1%. Если уместно говорить о всемирном рынке пожертвований в пользу слаборазвитых стран, то возможно именовать AKDN одним из главных игроков этого рынка, обладающих искусством привлечения помощи со всего мира на реализацию собственных проектов.

В новое тысячелетие AKDN вступила мощной разветвленной структурой, которой по силам осуществление сложных дорогостоящих проектов, способных оказать воздействие на жизнь крупных регионов. По масштабам своей деятельности она сравнима с крупнейшими международными организациями – донорами Третьего Мира. А по универсальности, по многопрофильности может быть уподоблена только социально-экономическим подразделениям ООН для развивающихся стран, конечно, с поправкой на более скромные финансовые возможности.

Не только Третий мир привлекал внимание имама. Хорошо зная Европу и Америку, получив крупное состояние от деда и отца, он унаследовал и хорошее чутье на инвестиции, отличавшее их. Его с самого начала привлекали крупные и оригинальные бизнес-проекты, и он чаще всего добивался успеха. Первый такой проект, целиком разработанный при участии молодого имама, начал осуществляться вскоре после окончания Гарварда. Пройдя во время одного из своих плаваний на яхте вдоль северо-восточного побережья Сардинии, Ага-Хан был очарован красотой этих гористых безлюдных мест. Коста Смеральда (Изумрудный берег) – более 50 кило-

метров побережья – должен был согласно проекту превратиться в фешенебельный курорт для самых богатых и знатных людей мира. В сентябре 1960 года был учрежден консорциум для реализации замысла, президентом был избран Ага-Хан. Работы начались весной 1965 года. Истратив на строительство отелей и вилл, аэропорта, гавани, дорог и обустройство территорий более миллиарда долларов (только Ага-Хан вложил 770 миллионов), инвесторы консорциума за несколько лет дали новую жизнь этому забытому Богом краю. Более 30 лет функционирует модный курорт, давший приют сотням знаменитостей со всего света, и, несмотря на появление все новых элитарных мест отдыха, выдерживает жестокую конкуренцию[61].

Затем при участии ряда крупнейших предпринимателей Европы, таких как владелец «Фиата» Д.Аньели был создан консорциум «Фампар» по эксплуатации самых фешенебельных отелей со средней стоимостью номеров от 300 долларов в сутки (среди прочих собственностью консорциума стали лучшие отели Венеции, Мадрида, Вены, подобные римскому «Эксельсиору»).

Не забывал Ага-Хан в своих бизнес-пректах и развивающиеся страны. К примеру, в Африке он вложил 5 миллионов долларов в развитие текстильной промышленности, производство керамики и недвижимость. Спустя несколько лет все эти предприятия были оценены на бирже много дороже. Столь же верным оказался расчет на заполнение ниши роскошных отелей в регионах, издавна привлекавших богатых туристов: Кения и Танзания, главные цели для любителей сафари, ныне располагают первоклассной гостиничной цепью Serena. Один отель построен на омываемом водами океана мысе в столице Занзибара, другой в кратере вулкана Нгоро-Нгоро, третий в заповеднике Серенгети, четвертый в центре Найроби. Туристу, прибывающему на восток Африки, предоставляется возможность с комфортом провести время в лучших местах континента, слушая рев львов, вздохи громадных буйволов или шелест пальм, мешающийся с рокотом океанских валов.

[61] В последнее время курорт стал модным и у новой русской элиты, сколотившей громадные состояния сомнительными способами. Желтая «Экспресс-газета» живописала в сентябре 2003 года сардинское житье-бытье этой публики: «Они сорят деньгами в самых дорогих клубах и закатывают грандиозные посиделки, где водка льется рекой, бутылкам элитных вин теряется счет, черную икру лопают прямо из тазов, а весельчаки приходят в себя утром, приняв на пляже душ из шампанского. Впрочем, все это – признаки отдыха по-русски в любом месте». Хотя собственно русских среди них немного, престижу России они наносят ущерб немалый. Да и тех респектабельных мест отдыха, которые подверглись их нашествию. Впрочем, имам в настоящее время уже отошел от участия в консорциуме, и не является крупным держателем акций Коста Смеральды.

Опыт имама как удачливого бизнесмена не прошел даром для всего сообщества исмаилитов. В 1979 году, отвечая на часто повторяющийся вопрос журналиста, почему он живет на Западе, Ага-Хан сказал, что дед его считал необходимым учиться у промышленных наций. И добавил: «Так что, стратегии развития кооперативных банков, строительного бизнеса, которые он внедрил в исмаилитском сообществе, базировались на западных моделях»[62]. В интервью египетской газете «Аль-Мустакбаль» (20 декабря 1986) имам более подробно обосновал, почему его штаб-квартира находится на Западе: «Прежде всего, я живу на Западе, так что люди не должны думать, что «имамат» это институт, принадлежащий тому или иному государству. Таким образом, имамат останется мировым внеполитическим институтом. В наше время мусульманину нелегко не ассоциировать себя в общественной жизни с определенным государством, философией или позицией. Затем, я стремлюсь к эффективности. В развивающихся странах, на пути эффективной работы еще есть препятствия: трудности связи и передвижения, нехватка квалифицированного персонала, тяжелые условия труда. Это означает, что любое принимаемое решение обязательно будет компромиссом».

В тесной связи с этим и беспрецедентная мобильность имама, который ежегодно по нескольку раз облетает вокруг земного шара на своем реактивном самолете, совершая десятки посадок в разных странах. Он говорил: «Я вижу моих людей чаще, чем папа или другие религиозные лидеры. И я могу прибыть к моим людям очень быстро, если они того пожелают»[63].

Перемены, происходящие в исмаилитском сообществе, касаются не только материальной стороны. Наметился существенный сдвиг в системе ценностей разных поколений, что особенно заметно в развитых странах, ставших новой родиной для бывших граждан Британской империи. Так, старики сетуют, что если в их время предпочтение отдавалось торговле, собственному делу, то нынешняя молодежь выбирает карьеру государственного чиновника или служащего крупной корпорации, стремится овладеть свободными профессиями.

Уже несколько столетий в христианском мире нарастает тенденция обмирщения религии. Может ли этот процесс стать столь же

[62] Edwards A. Throne of Gold. The Lives of the Aga Khans. – Harper Collins Publishers, 1995. – P. 295.

[63] Ibid.

заметным в исламских обществах? Сам имам полагает: «В Исламе, в отличие от Католической церкви, нет духовенства, понимаемого как категория лиц, посвятивших себя исключительно религиозному служению. В противовес христианской традиции, Ислам не отделяет мирского от духовного. Мой долг, следуя примеру моих предков, руководить исмаилитами не только в жизни, но повседневной практике шиитского ислама. Для этого мне необходимо изучать их уровень жизни в соответствии с их географическим местонахождением. Первой обязанностью имамов всегда было жить настоящим, и, следовательно, прежде всего уметь адаптироваться»[64]. За земными заботами невозможно забыть о духовной сути совершающихся перемен или, выражаясь поэтическим слогом, о небесном измерении дел человеческих. В конечном итоге, рост образованности, продление жизни, улучшение ее качества, имеют высший смысл – раскрытие возможностей человека, как существа высшего порядка, сопричастного замыслу Творца о высшей красоте и гармонии.

Свое понимание ценностей и основных проблем современного ислама в контексте диалога культур Ага-Хан изложил в мае 1996 в речи по случаю присуждения степени бакалавра в университете Брауна (США): «Сегодня на Западе большинство людей совершенно не понимает мусульманского мира. Запад мало знает о его разнообразии, о его религии и принципах, которые объединяют его, о его блестящем прошлом и пути, ведущем его из прошлого в настоящее. Мусульманский мир известен на Западе больше агрессивными действиями некоторых групп, составляющих его меньшинство, чем миролюбием его веры и большинства людей, входящих в него. Сами слова «мусульманин» и «ислам» в коллективном бессознательном большинства западных культур вызывают образ чего-то злого и беззаконного. И мусульманский мир, как следствие, стал чем-то, о чем Запад не хочет думать, чего не понимает и с чем вступит в контакт только, если это будет неизбежно.

И не только потому, что этот образ искажен, но и поскольку существуют очень серьезные причины, которых мы не должны упускать из виду, Запад и мусульманский мир должны искать лучшего взаимопонимания. Первая причина заключается в том, что с военным, политическим и финансовым ослаблением Восточного блока, мусульманский мир остался одной из двух потенциальных геополитических сил на мировой арене, стоящих лицом к лицу к Западному миру. Вторая сила – это Восточноазиатские Тигры. Во

[64] Paris Match. – 1994. – Dec.

многих европейских странах существуют крупные и влиятельные мусульманские сообщества. Мусульмане контролируют большую часть мировых запасов нефти. В европейских странах, имеющих стратегическую важность для запада, таких как Турция, наблюдается возрождение ислама. Несколько мусульманских держав обладают ядерным потенциалом. Война в Заливе доказал, что события, происходящие в мусульманском мире, имеют непосредственное влияние на мировую экономику и безопасность. Запад не должен игнорировать эволюцию Ценральноазиатских республик и их роль в будущем России. Большинство областей Африки, прилегающих к Сахаре, мусульманские, и никто из нас не может повернуться спиной к этому столь нуждающемуся континенту.

Вторая причина, по которой исламский мир и Запад все больше должны искать взаимопонимания, та, что по окончании холодной войны, стало очевидным, что всевозможного рода насилие и жестокость стали чумой, набирающей силу по всему миру. Они могут носить военный или полу-военный характер, или быть внедрены в структуры и не бросаться в глаза, но от этого быть не менее ужасными. Это и взрывники-смертники, и этнические чистки, и брошенные на произвол судьбы огромные группы населения даже в промышленно развитых странах, таких как эта. На фоне такого общего беспокойства, должно стать по совершенно ясным, что насилие, во всяком случае, не является частью веры ислама вопреки тому мнению, которое нам навязывается средствами массовой информации. Это столь распространившееся мнение несправедливо, и его не следует принимать на веру. Это неправильно и опасно. Миф о том, что Ислам в ответе за все дурные деяния отдельных мусульман, возможно, происходит из того известного утверждения, что для всех мусульман понятия Дин и Дунийя (Религиозное и Светское), неразрывно соединены. Больше, чем в любой другой монотеистической религии мира. Естественное следствие этого заключается в том, что в совершенном мире любые политические и общественные дела мусульман должны всегда быть продолжены в этических рамках веры. Но наш мир еще несовершенен. Запад, тем не менее, не должен больше путать существующую в исламе связь между мирским и духовным со связью между государством и церковью.

Со смертью Карла I и Людовика XVI западная культура начала процесс секуляризации, который вырос в настоящие демократические институты и изменил культуры. Ислам, с другой стороны, никог-

да не одобрял никаких политических догм. Так что исторический процесс отделения церкви от государства, имевший место на Западе, никогда не имел места в мусульманских обществах. Наоборот, в настоящее время мы являемся свидетелями обратного процесса, в некоторых исламских государствах происходит усиление теократических тенденций в политике. Исламский мир не единодушен относительно желательности этих тенденции, но было бы безусловно менее пугающим, если бы переменами двигала гуманистическая этика веры.

Захватывающие новости в этом роде способствует укреплению западной тенденции воспринимать всех мусульман или их общества как гомогенную массу людей, живущих в некоем неопределенном теократическом пространстве, едином развивающемся «другом» месте. И все таки при том, что мусульмане составляют большинство в примерно 44 странах и почти четверть населения земного шара, должно быть очевидно, что наш мир не может состоять из одинаковых людей, имеющих одинаковые цели, мотивации и интерпретации веры. Это сам по себе мир, широкий и разнообразный в своих желаниях и заботах. Нет ли некоторой интеллектуальной грубости в людях, которые хотят воспринимать 1 миллиард человек любой веры как унифицированную массу?

Возможно, что почти всеобщее бремя малоразвитости, из-под которого удалось вырваться только некоторым мусульманским странам, объединяет нас в глазах Запада и отделяет нас от него. Наверное, ни одна мировая религия не имеет такой концентрации людей, живущих в бедности и страхе. Начиная от болезней и политической неустроенности и кончая незащищенностью национальной целостности, от потери культурной идентичности до растерянности перед лицом новых сил плюрализма, рыночной экономики и меритократии. Ни один разумный и справедливый ум не усомнится в логике и оправданиях наших страхов перед распространением западного образа жизни или в потере нашей мусульманской идентичности. Никто не подвергнет сомнению наши опасения отрыва веры и ее обычаев от нашей мирской жизни, опасения, связанные с производством и использованием материальных благ, с нашей потребностью создать систему законов, совместимых с этикой нашей религии, но вместе с тем совместимой и с современностью и с потребностями будущего.

Мусульманский мир, бывший когда-то бастионом научного и гуманитарного знания, колыбелью оригинальной культуры и искусства, никогда не забывал своего прошлого. Пропасть между ним и

растущими проблемами будущего, вызовет растерянность даже в самых уверенных в себе обществах. Вы можете справедливо спросить, что же случилось с тем миром и почему он достиг такой степени хрупкости? Многие современные проблемы исламского мира результат политических конфликтов, обусловленных концом колониализма и холодной войны. Разве корни конфликта в Кашмире не лежат в разделе Индии 1947 года? Разве гражданские войны в Афганистане и Таджикистане не являются больше следствием политических конвульсий умирающей холодной войны, чем религиозного конфликта между самими мусульманами? Разве причиной конфликта а Алжире, является разница в интерпретации веры алжирцами, а не попытка политических перемен, которая пред лицом испытаний провалилась? Эти конфликты являются наиболее несчастным наследием исламских государств, которые использовались, наряду с другими странами, как пешки в холодной войне?».

Влияние Ага-Хана на международные дела и его авторитет заметно возросли в 1980-х годах. Помимо его вклада в развитие отношений Север – Юг планеты, в развитых странах высоко оценена его роль как лидера умеренного и прагматичного течения в исламе. После революции 1979 года в Иране в мире поднялась волна исламского фундаментализма, пиком которой считают 11 сентября 2001 года. Воздушная атака на символы американской военной и экономической мощи поставила иудео-христианскую цивилизацию (так определяют ее в англо-саксонских странах) перед необходимостью выбора стратегии взаимоотношений с исламом. Весьма усилилось то крыло, которое, опираясь на опыт сионистского государства, считает возможной лишь конфронтацию и борьбу до капитуляции противника. Идеологическим обоснованием такой позиции служат концепции, подобные учению Самуэля Хантингтона о столкновении цивилизаций. Другие, не менее влиятельные, круги полагают, что ставку надо делать на поддержку реформистских сил в мусульманском мире. Задолго до нынешнего обострения влиятельная американска газета отмечала: «Ага-хан, безусловно, человек, с которым, по словам Маргарет Тэтчер, адресованным недавно назначенному Михаилу Горбачеву, ‘‘можно иметь дело’’». А дело Ага-Хана, во всяком случае, большая его часть, состоит в том, чтобы примирить ислам и Запад и прекратить злоупотребления и тысячелетнее недоверие между ними[65]. Ага-Хан и исмаилиты, часто определяемые как протестанты ислама, оказываются весьма востребованы в та-

[65] The Sun. – 1992. – November 6th.

ком контексте. Успешно развивающаяся в сторону модернизации община воспринимается как модель возможного развития мусульманского мира в эпоху глобализации.

Одно время Ага-Хан предлагал посреднические услуги по урегулированию ситуации в Чечне. Журнал "Новое время" сообщал весной 1995 года: "Имам Ага-Хан, следуя традициям исмаилизма, согласился принять самое активное участие в предстоящей совместной конференции религиозных лидеров по умиротворению чеченского конфликта. Этот вопрос – межконфессиональный. Лидеры Ислама, Православия и Армянской Григорианской Церкви смогут высказать правительствам России и Чечни свое мнение относительно происходящего.

Ага-Хан дал согласие быть сопредседателем конференции, которую предполагается провести в апреле этого года в Махачкале[66].

Хотя планировавшаяся встреча не состоялась по причинам внутриполитического порядка, ее замысел показателен – практически все политические инициативы имама связаны с миротворчеством. При этом он постоянно ориентирует свою паству на невмешательство в политические процессы в странах проживания. В частности, это особенно заметно в Пакистане, где исмаилитская община, несмотря на ее экономическое влияние, не стремится приобрести соответствующее положение в сфере государственного управления, в армии, но рассматривает любую инициативу в этом направлении как сугубо частное дело каждого.

Деда нынешнего имама пресса жаловала как одного из ньюсмейкеров эпохи – то из-за избрания его президентом Лиги Наций, то из-за женитьбы на «мисс Франция», то из-за впечатляющих взвешиваний против пудовых ящиков с бриллиантами на глазах у десятков тысяч людей, то из-за побед его лошадей на дерби. Отец был любимцем «розовых журналов» из-за брака с первой красавицей Голливуда Ритой Хэйуорд и нескольких романов с персонажами светской хроники. История о том, как он увел пассию у принца Уэльского тоже многократно смаковалась журналистами.

Ага-Хан IV как бы унаследовал это пристрастное внимание пишущей братии, хотя ничего экстравагантного никогда не делал. Он сразу же прекратил практику театрализованных взвешиваний, никаких демонстраций богатства вообще не одобряет. Но его личная жизнь тем не менее остается предметом пристального внимания. Слишком велика потребность читающей публики в красивых сказ-

[66] «Новое время». – 1995. – Апрель. – С. 33.

ках и скандалах. А от мультимиллионера ждут чего-то пикантного. Поэтому смакуют подробности его развода и женитьб (которых было всего две)[67], пытаются домыслить, что происходит на его яхте, где он принимает принцессу Маргарет и других сильных мира сего, подробно извещают, что на свадьбе его (1969 г.) присутствовали принц Бернард Нидерландский, иранская принцесса Ашраф, принц Виктор Иммануил, наследник югославского престола принц Александр, семья французских Ротшильдов, Чарли Чаплин и прочие знаменитости.

Характерный пассаж находим у одного из биографов имама – Анны Эвардс, автора книги с характерным названием «Трон из золота». Она как бы между делом сообщает, что жизнь имама рутинна: три зимних месяцев катание на лыжах в швейцарском имении, весна в Париже – французские скачки, потом Лондон – дерби, аукционы породистых лошадей, встречи с руководством Исмалитского центра, летом – юг Франции и Сардиния, осенью – вояжи в Азию и Восточную Африку для посещения исмаилитских общин, а также – во всякое время – полеты в Нью-Йорк по делам бизнеса и филантропии, визиты в Ирландию для ознакомления с текущими делами конных заводов.

Есть и другой полюс в обширной литературе об Ага-Хане. Если одни стараются представить его в привычном «звездном» антураже, то другие упражняются в изобличении – например, спортивный журналист Михир Бос почему-то решил оставить привычный предмет крикет и обратился к Ага-Хану, обнаружив целую цепь неблаговидных дел, тянущихся с незапамятных времен к нынешнему имаму. Другой непримиримый критик – Акбарали Мехерали, живущий в Канаде, старается доказать антиисламский характер современного исмаилизма и личную небезупречность имама. Но злобная активность этих и других авторов совершенно не повлияла на мировое признание достижений исмаилитской общины под руководством имама.

Как ни удивительно, в газетах и журналах почти не встретишь описания обыденной картины в Эглемоне, где расположена штабквартира AKDN. Ага-Хан приобрел это имение в полусотне верст от Парижа в начале 70-х годов. На территории в 80 га были построены два дома – один для имама и его семьи (жена и трое детей), другой

[67] До 1995 года имам был женат на Саре Крокер-Пул, от которой у него трое детей. А после развода с ней, в мае 1998 года он сочетался вторым браком с немецкой принцессой Габриэлой цу Лайнинген (после перехода в мусульманство бегум Инаара).

под офис. И ежеутренне, садясь за руль своего автомобиля, нагруженного папками с документами, лидер исмаилитов мира проезжает несколько сотен метров, чтобы продолжить работу с бумагами и встречи с людьми, прибывающими со всего мира. Припарковав машину, он собирает в охапку все, что брал на дом, и несет эту немалую ношу в свой кабинет. И так каждый день, пока он находится в штаб-квартире.

Почти все родственники имама так или иначе связаны с деятельностью AKDN: брат Амин осуществляет руководство ее ведущими институтами, дочь, принцесса Захра, работает в секретариате имамата, где отвечает за координацию работы учреждений социального развития, старший сын, принц Рахим, выполняет аналогичные обязанности по отношению к блоку служб экономического развития, младший сын, принц Хусейн, также работает в секретариате и занимается программами в области культуры.

Большую часть своих поездок Ага-Хан совершает на небольшом реактивном самолете, который во время продолжительных вояжей по местам расселения исмаилитской диаспоры делает десятки взлетов и посадок. Что весьма отдаленно напоминает картину развеселого житья-бытья между скачками и лыжами. К примеру, та же Анна Эвардс приводит цифру, характеризующую интенсивность одной из 2-х месячных поездок имама по Восточной Африке в 60-е годы: 82 посадки. Не всякий профессиональный летчик получит разрешение от медкомиссии на такие нагрузки.

В декабре 1994 года, отвечая на вопрос корреспондента «Пари матч» о том, как организовано его рабочее время, имам сказал:

«Я провожу 90% моего времени в Женеве и Эглемоне, работая в моих фондах. Наши офисы работают все семь дней в неделю без выходных, поскольку для мусульман выходной день – пятница. В субботу и воскресенье я должен быть на месте и принимать директоров наших подразделений. Моя жизнь определяется официальными визитами в 20 или более стран, где живут члены нашего сообщества, и таким образом я круглогодично перемещаюсь. За год набирается примерно 600 часов, проведенных в самолете! Чтобы выиграть время я всегда беру в свой частный самолет помощников».

Хорошую форму имаму позволяет здоровый образ жизни и регулярные занятия спортом. Так, по вечерам после занятий в офисе он совершает пробежки по лесным дорожкам в окрестностях Эг-

лемона[68]. А во время поездок по слаборазвитым странам инспекционные визиты по объектам развития могут быть приравнены к спортивным тренировкам, ибо зачастую сопровождаются немалыми физическими нагрузками. В психологическом плане это «экстремальный тренинг».

Вообще, надо сказать, немного найдется охотников из года в год совершать долгие туры по школам, больницам и богадельням. По всей видимости, имам воспринимает это как религиозный долг, причем более строгий для него, чем религиозные обязанности его паствы. При этом и тот, и другие видят главное содержание религии в практических делах по возвышению личного достоинства каждого члена общины через приобщение ко все более высоким стандартам жизни. Как сказал однажды имам: «Быть исмаилитом это больше чем религия. Это образ жизни». Что можно наглядно увидеть в том месте, где паства Ага-Хана собирается ежедневно.

Сердце всякого большого и малого исмалитского сообщества – джаматхана, молитвенный дом, куда три раза в день приходят для молитвы и медитации. Но этим значение джаматхана не исчерпывается. Это и место деловых встреч, и конференц-зал, и организационный центр. В вестибюле огромной джаматхана в Карачи я видел разного рода объявления о секциях и курсах для молодежи, извещения медицинских и страховых организаций. Во множестве зданий, прилегающих к молитвенному дому, находятся офисы бизнесменов, библиотеки, в одном из холлов собираются богословы, в другом молодые добровольцы обсуждают календарный план социальной помощи.

Там же я встретился с известным исмаилитским религиозным мыслителем г-ном Шейхом Икбалом. Уже сама его внешность может служить опровержением расхожих представлений о людях этого рода. Крупный смуглый мужчина в рубашке навыпуск с короткими рукавами. Мощные мускулистые руки, массивный торс жизнелюбца. Гладко выбритое лицо, короткая стрижка, живые глаза. Говорит словохотливо и энергично. Уже первым определением исмаилизма задает тональность разговора: это сообщество, смотрящее вперед.

На самом деле, исмаилизм, исходя из его слов, можно резко отграничить от большинства других направлений ислама тем, что для

[68] Являясь обладателем многомиллиардного состояния, имам живет жизнью обычного человека, даже водителя и охраны у него нет. Но и в сравнительно спокойной Франции жизнь состоятельного человека может быть небезопасной. В июле 2003 года, во время традиционной пробежки по лесу имам подвергся нападению двух злоумышленников, которые завладели его автомобилем и портфелем с документами.

него не характерен пиетет перед минувшим, как утраченным золотым веком. Икбал сказал: мы обращаем взгляд в прошлое, чтобы не повторять былых ошибок. Он сделал ударение на том обстоятельстве, что для его единоверцев главное не славная история, а то, что с ними их имам. Только сегодняшний носитель благодати и источник премудрости делает существование общины исполненным высшего смысла. Она и существует лишь постольку, поскольку с нею ее духовный лидер. Огромные фотопортреты Ага-Хана IV – это единственный культовый предмет в джаматхана. И рядовой верующий, не очень вдающийся в тонкости богословия, возможно, переносит на своего имама весь жар религиозного чувства. Во всяком случае, когда в одном из магазинов Карачи я увидел снимок Ага-Хана на стене, продавец на вопрос мой, кто это, сказал: это мой господин!

Наверное, на основании таких простодушных высказываний часто делают вывод, что исмаилиты считают Ага-Хана живым богом. Но вряд ли разумно судить о религиозных учениях по их простонародному истолкованию. Иначе пришлось бы признать, что православие считает святых Космы и Дамиана лошадиными богами, а верховным божеством – святого Николая Мирликийского. Ведь именно так представлял себе свой пантеон обычный русский крестьянин, бывший просто не в состоянии уразуметь троичность единого бога и прочие богословские изыски греческих отцов церкви.

Конечно, существование имама это основной источник религиозного вдохновения. Что отражено в двух праздничных датах годового богослужебного круга – 13 декабря, день рождения имама, и 11 июля – день провозглашения его духовным лидером мирового сообщества исмаилитов. Первый из праздников отмечают в джаматхана, второй имеет значение как религиозное и светское событие. Помимо этого, празднуют и общие всем шиитам Ноуруз (21 марта), день рождения Али, первого имама (18-го раджаба), День имамата Али (18-го зулл-хидджа); общие для всех мусульман Милад аль Наби (день рождения Пророка, 12-го раби-аль-авал), Шаби Мирадж (восшествие Мухаммеда на небо, 27-го раджаба), Лейлят аль-Кадр (Ночь Могущества – правда, в отличие от суннитов, не 27-го рамадана, а 23-го)[69].

Отличий от главных направлений ислама много. Так исмаилиты, в сущности, не придают первенствующего значения шариату, для них законом жизни общины является конституция, изданная

[69] Мусульманский лунный календарь состоит из 12 месяцев по 30 дней. Годовой цикл этого календаря имеет меньшую продолжительность, чем у григорианского календаря. Даты его не имеют постоянного соответствия с днями и месяцами, принятыми у нас.

Ага-Ханом III. Сегодня нет той остроты противостояния шариату, которая была характерна для позднеаламутской эпохи после Дня Кийамата. Да и сам он не отмечается. Но последствия тогдашней реформы прослеживаются и ныне. Так, вместо обязательных для правоверного мусульманина пяти *салятов* (молитв), исмаилиты совершают только три. Посту в рамадан не придается существенного значения. Хотя есть исмаилиты, которые соблюдают пост. Нет жестко установленных правил.

Еще в самом начале моего знакомства с исмаилитами меня удивило полное отсутствие мистицизма и почтения к разного рода сакральным сущностям. Так, на мое заявление, что нынешний имам, должно быть, особо чтим из-за того, что он семижды седьмой ответили пожатием плеч. Хотя в далеком прошлом книжники немало рассуждали о том, что Исмаил, с которого пошел исмаилизм, был как раз потомком пророка в седьмом поколении. И видели в этом особый знак. Но сегодня, оказывается, никакого особого уважения семерка не вызывает, даже будучи возведена в квадрат. Столь же мало волнения породило 60-летие Ага-Хана. При всем почтении к дню рождения имама эта круглая дата воспринималось как его личный юбилей, а у общины совсем другая рубежная веха – 40-летие имамата.

При всем прагматизме исмаилитов религия занимает центральное место в их жизни, а джаматхана играет роль организующего центра. Приходя ранее начала богослужения, верующий творит частную молитву, а затем участвует в общей молитве. Здесь же прослушивают наставления имама – либо когда он присутствует лично, либо когда зачитывают его *фарманы* (могущие быть уподоблены указам светского властителя) или *талика* (послания по конкретным поводам, например празднования какой-то даты). Одним из важных источников религиозного вдохновения служат *гинаны,* гимны, исполняемые хором без музыкального сопровождения. Их содержанием являются различные коранические события, а также нравоучительные истории из жизни исмаилитских даи. Во время богослужения в джаматхана воскуряют ладан, но это относится скорее к местным обычаям отдельных стран, чем к установленному ритуалу.

Джаматхана служит также учебными классами для детей, которые получают религиозное образование начиная с 3-х летнего возраста и продолжают его до 18-20-летия. В Пакистане занятия проводятся пять раз в неделю по часу в вечернее время, в других странах такие курсы действуют два раза в неделю.

Интересно наблюдать за толпой, покидающей джаматхана после вечерней молитвы. Она заметно отличается от верующих, выхо-

дящих из христианского храма или из мечети. Громкие разговоры, смех, шутки. На обширном дворе молитвенного дома большие и малые кружки людей собираются для обсуждения последних новостей, серьезные пары прогуливаются или стоят под сенью раскидистых деревьев – похоже, деловые партнеры решают свои вопросы. Общество долго не расходится, видно, что людей призвал сюда не формальный долг, что быть здесь для них – жизненная потребность. Атмосфера бодрости, заинтересованности в делах ближнего невольно заражает, и невольно припоминаешь определение Шейха Икбала о сообществе устремленных в будущее.

Религиозный долг паства Ага-Хана понимает не только как посещение богослужений и уплата закята. Не менее важным элементом повседневного исполнения своих обязанностей исмаилиты видят в добровольном участии в программах AKDN и проектах каждой конкретной общины. Одни работают сестрами и братьями милосердия, другие трудятся на строительстве оросительных сооружений, третьи ведут делопроизводство. Например, во время поездки в Пакистан со мной и Давлатом Худоназаровым все время были чрезвычайно предупредительные молодые люди, выполнявшие функцию гидов по заданию общины совершенно бескорыстно. Молодые адвокаты и бизнесмены, на несколько дней оставив все свои дела, занимались исключительно нами. И таких примеров волонтерства можно привести бесчисленное множество. Уместно сказать, что впечатляющий объем сделанного AKDN объясняется не столько величиной привлеченных денежных средств, сколько истовой подвижнической деятельностью десятков тысяч добровольцев понимающих свой труд как нечто естественное и само собой разумеющееся. Как дыхание, как сама жизнь.

В университете Ага-Хана в Карачи, в госпитале при университете, в центре матери и ребенка, в Первом микрокредитном банке (FMFB) – везде царит атмосфера деловитости, окрашенная энтузиазмом людей, исполняющих не просто земное дело, но некую духовную миссию. Конечно, нелегко перебросить психологический мостик в прошлое, но кажется, что, погрузившись в атмосферу, царящую в сегодняшней исмаилитской общине, начинаешь лучше понимать, какой настрой царил в ней в те века, когда исмаилизм был первенствующим вероисповеданием в Фатимидской державе и в Аламутском государстве.

СОЗИДАНИЕ БУДУЩЕГО

В целом для всех подразделений, входящих в AKDN, характерен дух крупной корпорации, работающей на достижение максимальных результатов в бизнесе. Поэтому религиозное содержание здесь может быть обнаружено лишь в опосредованном виде. Примерно так, как вообще дух капитализма может быть выведен из протестантской этики (по Максу Веберу). Как в любой рыночной структуре, отбор персонала происходит не по анкетным данным (религия, национальность и т.п.), но по деловым качествам. Оттого в этом внушительном исмаилитском холдинге можно встретить людей всех культур и вер.

Например, в штаб-квартире Фонда Ага-Хана в Женеве работают по большей части европейцы, как правило, не-мусульмане. Я не задавал вопросов, касающихся их вероисповедания, но не исключаю, что среди них имеются и атеисты. То же можно сказать и о персонале Института исмаилитских исследований в Лондоне. Например, автор крупнейшего исследования истории исмаилизма и заведующий отделом института Фархад Дафтари – не исмаилит. В сборниках научных трудов, регулярно публикуемых институтом, подавляющее большинство авторов – европейцы и американцы.

Мое знакомство с деятельностью AKDN началось именно в Женеве. Солидный, но скромный офис неподалеку от Дворца Наций, занимаемый Фондом Ага-Хана (AKF) и рядом родственных организации, производит впечатление то ли крупного агентства интеллектуальной собственности, то ли издательства. Стеллажи в кабинетах заставлены книгами, по столам громоздятся горы папок, видеокассет, буклетов. Обитатели похожи не на клерков, а на профессоров.

Директор по связям Катрин Хинкли рассказывает об основных целях создания Фонда. В системе AKDN он занимается борьбой с бедностью. В отличие от большинства подобных фондов он главное внимание уделяет не филантропии, а технической помощи, видит смысл своей деятельности в том, чтобы послужить своего рода пусковым механизмом для развития самодеятельности и – как результат – самообеспечения беднейших слоев населения в Третьем мире. Аккумулируя средства, выделяемые правительствами и благотворительными организациями, AKF направляет их на реали-

зацию проектов развития. 220 штатных сотрудников в 12 странах, где имеются отделения Фонда, обеспечивают функционирование основных подразделений – образовательного, медицинского, сельскохозяйственного – во взаимодействии с государственными структурами.

Конкретные формы сотрудничества разнообразны. Случается, проектные и административные службы той или иной страны испытывают недостаток идей, которые могли бы привлечь иностранных доноров. Тогда Фонд предлагает конкретные проекты, сначала в локальном масштабе, затем, в случае успешной их реализации, отрабатывает сценарий внедрения новшеств по всей стране или переносит положительный опыт в иные регионы мира. Так было при отработке образовательных моделей в Индии, Пакистане и Танзании. На их основе была создана школа в Кампале (Уганда), средства для которой выделило Европейское Сообщество. Затем программа была распространена на 15 государственных и частных школ страны.

Фонд Ага-Хана никаких прибылей не имеет, но смысл его деятельности в том, чтобы начали расти доходы получателей помощи. Именно к этому направлены передача технологий, создание рабочих мест. Большая кредитная программа для сельских местностей Пакистана, Индии, Бангладеш, Кении ставит целью повышение уровня жизни населения и создание более емкого рынка капиталов. Но часто она носит сугубо благотворительный характер, как, например, в тех местностях, где удалось улучшить только качество водоснабжения без заметного улучшения других сторон жизни. Кое-где приходится осуществлять финансирование вне всякой связи с общей философией роста доходов. Это касается, например, программы борьбы с дизентерией без госпитализации больных (Бангладеш) или экстренных поставок гуманитарной помощи в районы социальных бедствий (Таджикистан).

Хотя AKF был основан еще 1967 году, в окончательном виде его задачи были сформулированы в 1982 году, когда было принято решение сделать Фонд агентством развития. Имам пригласил одного из своих старых гарвардских друзей перестроить работу AKF. Имея опыт работы в Продовольственном фонде ООН, тот хорошо знал проблемы развивающихся стран. Прибыв в Женеву с тремя сотрудниками, он создал ядро организации, которой предстояло стать центральным звеном AKDN по реализации ее мировой стратегии. Ага-Хан предложил им начать с изучения положения на субконти-

нете. В течение года во взаимодействии с правительствами Индии, Пакистана и Бангладеш, с тамошними исмаилитскими общинами они старались выявить скрытые резервы и задействовать их. Причем была поставлена задача разработки конкретных программ с быстрой отдачей – от 6 до 12 месяцев.

В дальнейшем было принято за правило не заниматься комплексным развитием регионов, а браться за решение одной – двух проблем. Работа над каждой конкретной задачей начинается после одобрения советом директоров AKF. Инициатива исходит чаще всего от региональных властей, которые обращаются в Фонд за помощью в преодолении тех или иных трудностей. Как пример можно привести ситуацию с переподготовкой учителей в Северном Пакистане.

С Владимирым Путиным

С Индирой Ганди

Было обращено внимание, что образовательная система стагнирует из-за низкого уровня преподавания. Большинство учителей в школах низшего звена составляли женщины, которым из-за консерватизма местных общин было невозможно было ездить на курсы переподготовки в Исламабад или другие центры. AKF предложил подготовить команды «тренеров», которые объезжали одна за другой все школы региона, давали образцовые уроки, проводили семинары, готовили учителей к сдаче экзаменов для получения более высокой квалификации (а следовательно, и перехода в более высокооплачиваемую категорию, что опять-таки соответствовало стратегии опосредованного повышения уровня жизни).

Не случайно наибольшее количество примеров деятельности структур развития, входящих в AKDN, обычно имеют пакистанскую прописку. В Пакистане проживает самая многочисленная исмаилитская община, здесь находятся наиболее известные объекты развития AKDN, и в наибольшей степени заметна ее роль.

Особенно полное представление о том, как работает AKDN сегодня, можно получить в северных округах страны, прилегающих к Афганистану, находящихся в непосредственной близости от Горно-Бадахшанской автономной области.

Сорок лет назад, когда свежеиспеченный гарвардский бакалавр карабкался по горным кручам и пробирался в затерянные в поднебесье кишлаки по хлипким оврингам, жизнь обитателей Каракорума была почти первобытной. Ни дорог, ни электричества, ни связи, ни современной медицины. Отапливали жилища и готовили пищу исключительно на дровах, лечились у знахарей, о новостях из внешнего мира узнавали месяцы спустя. Первое, что стали делать после визита имама – всем миром строить скромные школы, сажать деревья на лавиноопасных склонах, проводить арыки по кручам и устраивать террасные поля. Финансировались эти проекты теми структурами, которые были созданы на пожертвования исмаилитов всего мира, собранные по случаю юбилеев Ага-Хана III. Но уже десятилетие спустя большую часть помощи стали получать не от коммерческой деятельности этих структур, а из привлеченных ими средств многочисленных благотворительных организаций, существующих в развитых странах. AKDN приобрела настолько солидную репутацию, что его авторство проектов развития стало гарантией разумного использования пожертвований.

На сегодняшний день в одном только Гилгитском округе, куда входит и территория бывшего княжества Хунза, действуют с десяток подразделений AKDN, занимающихся социальной сферой, культурой и бизнесом. Последнее из направлений носит специфический характер – его цель не столько зарабатывать деньги, сколько обеспечить благоприятные условия для развития малого предпринимательства.

Наиболее впечатляющие результаты за сорок лет достигнуты в области образования и медицинского обслуживания. Изначально уровень образования в Пакистане в целом был чрезвычайно низок, что объяснялось и скудным финансированием, и слабостью методик, и невысоким качеством подготовки преподавателей. Такое положение сохраняется и по сей день. На этом фоне особенно очевиден прогресс системы образования в исмаилитской общине. При этом с самого начала ставка делалась на качество во всем – от строительства до организации переподготовки педагогических кадров. Например, в школе селения Сингал, построенной вскоре после первого визита имама, 40 лет не было ремонта, но она производит впечатление хорошо содержащегося и регулярно обновляемого здания. На строительстве новой школы в другом селении – Гакуч, я обратил внимание, что строительство ведется из бетонных блоков, и их окраска не предусмотрена. За счет очень качественной фор-

мовки бетона стены кажутся отполированными. Только в некоторых лабораториях, где требуется особая освещенность, покрывают белилами потолки.

Фирменный стиль сооружений AKDN узнаешь издалека – сочетание серого бетона и светло-коричневых наличников дверей и окон производит впечатление солидности, мягко вписывается в горный ландшафт. Столь же узнаваемы и геометрические орнаменты, украшающие эти здания.

В Гилгите встречаемся с Салманом Бегом, главой местного отделения пакистанской Службы Культуры, созданной Трестом культуры Ага-Хана для осуществления программы архитектурных объектов прошлого. Отставной полковник рассказал об основных проектах, реализованных в последние годы. Особую известность приобрели реставрация древнейшей мечети Балтистана – Амбурик, и семисотлетнего форта Балтит в Каримабаде, некогда служившего резиденцией миров Хунзы, исмаилитских правителей небольшого суверенного государства в теснинах Гиндукуша.

Нам была предоставлена возможность посетить отреставрированный форт и ознакомиться с богатой и многосторонней программой, которая подготовлена для привлечения туристов в уникальный регион Балтистана, сочетающий в себе как природную уникальность, так и культурное своеобразие. AKDN подходит к реализации программ развития комплексно. Например, в Балтистане осуществляется коммерческий проект по удовлетворению спроса на изделия народных промыслов. Попутно решается задача повышения доходов для женщин, работающих на дому. Вышивка, изготовление сувениров, вязание и т.п. ремесла получили в результате значительное развитие – сегодня они дают заработок почти 3000 человек.

Гилгит и окружающие районы (Гезер, Хунза) уже много лет являются точками приложения значительных усилий AKDN по формированию современного общества в Северном Пакистане, еще недавно считавшегося одним из самых глухих уголков планеты. И результаты очевидны. Сегодня регион производит, пожалуй, более выгодное впечатление, чем бывший Советский Бадахшан, лежащий на сотню верст севернее. Главное отличие – органичность изменений, кои совершаются не через вытеснение прошлого, не через отрицание традиционного уклада жизни, а напротив – путем включения его в фундамент строящегося нового мира.

Впечатляет будничность перемен – создаются производства, проводятся масштабные ирригационные работы, возводятся школы, больницы, внедряются системы очистки воды и новые технологии сельского строительства, но это не сопровождается пропагандистским трезвоном, какой всегда имел место в Советском Союзе. Изменения за последние четверть века коснулись всех сторон жизни, но произошли на удивление бесконфликтно. Имам заявил как-то, что он не спешит с осуществлением своих планов: «Если мне придется ждать 12, 15, 20 лет для того, чтобы достичь целей, которые мне кажутся важными, я буду ждать 12, 15 или 20 лет»[70]. Здесь в Северном Пакистане, результаты кропотливого, несуетного труда день за днем осязаемы лучше, чем где-либо еще.

С Башаром Асадом, президентом Сирии

Программа поддержки сельского населения (AKRSP), позволила только за 5 лет (с 1992 по 1997 гг.) увеличить душевой доход с 2500 рупий до 5000). Это результат введения в оборот 115 тысяч гектаров земли и улучшения орошения еще 130 тысяч гектаров. Той же цели служит и Проект Сухофрукты (руководитель Шер Гази),

[70] Forbes. – 1999. – May 31. – P.62.

ставящий целью научить сельских жителей новым методам сушки фруктов, что сделает их продукцию конкурентоспособной и даст ей выход на мировой рынок.

Служба Планировния и Строительства Ага-Хана, работающая на неприбыльной основе, за последние 18 лет построила около 1 млн кв. футов жилья, школьных зданий с более 800 учебными классами. На специальных курсах, организованных этой структурой AKDN, более 3 тысяч селян обучено современным методам строительства, использованию современных материалов и строительного оборудования. Обучение бесплатно, к тому же за 50% стоимости предоставляются инструменты.

Координатором образовательных программ в северном регионе является Служба Образования Ага-Хана, Пакистан (AKES,P). Здесь сегодня в ее системе действует 177 школ с 65 тысячами учащихся. Преподавание ведется по тем же программам, что и во всех государственных школах страны. Однако заметный акцент делается на преподавании английского языка, математики и естественных наук. Более высокий уровень образования в школах Ага-Хана достигается не только хорошим финансированием, но и благодаря регулярной переподготовке учителей. В регионе 20 лет осуществляется программа, благодаря которой прошли курсы тысячи учителей как из системы AKES,P, так и из государственных школ.

Больше половины учащихся – девочки. Это характерная особенность школ Ага-Хана, отражающая стремление общин дать реальное равноправие обоим полам. Той же цели служит развитие домашних ремесел, позволяющее женщинам зарабатывать самостоятельно.

Хотя в основе философии AKDN лежат конкретные дела, имеющие определенные временные рамки, со временем произошло переплетение различных программ, их влияние на жизни общин приобрело многоуровневый характер. На сегодняшний день, говоря о развитии северного региона, уже нельзя просто перечислять проекты, осуществляемые AKDN. Все они уже не могут быть рассматриваемы вне комплексного контекста. Таков результат постепенного расширения деятельности структур имамата, начавших с внедрения и улучшения самого необходимого и ставших, в конце концов, жизнеобразующим фактором. Ведь образование, медицина, развитие сельского хозяйства и переработки его продукции, экологические программы, туристическая индустрия, реставрация памятников старины, возрождение ремесел, сохранение фолькло-

ра дали занятие и смысл существования десяткам тысяч людей, изменили их представления о жизни и сформировали поколение, разительно отличающееся от тех, что населяли эти горы сотни лет. При этом, не утеряв самобытности и культурного наследия.

С сыном (принцем Хусейном) и дочерью (принцессой Зарой) в Агре (Индия, 2004 г.)

На юге Пакистана ситуация иная. Сегодня паства имама здесь состоит, по большей части, из переселенцев времен разделения Индии и их потомков. В отличие от земледельцев Севера, исмаилиты Юга – прежде всего торговцы и коммерсанты. Старинные города Гвадар, Мультан, Лахор и Карачи еще в незапамятные времена имели значительные общины последователей Ага-Хана. Не случайно именно в Карачи находится вилла, где родился Ага-Хан III. И первые объекты развития – школы, больницы, финансовые учреждения – возникли в этом регионе еще в конце XIX – начале XX веков. Нынешняя сеть образовательных и медицинских учреждений росла постепенно в течение целого столетия. На примере школы Харадхар в старом районе Карачи и основанного в 1983 году университета Ага-Хана можно видеть, какой путь прошла община в своем развитии.

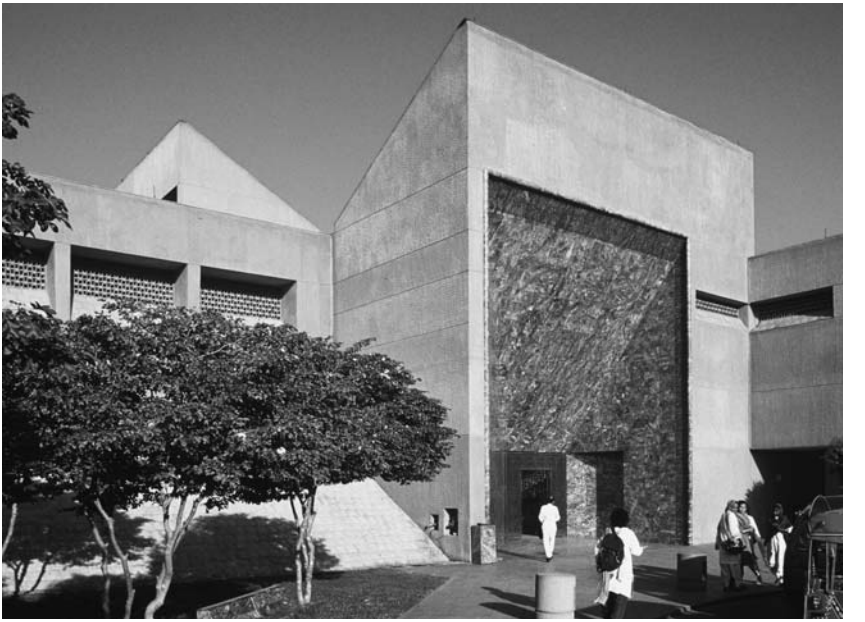
Школа, открытая 48-м имамом в начале1930-х годов, содержится в идеальном порядке, но и ее планировка, и устройство классов отражают представления давно ушедшей эпохи. Вокруг шумят многолюдные торговые улицы, беспрестанно гудят машины в плотном потоке, густой бензиновый смрад накрывает тесный школьный дворик. Университет Ага-Хана смело можно назвать островком современной космополитической цивилизации в стране, где господствует традиционный восточный уклад жизни. Построенный из розового кирпича кампус на окраине Карачи производит впечатление совсем нового, что называется, с иголочки, хотя ему уже пошел третий десяток лет.

Это учебное заведение стало воплощением мечты Ага-Хана III о мусульманском Оксфорде. Алигархский университет остался на территории Индии, а новый университет Ага-Хана IV – своего рода эталон для исламского Пакистана, по которому сверяют свой уровень подобные вузы. Установка Ага-Хана на высокое качество ощутима во всем. Уровень проектирования и строительно-отделочных работ таковы, что все вокруг кажется очень свежим. Хотя через аудитории и университетский госпиталь за десятилетия прошли многие тысячи людей. Недаром имам инвестировал в строительство и оборудование университета 300 миллионов долларов.

Университет невелик. Образование соответствует мировым стандартам. Но беда, что 80 процентов выпускников уезжают в развитые страны, в основном на Запад. Из медицинского колледжа – около 50 процентов. Выходит, в условиях дешевой страны готовят качественные кадры для Запада. Это парадокс бедных регионов планеты. И поднимать уровень образования необходимо, и удержать квалифицированные кадры сложно. Впрочем, это задача не AKDN, а властей каждой отдельно взятой страны.

Негативным следствием процесса глобализации в Третьем мире является постепенный переход образования на английский язык. А национальные языки, некогда бывшие носителями культурного кода народов, постепенно вытесняются на обочину современности, становясь достоянием низших слоев, не приобщившихся к цивилизационному уровню мирового сообщества. Для Пакистана эта тенденция явственно обозначилась в последние два десятилетия. Язык урду, родной для сотни миллионов людей как здесь, так и в Индии, еще недавно был языком великих поэтов и мыслителей, на нем формулировались политические идеи. Сегодня все очевидней отрыв интеллигенции Пакистана от отечественных корней, ибо уже

после начальной школы во всех «продвинутых» учебных заведениях преподавание ведется на английском.



Университет Ага-Хана в Карачи (Пакистан)

Возможно, опасения противников глобализации преувеличены, и противостояние англоязычной космополитической культуры и не обернется всемирной вспышкой фундаментализма. Ведь не раз уже совершалась широкая экспансия того или иного lingua franca – греческого, латыни, арабского, испанского, французского. Но национальные языки выживали после крушения очередной империи. Распадется, надеются многие, и англо-саксонская империя, а с ней и английский язык станет тем же, чем стал сегодня французский, еще сто лет царивший во всей Европе и в большой части остального мира.

Для исмаилитской общины, в наибольшей степени воспринявшей черты глобальной цивилизации, споры о всемирной унификации не есть академические рассуждения. Особенно в Пакистане, где проживает около 4 миллионов последователей Ага-Хана. Северо-Западные районы и Север граничат с Афганистаном, главным очагом фундаменталистских настроений, получивших мощную под-

питку с началом инициированного ЦРУ «джихада» против левого правительства в Кабуле и поддерживавших его советских войск. Миллионы беженцев, хлынувших в начале 1980-х годов в приграничные провинции Пакистана, оказались горючим материалом исламской революции. В округе Читрал обитатели лагерей беженцев оказались отзывчивой аудиторией проповедников религиозной нетерпимости. Объектом их нападок стали исмаилиты, наиболее «продвинутая» часть населения дистрикта[71]. Появлялись листовки, в которых деятельность Фонда Ага-Хана объявлялась про-русской, противной духу Корана. Истинных мусульман (то есть суннитов) подстрекали жечь дома исмаилитов и даже убивать их. В августе 1982 года из громкоговорителей, установленных на минарете главной мечети Читрала, уже публично раздались призывы, прежде содержавшиеся в анонимных листках. Суннитский авторитет Маулави Убайдулла, выступивший с проповедью, при выходе из мечети был окружен возмущенными женщинами-исмаилитками, и только под защитой полиции смог сесть в свой автомобиль. В ответ многотысячная толпа «правоверных» напала на общежитие исмаилитского колледжа, а затем стала громить и поджигать дома исмаилитов, убивать видных представителей общины.

Впрочем, подобные эксцессы являются исключением. И не только исмаилиты становились жертвами атак фундаменталистов. Члены секты ахмадийя, пакистанские христиане, шииты вообще нередко ощущают дыхание религиозной нетерпимости. Установка Ага-Хана на невмешательство в дела соседних общин и непременную лояльность правительству создает миролюбивый климат вокруг исмаилитов и позволяет им осуществлять программы развития без особых помех. Их главными целями остаются получение хорошего образования и овладение избранной профессией на таком уровне, чтобы это вызывало общественное признание. При этом важно отметить, что, несмотря на культивировавшийся веками кастовый образ жизни, нельзя сегодня назвать типично исмаилитских или по преимуществу исмаилитских ремесел. В этом смысле их разительное отличие от обычных на Востоке сообществ, организованных по принципу замкнутой секты. Например, сабейцы – последователи древнейшей религии, когда-то конкурировавшей с христианством и исламом, – потомственные ювелиры. Другие меньшинства также держатся определенного круга занятий. Исмаилитов в этом смысле можно в каждой отдельной стране уподобить малой нации, ибо

[71] Среди населения Северного Пакистана исмаилиты составляют около 30 процентов.

они разделены на множество страт – от крестьян до бизнесменов и творческой интеллигенции. Но только уподобить, ибо всемирная община включает людей разных рас и культур, говорящих на разных языках и имеющих огромные различия в менталитете. Главное что объединяет их сегодня – личность имама.

Стоит еще раз подчеркнуть огромную значимость ежедневной совместной работы для поддержания живого неформализованного общения в рамках общины. Ведь только небольшая часть людей, занятых в программах AKDN, являются штатными работниками разных подразделений Сети. Волонтеры, на которых держится вся деятельность AKDN, с огромным энтузиазмом исполняют всевозможные обязанности.

Работа в Третьем мире имеет много особенностей. В бедных обществах часто не применимы классические модели, апробированные в развитых странах. Поэтому структуры экономического блока AKDN разрабатывают своего рода ноу хау. В сфере кредитования это так называемое микрофинансирование, способствующее развитию мелкого предпринимательства. В Пакистане банковские организации, работающие в рамках программ Фонда Ага-Хана, уже двадцать лет практикуют выделение кредитов в несколько сот долларов для земледельцев и торговцев. В последнее время их деятельность перенесена в Афганистан, рассматриваются возможности такого кредитования и в Таджикистане. Видимо, в силу малых издержек во всех сферах экономики, в том числе и в банковском секторе, такого рода операции могут быть прибыльны. Особенно, если они приобретут массовый характер. В пресс-релизе штаб-квартиры Ага-Хана, выпущенном в сентябре 2003 по случаю учреждению Первого микрокредитного банка (FMFB), говорится: «Финансовое учреждение полного обслуживания FMFB будет выдавать кредиты и сбережения, а также заниматься внутренними и международными платежами. Оно будет ориентировано на микро-предпринимательство и малый бизнес и на создание продуктивных источников дохода и занятости, доступных изолированным сельским поселениям в горных районах, в частности, тем, бичом которых является торговля наркотиками. Начиная с Кабула и городских центров на северо-востоке страны, где AKFED уже запустил важные программы микро-кредитования в поддержку вернувшихся в страну афганцев и развития микро-предприятий в городах и сельских районах, в течение нескольких лет банк планирует охватить всю страну».

Кроме программ прикладного характера в деятельности AKDN важное место занимают вопросы сохранения и развития духовного наследия исмаилитской общины и – шире – исламской цивилизации в целом. Особую известность в этом контексте приобрела архитектурная премия Ага-Хана, вручаемая раз в три года (с 1977 г.) за выдающиеся достижения в развитии мусульманской архитектуры.

Впрочем, с определениями надо быть осмотрительнее. Фаррох Деррахшани, руководитель церемониала награждения премией, говорит о ложности понятия исламской архитектуры. В его офисе, расположенном там же, где штаб квартира Фонда Ага-Хана, поначалу такое заявление кажется странным. Ибо фотографии на стенах, на обложках многочисленных книг и журналов свидетельствуют об очевидном своеобразии тех произведений, что отмечены премией. Лишь понимание зодчества как набора технических и градостроительных приемов позволяет усомниться в правомочности употребления идеологических критериев. Как в случае «христианской математики» или «буддийской физики». И все же архитектура это не только ремесло, но и искусство.

Можно оспорить понятие мусульманской архитектуры по тем соображениям, что все стили и строительные приемы вырастали один из другого, и в памятниках одной цивилизации можно разглядеть черты предшествующей. Когда Фатимиды основали Каир, их дворцы и мечети создавались из мрамора, снятого с бессмертных пирамид. Только на вершине пирамиды Хеопса остался небольшой фрагмент облицовки, по которому очень трудно представить, каковы были постройки фараонов во всем своем великолепии. Но быть может, в преломленном виде исчезнувшая эстетика нашла выражение в огромных мраморных плоскостях мусульманской архитектуры? И тогда она должна быть отнесена скорее к египетской традиции? А купол и минарет – наследие Византии, Ирана и Индии?.. И все же, как ни сильны взаимовлияния, несомненно и существование узнаваемых черт больших культур. Неповторим облик Саны, Бухары или Неджефа. Но никто не усомнится в их принадлежности к одному типу цивилизации.

Сегодня эта старая самобытная культура подвергается безжалостному натиску космополитического универсализма. Кто видел Анкару, Дамаск, Тегеран, Карачи могут засвидетельствовать разрушение градостроительной эстетики, свойственной утонченному средневековью. Даже Мекка не избежала этой участи. В этих обстоятельствах премия Ага-Хана становится мобилизующим фактором,

позволяющим остановить процесс культурной деградации. Имам учредил премию «с целью улучшения понимания и оценки исламской культуры, выраженной с помощью архитектуры… Учреждение Премии Ага-Хана в области Архитектуры направлено на выявление и поощрение строительных концепций, успешно отвечающих нуждам и стремлениям обществ, в которых мусульмане занимают значительное место»[72].

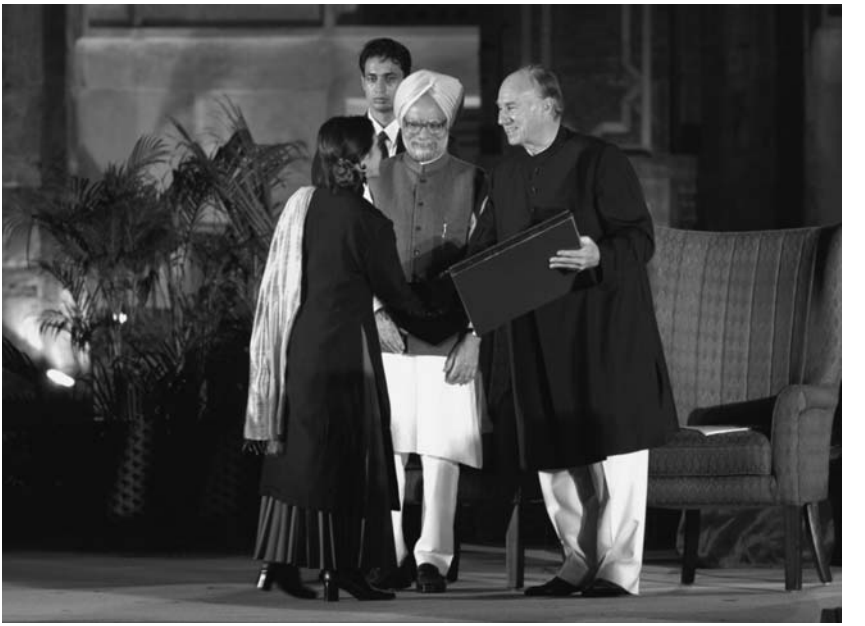
Философия премии определяет несколько приоритетов. Основной: защита исторического наследия, поскольку в большинстве мусульманских стран существует риск окончательной его утраты. Второй – защита интересов малоимущих, поскольку исламские страны по большей части очень бедны. Третий – создание нового архитектурного языка, который мог бы защитить исламское общество от духовной экспансии быстро меняющегося мира, с которым оно сосуществует. Во время вручения премий в 1989 году имам заявил: «Когда мы задумываемся о некоторых уроках премии за последние двенадцать лет, мы видим, что выявились три основных предмета нашего интереса: первый – защита, реставрация и умелое повторное использование исторического наследия, поскольку в наши времена, это наследие, путеводная звезда нашей самобытности и источник нашего вдохновения, находится под угрозой разрушения из-за войн и деградации окружающей среды или под неумолимым давлением демографических и экономических факторов, порожденных ростом городов. Второй – ответить на потребности социального развития и роста общинного строительства в мусульманском мире, погруженном в массовую нищету. Третий – выявить в современных архитектурных формах выражение духа современности и наше представление о будущем»[73].

Каждое присуждение премий (они даются не архитектору, а конкретному произведению архитектуры) становится событием, привлекающим внимание не только к свершениям зодчих, но часто открывающим для всего мира забытую красоту выдающихся памятников прошлого. Более 6 тысяч проектов было рассмотрено жюри за годы существования премии. Такие масштабные реставрационные работы, какие были проведены в Каменном городе Занзибара, в Бухаре, в старой Сане, в Исфахане, становятся вехами реинкарнации культурного наследия, полузабытого миром. А такие памятники, как форт Балтит в Северном Пакистане, словно всплывают из небытия

[72] The Aga Khan Award for Architecture. – Geneva, 2001. – P. 43.

[73] Building for tomorrow. – L., Academy editions, 1964. – P.13.

на поверхность стремительно меняющейся современности, заставляют задуматься: а не просмотрели ли мы что-то ценное из наследия прошлого вокруг себя.



Вручение Архитектурной премии Ага-Хана

В то же время, премия имеет целью не только обозначить высшие достижения в архитектуре, но и стимулировать духовное возрождение первичных форм жизни, задавленных урбанистической цивилизацией. В августе 2001 года имам дал большое интервью журналу «Architectural record», в котором отметил:

«Появление ‘‘властителей дум’’ очень, очень важно. Оно указывает деревенским организациям, изолированным народностям определенные направления, которым они могут следовать с тем, чтобы развивать свою местную культуру, задавая основные стандарты качества, необходимые для проекта, касается ли это детского центра, школы или медицинского пункта. Так что мы не обращаемся к высоко профессиональной архитектуре, мы обращаемся к большинству населения исламского мира. Это наша цель. Но, пожалуйста, вернитесь обратно к понятиям гражданского общества. В

конце концов, Премия должна охватить как можно больше аспектов общественной жизни. Одно из понятий, которое должно остаться за пределами Премии, это представление о том, что архитекторы являются единственной величиной, определяющей перемены».

Выбор мест вручения премий служит главной цели привлечь внимание мира к наследию исламской цивилизации: сады Шалимара в Лахоре (Пакистан, 1980), дворец Топкапи в Константинополе (Турция, 1983), дворец Бади в Марракеше (Марокко, 1986), цитадель Саладина в Каире (Египет, 1989), площадь Регистан в Самарканде (Узбекистан, 1992), султанский дворец в Соло (Индонезия, 1995), дворец Альгамбра (Испания, 1998), в цитадели Алеппо (Сирия, 2001).

Удивительно, что ни одно из разбогатевших на нефти мусульманских государств не учредило подобной премии, но живущий на далеком Западе Ага-Хан по-настоящему осознал важность сохранения каменной летописи и возрождения архитектурных традиций. Самая большая из архитектурных премий в современном мире (500 тысяч долларов) – существенный вклад в сохранение исламской самобытности. Она работает и на престиж современного ислама, особенно на фоне таких чудовищных деяний фундаменталистов, как уничтожение бамианского Будды[74].

Культура – ключевое понятие в системе тех ценностей, которые определяют деятельность AKDN. Такие ее звенья как Трест культуры (архитектурная премия является его частью) и Институт исмаилитских исследований изначально виделись как затратные учреждения, существующие за счет прибылей подразделений социального и экономического блоков Сети развития…

На небольшой площади Гровенор Гарденс в центре Лондона всегда многолюдно. Расположенный рядом вокзал Виктория поминутно выбрасывает на улицы столицы тысячи людей, прибывающих из пригородов. Добрую половину из них составляют африканцы и азиаты, многие в национальных костюмах. Женщины, одетые согласно исламским установлениям, гораздо чаще встречаются здесь, чем в Москве. Поэтому расположенный на Гровенор Гарденс Институт исмаилитских исследований (IIS) не кажется экзотическим островком в центре западной цивилизации. Лондон давно утратил

[74] В марте 2001 года по приказу руководства талибов, правивших тогда в Афганистане, в провинции Бамиан были взорваны две гигантские статуи Будды, созданные почти две тысячи лет назад.

свой монокультурный характер и превратился в подлинный Вавилон, где встречаются все языки и духовные традиции.

И сам институт, как бы служа продолжением мультикультурного социума, являет пеструю интернациональную команду, связанную общим интересом к судьбе современной исламской цивилизации. Индийцы, пакистанцы, англичане, памирские таджики, русские, немцы, приезжие из разных африканских стран работают здесь над осуществлением обширных исследовательских программ, служащих не только делу самопознания исмаилитов, но и взаимопониманию народов и религий.

В официальном документ IIS читаем: «Программы Института поощряют перспективные исследования, которые не ограничиваются изучением теологического и религиозного наследия Ислама, но и стремятся использовать отношения религиозных идей к обществу и культуре в более широком аспекте. Таким образом, они стимулируют междисциплинарный подход к документам исламской истории и мысли. Особое внимание уделяется изучению проблем современности, возникающих по мере того, как мусульмане стремятся соотнести свое наследие с сегодняшними условиями».

И далее, раскрывая смысл конкретных программ IIS, говорится: «Предпосылка состоит в том, что «Ислам» более плодотворно можно рассматривать как цивилизацию, а не только как религию… Это означает, прежде всего, что религиозное развитие будет восприниматься как часть развития мысли и культуры в мусульманском обществе».

За 25 лет своего существования Институт позволил поставить изучение исмаилизма как исторического и культурного феномена на подлинно научный уровень. Если полвека назад труды В.Иванова и нескольких других ученых были первыми разрозненными попытками преодоления вековых предубеждений, то сегодня можно говорить о настоящем прорыве, приблизившем общество к пониманию исторической истины, ценности духовных исканий в далеком прошлом.

Институтом выпущены десятки монографий и сборников статей, опубликованы памятники древней письменности и их переводы. Усилиями видных современных ученых Вилфреда Маделунга, Фархада Дафтари, Норманна Калдера, Азима Нанджи, К. Эдмунда Босворта, Чарльза Мельвиля, Деллы Кортезе, Азиза Эсмаила и многих других воссоздана достоверная картина развития исмаилитского движения и его идейная история. Сегодня любой непредвзятый че-

ловек может получить подлинно научное представление о прошлом и настоящем религиозного направления, олицетворяемого Ага-Ханом.

Институт занимается не только изучением прошлого. Его разработки помогают при планировании развития различных регионов и разработке конкретных проектов. Так, особое значение в последние годы приобрело центральноазиатское направление. Координатором исследований современного состояния региона стал доктор Сарфароз Ниёзов, блестяще защитивший в университете Торонто диссертацию о системе образования в пост-советском горном Таджикистане. Именно на основе таких исследований вырабатывается стратегия действий AKDN.

Выступая с речью по случаю 25-летия института, имам не случайно отметил: «Средства массовой информации и лидеры общественного мнения стараются если не навязывать активным образом старые клише и стереотипы, то, во всяком случае, проявляют отсутствие малейшего знания или уважения традиций мусульманского мира. Школьные программы по гуманитарным наукам часто построены так, как если бы ислама вообще не было или как будто он не является религией и культурой существенной части человечества. В результате в Западном обществе чуть ли не полностью отсутствует даже далекое представление об исламском мире. Университетские курсы, при описании и оценке основных достижений в области искусств, науки, философии, религии и этики, почти что исключительно ссылаются на деятелей европейской или американской истории. Действительно, исследования ислама были по большей части уделом незначительного и часто неизвестного меньшинства академических специалистов в западных университетах». Труды ученых института, можно сказать, находятся на острие идейных баталий современности, ибо диалог и взаимопонимание культур становятся единственной альтернативой пресловутого «столкновения цивилизаций».

РУБЕЖ

Сколько последователей Ага-Хана насчитывается по всему миру? Точного ответа на этот вопрос не знает, наверное, никто. В прессе называют то 15, то 20, то 25 миллионов человек. Авторы, критически настроенные к имаму и его пастве (такие, как Михир Бос), указывают совсем иную цифру – менее 1,5 миллиона. При подвижности сегодняшней общины, при отсутствии строгих критериев принадлежности к ней, точная статистика вряд ли возможна. Кто в полной мере может в наши дни считаться исмаилитом? Тот, кто платит закят? Или тот, кто, хотя и не выполняет религиозных обязанностей, признает авторитет имама? Или те, кто в религиозном отношении индифферентен, но принадлежит к исмаилитам по рождению и продолжает быть носителем культурного кода своих предков? Ныне, на рубеже тысячелетий, эти вопросы приобретают принципиальное значение. Ибо рубеж этот имеет не только символический смысл. Он совпал с новым поворотом в истории человечества, когда решается: быть или не быть национальным государствам, народам и языкам, быть или не быть свободной человеческой индивидуальности. Невиданные никогда прежде средства контроля над сознанием, манипуляции массами, небывалая концентрация власти в руках транснациональных корпораций делают вполне реальным превращение человечества в однородную массу.

Исмаилиты, разбросанные по разным континентам, принадлежащие к разным расам, говорящие на многих языках, всегда могли служить примером мультикультурного сообщества, сохраняющего свое многообразие, многоукладность, несмотря на многовековое воздействие такого мощного уравнивающего фактора, как общая религия. Но сегодня расстояния и различия в типах окружающей среды теряют былую власть над человеком…

Конец июля в Найроби, самый разгар зимы – температура днем выше 21 градуса не поднимается. Как ни странно, на экваторе тоже бывает зима, называемая здесь холодным сухим сезоном. Лучшее время для поездок по Восточной Африке. Именно поэтому сопровождавший меня в поездке Амин Ахамед, сотрудник секретариата Его Высочества Ага-Хана, выбрал июль для посещения трех стран, некогда составлявших единую британскую колонию Уганда, Кения

и Танганьика. Будучи уроженцем Найроби, Амин прекрасно знает здешние обычаи, владеет суахили – языком, образовавшимся в течение веков на базе арабского с примесью местных африканских диалектов.

Ага-Хан IV в Каире, основанном исмаилитскими имамами-халифами

После Индии Восточная Африка была второй по ценности жемчужиной британской короны. Не случайно именно сюда направился основной поток предприимчивых людей из Индии, прежде всего торговцев. Среди них большой процент составляли ходжа. Так в крупных городах этого обширного региона появились исмаилитские общины, ставшие влиятельной силой в экономической сфере. Во времена империи границ не существовало, движение капиталов и людей не знало препон. Исмаилиты, бывшие в основном подданными английской королевы, ощущали себя единой общиной, хотя и распыленной по двум континентам.

В те времена по примеру того, что происходило в индийских общинах ходжа, и здешние органы самоуправления исмаилитского

сообщества стали перестраивать свою деятельность в соответствии с изменившимися условиями жизни. Джаматхана, служившие прежде в основном молитвенными домами, превратились при Ага-Хане III в средоточие всех дел общины, став и центрами досуга, и образовательными учреждениями, и клубами, даже обзавелись спортивными сооружениями и оборудованием. Сегодня размах коммерческой и благотворительной деятельности исмаилитов приобрел внушительные масштабы – в некоторых странах Восточной Африки также действуют подразделения AKDN. Наряду с финансовыми и промышленными структурами в нее входят учреждения культуры, образования и здравоохранения. Тем не менее, джаматхана продолжают играть роль духовных центров каждой отдельной общины.

Мы посетили джаматхана в Кампале, столице Уганды. Здание своеобразной архитектуры, не похожее ни на один из храмов, высящихся над городом, возвращено исмаилитам недавно, после долгих лет запустения. И сама община только еще возрождается после двадцатилетнего изгнания. Правивший здесь диктатор Иди Амин, бывший лейтенант английской колониальной армии, широко прославился многими авантюрами и сумасбродными проектами, в том числе предложением установить памятник Гитлеру как первому борцу с расизмом (в 70-х годах Генеральная Ассамблея ООН признала сионизм одной из форм расизма). Одним из «начинаний» Амина было решение изгнать всех людей азиатского происхождения, а их собственность национализировать. В результате очередного смелого шага экс-лейтенанта (он, естественно, увенчал себя к тому времени фельдмаршальскими эполетами) – нападения на Танзанию – режиму черного расизма пришел конец. Войска соседней страны легко овладели Кампалой, фельдмаршал бежал в Ливию, а потом перебрался в Саудовскую Аравию, где недавно и отошел в мир иной.

Все эти события остро переживались изгнанниками в тех краях, куда занесла их эмигрантская судьба. И когда пришедший на смену диктатуре и долгому периоду смуты режим гражданского правления принялся за возрождение страны, стало ясно, что не обойтись без тех, кто десятилетиями создавал финансовую и промышленную инфрастуктуру Уганды. Президент Мусевени издал указ о возвращении собственности тем, кто потерял ее в 1972 году. В это понятие входили не только общественные и частные строения, но и финансовые, страховые компании, промышленные заведения.

Одно из таких предприятий – фабрику по изготовлению рыболовных сетей – также вернули прежним хозяевам-исмаилитам. Сегодня ее можно назвать процветающим делом. Но какой жалкий вид она являла пару лет назад под так называемым государственным управлением! Об этом можно судить по фотоальбому, который мы листаем с Амином в кабинете управляющего. Теперь и внешний вид предприятия (свежевыкрашенные стены, клумбы, полный порядок на территории), и внутренний (недавно закупленные японские станки) свидетельствуют об успехах. Уганда, лежащая на берегах озера Виктория, крупнейшего в Африке – ведущий производитель рыбной продукции как для внутреннего рынка (20 миллионов жителей), так и для экспорта. Фабрика, обслуживающая важную отрасль народного хозяйства страны, является монополистом, и перспективы бизнеса можно назвать блестящими.

Осмотр Каменного Города Занзибара

Столь же контрастную картину являет школа, возрожденная попечением Фонда Ага-Хана. Фотоснимки позволяют представить себе, какое запустение царило в ее стенах совсем недавно. Да и не только они – образы беды соседствуют с приведенными в порядок зданиями по всей столице. Рядом с сияющими белизной высятся

черные в мутных потеках стены. Видимо, сильные тропические ливни быстро разделываются с краской, и если дом регулярно не ремонтируется, он приобретает кошмарный вид. Двадцатилетняя междоусобица привела в такое состояние всю страну. Красиво расположенная на зеленых холмах Кампала, славившаяся ухоженностью в колониальные времена, наверное, не скоро вернет былую элегантность.

Я разглядываю центр столицы, стоя у окна Угандийского Банка Алмазного Треста. Он тоже недавно возобновил свою деятельность в стране, и благодаря старым связям быстро наращивает объемы операций. Исмаилиты, руководящие этим финансовым учреждением, рассказывают о той роли, которую сыграл Ага-Хан в возрождении экономической активности в Уганде. Их слова косвенно подтверждает то, что вестибюль лучшего отеля страны Grand Imperial украшают портреты имама и президента Мусевени.

Среди возрожденных предприятий, принадлежащих исмаилитам, стоит упомянуть кожевенную фабрику в Джиндже, фармацевтическую кампанию в Кампале, страховое общество. Финансируются объекты здравоохранения и инфраструктура образования разных уровней – от детских садов до учительских курсов. Широкий и разносторонний подход к проблемам развития говорит, что AKDN стремится к долговременному сотрудничеству с Угандой.

В Кении, где такое сотрудничество никогда не прерывалось, сегодня можно говорить о всеобъемлющем характере участия организаций Ага-Хана в экономической жизни, в социальной сфере. Трудно, наверное, выразить степень их влиятельности в абсолютных цифрах, но можно смело говорить о том, что связанные с AKDN структуры – заметный элемент экономического ландшафта страны.

Мы начали свое знакомство с Найроби с лицея (Aga Khan Academy) и госпиталя. Эти объекты традиционно являются приоритетными. Но если в иных государствах многое в этой сфере делается не началах благотворительности, то в Кении, одной из наиболее развитых стран континента, уже можно говорить о прибыльном бизнесе. И школа, и больница платные – их уровень на порядок выше, чем у обычных государственных заведений такого рода. Доходы, полученные здесь, могут направляться на реализацию проектов, рассчитанных на бедных, на разработку программ, учебных пособий и подготовку учителей для государственной системы образования. Впрочем, для школ и детских садов AKDN характерно наличие

платы – даже в самых примитивных заведениях. Философия системы такова – если человек внесет хоть какую-то плату, даже символическую, он будет больше ценить получаемое социальное благо. К тому же, у AKDN, в отличие от государственных школ и больниц, нет такого источника финансирования, как налоги.

Прагматический подход отличает все программы развития, в которых участвует AKDN, ибо она не может себе позволить транжирить деньги, как это иногда делают госструктуры и ООН, ибо бюджет ее складывается как у любого капиталистического предприятия. Соответственно и оценка результатов деятельности основывается на иных критериях. Когда я начал расспрашивать Карима Достмохаммеда, менеджера компании Frigoken Ltd, занимающейся выращиванием французских бобов, о средних заработках рабочих, он воззрился на меня с полным непониманием. «Какое мне дело до их заработков? Я плачу за каждый килограмм сданной продукции и меня интересует только ее качество и количество. А дело каждого, сколько он получит денег».

Подоплека недопонимания проста. В советские времена мы привыкли оценивать результативность всякого рода программ по социальным результатам, ибо в этом видели их главную цель. Люди, работающие у Ага-Хана, совершенно не знакомы с такой системой оценок. Они понимают только конкретный результат, даже можно сказать, дробят его на этапы исполнения и оценивают их каждый в отдельности, так что нет «мертвой зоны» в оценке качества труда. Так заведено на фермах – мне демонстрировали гроссбух, где отражены все качественные параметры бобов на их пути от поля до ящика, в котором они отправятся на фабрику. Так обстоит дело и на предприятии Premier Foods, где зеленые стручки превращаются в консервы, готовые к употреблению. Благодаря этому кенийская продукция прекрасно продается в Западной Европе, прочно завоевала солидный сегмент рынка.

Сказанное выше вовсе не означает, что в деятельности AKDN отсутствует альтруистический подход. Например, в местности Квале под Момбасой, куда мы приехали на церемонию подписания договора между сельской общиной Бондже и агахановской программой поддержки села (KRSP), предусмотрено строительство водопровода. Выгодно оно только селянам, поскольку суть соглашения выглядят примерно так: «KRSP обязуется построить водопровод, а деревня Бондже обязуется пить из него воду». Можно было бы сказать, что здесь культуртрегерская миссия AKDN проявляется в чис-

том виде. Хотя первоначальный импульс этих нововведений был вызван невозможностью организовать здесь самоокупающуюся систему здравоохранения – слишком малоимущим были эти крестьяне. Специалисты, осуществляющие программу, сделали вывод: необходимо поднять в 2 раза уровень доходов беднейшего населения (около 35 тысяч человек), чтобы стало возможным внедрение программ улучшения здравоохранения.

Средоточием всех видов деятельности AKDN в Африке является Найроби. Центр города, плотно застроенный высотными прямоугольниками, может служить витриной африканского капитализма. Столица Кении никогда не переживала путчей и смут, стабильно развиваясь вместе со страной в последние полвека. Все это время росла и экономическая мощь структур, позднее объединившихся в рамках Сети Организаций Ага-Хана по Развитию. Начало было положено 3 августа 1937 года, когда была создана Юбилейная страховая компания с капиталом 500 тысяч кенийских шиллингов, собранных исмаилитами по случаю Золотого Юбилея Ага-Хана III (50-летия его имамата). Еще более мощную подпитку исмаилитские финансовые институты получили в 1946 году, когда отмечался так называемый Алмазный юбилей (60-летие имамата) Ага-Хана III. Тогда весь мир облетели фотоснимки, сделанные на стадионе, заполненном исмаилитами: в центре стоят весы со шкалой в виде циферблата, на одной из платформ сидит имам, на вторую ставят коробки с бриллиантами. Это так называемое ритуальное взвешивание потребовало 243 фунта (95 килограммов) драгоценных камней стоимостью 684000 фунтов стерлингов, собранных исмаилитами разных стран. Из них 300000 ф.ст. Ага-Хан внес в акционерный капитал Инвестиционного Треста Алмазного Юбилея, созданного для улучшения условий жизни исмаилитских общин региона. С течением времени на его основе возникли банки и страховые компании, осуществляющие широкомасштабные операции в различных отраслях кенийской экономики. Было начато издание нескольких крупных газет, занимающих сегодня солидное место на рынке масс-медиа.

Ага-Хан IV, сменивший своего деда в 1957 году, продолжая его линию, способствовал развитию современных форм бизнеса. Так в 1963 году в Кении появилась **Служба содействия промышленному развитию** (IPS), занимающаяся непосредственными инвестициями в производственную сферу – сельское хозяйство, пищевую, кожевенную промышленность, изготовление тары и упаковки – путем участия в акционерном капитале соответствующих компаний.

Философия деятельности IPS формулируется в нескольких пунктах:

- использование местных ресурсов,
- ответственность за окружающую среду,
- высокие технологии, приспособленные к местным потребностям,
- акцент на экспортоориентированную промышленность,
- региональные и международные связи,
- подготовка квалифицированной рабочей силы.

Понятно, что это прицел на долговременное и прочное присутствие в регионе. Эту стабильную позицию символизируют и мощные билдинги AKDN, возносящиеся над центром Найроби. В одном из них состоялась моя встреча с руководством Алмазного Треста. Круглый зал со сферическим потолком. Посредине за круглым столом из кенийского гранита восседают руководители компании, входящей в число 8500 крупнейших в мире. Содержание беседы с профессионалами большого бизнеса наверняка заинтересовало бы российских бизнесменов, работающих в условиях рождающегося рынка, тем более что затрагивавшиеся вопросы касались организации и деятельности в финансовой сфере, инвестиционной политики, менеджмента. Для людей, плохо знакомых с экономическим положением Восточной Африки, цифры мало что скажут, поэтому здесь не место приводить статистические выкладки. Самое ценное, что вынесено мной из беседы: делами экономических структур Сети развития Ага-Хана занимаются исключительно компетентные люди, видящие пути включения африканских рынков в контекст мировых связей, понимающие, как заставить работать инвестиции с максимальной отдачей. Их не пугают трудности работы на развивающихся рынках, они идут в Уганду и Танзанию, участвуют в приватизации в этих странах, истрепанных местным социализмом. Да и в Кении немало трудностей. Наша беседа на верхнем этаже высотки проходила под истошные вопли толпы на улице – это учителя протестовали против низких заработков.

На один день мы прилетели на Занзибар, лежащий на 4 градусе южнее экватора. Здесь исмаилитская община имеет давнюю историю и крепкие традиции взаимопомощи. AKDN, действуя в русле этих традиций, помогает развивать начальное и среднее образование на острове, входящем в состав Танзании. В рамках школьного обучения осуществляется программа «Ребенок ребенку», цель которой – ознакомление с санитарно-гигиеническими нормами. В условиях повышенной опасности дизентерии, малярии и других

распространенных здесь болезней тропического пояса это не менее важно, чем врачебная помощь.

На Занзибаре можно увидеть и другие приметы активности AKDN. Прежде всего, это реставрационные работы в Старом Каменном городе. Занзибар представляет собой одну из жемчужин средневековой мусульманской архитектуры. До 1964 года он управлялся султанами оманской династии Аль Бу Саид, более 90 процентов его населения исповедует ислам. В конце прошлого века англичане захватили богатейший остров пряностей и установили свое колониальное господство, сделав султанов ширмой для своей власти. Одним из поводов для бомбардировки столицы и вторжения английских войск была борьба с работорговлей, центром которой в течение многих веков был Занзибар. Сохранились помещения невольничьего рынка, где содержали рабов, а на площади, где происходили торги, теперь высится англиканский собор, чуждый окружающей архитектурной среде.

К счастью, церковное строительство не приняло большого размаха, да и гражданское зодчество европейских поселенцев не нанесло существенного ущерба древнему ядру города. Чего не скажешь о новых его частях. Особенной дикостью дыхнуло на нас, когда мы подъехали к выстроенному лет 20 назад друзьями из ГДР десятиподъездному дому в 12 этажей. Самые страшные дома Кампалы поблекли рядом с этим когда-то белым чудищем, прошедшим солидный период обработки тропическими ливнями. В те годы, когда преподносился этот дар, Танзания считалась страной социалистической ориентации, вот и удружили...

Идем по Каменному городу. Узкие извилистые улицы, типичные для всякого древнего поселения. Но нет ощущения глухого замкнутого существования. Всякий дом обращен к улице самыми праздничными деталями своего убранства – массивными резными дверями из ценных пород дерева, красивыми балконами и окнами в затейливых деревянных забралах. Множество зданий еще недавно являли собой жалкое зрелище – об этом можно судить по фотографиям. Теперь массивная помощь ЮНЕСКО и других международных организаций, в том числе Треста культуры Ага-Хана позволили придать Занзибару праздничный вид. Архитекторы, руководившие комплексом работ по возрождению Каменного города, были удостоены Премии Ага-Хана.

Во многом благодаря возрождению древней красоты арабских мастеров остров стал местом паломничества туристов со всего

мира. Вечером на океанской набережной шпалерами стоят торговцы всякой туземной всячиной. Тут же многочисленные жаровни с пекущимися на них осьминогами, кебабами на палочках, лепешками. Многоязычная толпа заполняет все видимое пространство – тусуются юаровцы, итальянцы, американцы, немцы и англичане. По майкам можно определить, что это представители большого племени искателей пряной экзотики – кто был в Непале, кто в Перу, кто в Бирме, кто в Йемене. Занзибар и впрямь эксклюзивное место для такой публики, это не те, кто взыскует пятизвездочного шика и модных бутиков.

Впрочем, здесь есть и пятизвездочное. И оно опять-таки связано с предпринимательской деятельностью AKDN. «Занзибар Серена» – один из отелей гостиничной сети, ориентированной на богатых туристов. Я останавливался помимо занзибарской еще и в найробийской и момбасской «Серена». Действительно первоклассные места отдыха. А есть еще их собратья в кенийских и танзанийских заповедниках.

У Африки большой туристический потенциал. Если до 60-х годов она привлекала в основном богачей, то теперь это место паломничества среднего класса. Обладая хорошим знанием мирового рынка туристических услуг, понимая тенденции его развития, AKDN стала лидером на восточноафриканском сегменте этого рынка. Это еще один хороший образец работы на перспективу, которая вызывает как доверие правительств, так и уважение народов. И возвращение AKDN в Уганду после четвертьвекового перерыва – лучшее тому свидетельство...

Несколько месяцев спустя я оказался в той точке Земли, где впервые увидел исмаилитов и услышал смутные мифы об Ага-Хане. Прошло чуть больше десяти лет с той поры, но как многое изменилось! На рубеже второго и третьего тысячелетий, когда весь остальной мир, казалось бы, вошел в пору относительной стабильности и процветания, здесь вновь решается извечный вопрос: быть или не быть. Только залечили раны гражданской войны в Таджикистане, как возникла нестабильность в соседней Киргизии из-за интервенции вооруженных исламистов. Затем последовало вторжение американских войск в Афганистан и размещение военных баз США в бывших советских республиках Средней Азии. Последствия всего этого пока вряд ли предсказуемы[75]. То ли здесь воца-

[75] Вот сообщение с ленты информагентства, говорящее о многовариантности развития: «25.10.2003, Нью-Йорк. Боевики движения «Талибан», отстраненные от власти в Афганис-

рится стабильность, то ли произойдут драматические изменения, сопровождающиеся изменением географической карты региона и перемещением масс людей.

Ага-Хан IV зачитывает послание исмаилитам Рушана (Горно-Бадахшанская АО Таджикистана)

Дорога, по которой я впервые проехал осенью 1987 года, бурой стежкой вьется рядом с голубой лентой Пянджа. Вертолет Bell с пакистанским экипажем несется в ущелье, одна сторона которого принадлежит Таджикистану, другая – Афганистану. Даже с высоты видны различия – за бывшим советским рубежом ни дорог, ни шиферных, а тем паче оцинкованных крыш, ни тракторов. Зато у афганцев приметно аккуратнее крохотные поля, обведенные валами камней, поднимающиеся узкими террасами по склонам, зато там гуще полосы зелени вдоль арыков, тянущих откуда-то из поднебесья воду к кишлакам, рассыпавшимся сред громадных камней, когда-то сорвавшихся с нависших табачно-красных гор. На нашей стороне кишлаки давно привыкли качать воду электрическими насосами, поэтому русла старых арыков давно забились. Полсотни

тане два года назад, вновь взяли под контроль ряд регионов страны. Об этом говорится в докладе, подготовленном заместителем генерального секретаря ООН, ответственным за миротворческие операции, Жаном-Мари Геенно. Происходящее в Афганистане он охарактеризовал как «тревожный знак» ослабления центральной власти в стране».

лет колхозной жизни сказались и на пейзаже – кто же стал бы карабкаться по узким террасам, с каждой из которых наберешь с полмешка зерна. Сегодня, правда, приходится вспоминать отцовские, а то и дедовские приемы земледелия, забывать навыки разборки карбюратора и привыкать покрикивать на лошадь, тянущую соху...

Кипит пенными круговоротами Пяндж, когда-то соединявший в одно целое горную страну Бадахшан, но уже более ста лет служащая разделительным рубежом. До сих пор кишлаки по обеим сторонам реки носят одинаковые названия, одни и те же фамилии у населяющих их ишкашимцев, ваханцев, шугнанцев. Но исторические судьбы разных частей когда-то единых родов оказались различны.

К моменту присоединения к России население Памира было на грани депопуляции. Общая численность памирских народов едва превышала десять тысяч душ. Сегодня на таджикской стороне за Пянджем – двести тысяч жителей. К тому же, это одно из самых образованных сообществ в мире. В советские времена для малых народов существовали повышенные квоты в высших учебных заведениях, и памирцы охотно использовали возможность учиться во всех концах Союза, в результате чего процент имеющих высшее образование здесь один из самых высоких на территории теперешнего СНГ.

В афганском Бадахшане по сей день отсутствует электричество, дорогу и автомобиль заменяют горная тропа и вьючный ишак. Жизнь здесь – повседневная борьба за существование. А если учесть, что на большей территории страны почти четверть века не прекращается жестокая гражданская война, то и о перспективах вхождения в сообщество современных наций пока говорить не приходится.

Но сегодня между двумя частями Бадахшана вновь есть то общее, что позволяет, несмотря на вековое раздельное существование, говорить об общей исторической судьбе не только в отношении прошлого, но и в отношении будущего. Это единая вера, сфокусированная на образе человека, чьи портреты висят в каждом доме по обе стороны Пянджа, в честь которого скалолазы выложили из камней на склонах гор по обеим сторонам долины «Welcome Hazar Imam». Здесь, в этом затерянном мире, остро ощущаешь, что власть имама над миллионами подданных во всем мире имеет совсем иную природу, чем власть правительств.

Это второй визит имама в Бадахшан – конец сентября 1998 года. Вертолеты из Пакистана, перелетевшие в Таджикистан через узкую полосу афганской земли – так называемый Ваханский коридор –

вместе с русскими МИ-8 работают на многочисленное воинство менеджеров и журналистов, сопровождающих Его Высочество. Имам прибыл в Душанбе на личном самолете из Франции, где находится его резиденция. А здесь вместе со всеми пробирается по ущельям то на красном МИ, до печенок достающем вибрацией, то на потрепанных «Волгах», то на джипах, переваливающихся по ухабистым дорогам. Духовному лидеру за 60, но энергия и работоспособность его сделали бы честь куда более молодому человеку.

Закладка Горного университета в Хороге

Вторая поездка Ага-Хана на Памир через три года после первой может считаться в известном смысле инспекционной. Имам хочет увидеть, что сделано за это время активистами его организации, которая начала свою деятельность здесь в критические для региона месяцы 1993 года. Тогда речь шла о спасении населения Горного Бадахшана от голода, ибо область оказалась в блокаде из-за начавшейся гражданской войны в Таджикистане. Со стороны Душанбе единственная автомобильная трасса была перекрыта вооруженными отрядами, проводившими настоящую охоту на памирцев, а со

стороны Киргизии она была закрыта по решению правительства, опасавшегося проникновения оружия и наркотиков из охваченной хаосом республики.

В советское время основной поток продовольствия, различных видов топлива и промышленных товаров, предназначенных для Памира, аккумулировался в киргизском Оше, конечной станции железной дороги. Отсюда со специализированных баз осуществлялось снабжение районов, расположенных вдоль высокогорной трассы. Ага-Хан обратился к правительству Киргизии с просьбой снять ограничения на движение транспорта по дороге Ош – Хорог. Было подписано соглашение об аренде баз Фондом Ага-Хана, и закупленные им товары первой необходимости стали поступать в Ош, а затем доставляться в Горный Бадахшан. Мука, масло, сахар, крупы, горючее, строительные материалы на сумму около 10 миллионов долларов ежегодно позволили Памиру пережить самые трудные годы (1993-1997). Но такая помощь не может продолжаться вечно, а ограниченные ресурсы ослабленного смутой Таджикистана не позволяют надеяться на скорое разрешение проблем высокогорного региона.

В те годы, когда ГБАО была одним из стратегических форпостов Советского Союза, снабжение региона производилось централизованно, дотационный порядок формирования его бюджета как бы само собой разумелся. Но ни один источник гуманитарной помощи не может заменить громадную империю, обладавшую мощным экономическим потенциалом. Поэтому AKDN, координатор международных программ помощи населению «крыши мира», поставила задачу стратегического порядка – добиться перехода к такой экономической модели, которая обеспечила бы автономное развитие края без привлечения иностранной помощи. Финансовые затраты, произведенные за последние годы, только отчасти носили чрезвычайный характер. Хотя львиная доля средств пошла на спасение людей от гуманитарной катастрофы, были произведены также и вложения в инфраструктуру Горного Бадахшана, позволяющие рассчитывать на отдачу в будущем.

Основными направлениями работы стали помощь в развитии фермерства и внедрение рыночных методов хозяйствования, финансирование малой гидроэнергетики и мелиоративных работ. Ставилась задача сократить зависимость Памира от завоза продовольствия и топлива. Если в пору существования Советского Союза каждое селение и каждое средней руки предприятие обзаводилось

своей энергетической установкой на солярке, то теперь это стало непозволительной роскошью. В 1990 году на Памир завозилось 13 тысяч тонн дизельного топлива – неудивительно, что уже тогда ощущалась необходимость в местных источниках энергии. К моменту развала страны была почти построена ГЭС «Памир-1», в значительной степени позволяющая ликвидировать дефицит электроэнергии в ГБАО. Около 50 миллионов долларов было затрачено на это строительство в 1987-1991 годах. Но почти в гидроэнергетике означает совсем не то, что в любой другой области хозяйствования – брошенная плотина быстро погибнет. Фонд Ага-Хана пришел на помощь: было оплачено уже изготовленное на предприятиях России и Украины оборудование, произведена его доставка к месту строительства, завезены недостающие строительные материалы (цемент, арматура и т.п.). И в конце 1996 года станция дала ток. Много месяцев сидевшие без света жители Хорога и большинства кишлаков поверили, что нормальная жизнь возвращается. Правда, отопление до сих пор не работает, чугунные радиаторы в домах превратились в декоративные излишества, но настроения безысходности нет. Люди перебираются на холодное время к родне, живущей в частных домах, где сохранились старинные очаги. Учебные заведения перешли на многомесячные зимние каникулы, зато проводят занятия все лето.

Другой образчик благотворительности, сочетающейся с коммерческим подходом – больница и фармацевтический центр в Рошкале. AKDN предоставила первоначальный капитал, на который были закуплены лекарства. Комиссия общины контролировала их распределение. Если лекарства первой необходимости распространялись бесплатно, то все остальные в основном продавались – и тут применялся индивидуальный подход, ведь народ в кишлаке хорошо знает имущественное положение каждой семьи. Вырученные средства направлялись на содержание больницы и на пополнение фонда лекарств. На этом примере видно, что AKDN стремится избежать превращения в дойную корову, оказанная ею разовая целевая помощь должна способствовать развитию предприимчивости.

Что касается продовольствия, то масштабы его завоза сокращаются, ибо начали приносить плоды усилия по налаживанию фермерских хозяйств и внедрению более продуктивных сортов полевых и огородных культур. Хотя добиться самообеспечения Памиру вряд ли удастся в обозримом будущем. В этом отношении особые надежды возлагаются на процесс стабилизации в Таджикистане и воз-

рождение внутриреспубликанских связей. Выступая на церемонии открытия лицея Ага-Хана в Хороге президент Эмомали Рахмонов заявил, что руководство Таджикистана выступает за равномерное развитие всех регионов. А значит, помощь одному лишь Памиру не встретит понимания в республике. Так что структуры AKDN неизбежно будут развивать сотрудничество с Душанбе и привлекать инвестиции не только в экономику ГБАО. Это, естественно, не простая задача. Если на Памире авторитет Ага-Хана и его организаций непререкаем, то в остальном Таджикистане, поделенном покамест между различными кланами, инвестирование средств в конкретные проекты может столкнуться с немалыми трудностями. Взять, к примеру, хлопок. Сегодня крестьяне отказываются сажать его, предпочитая овощи или зерновые культуры, хотя прибыльность хлопка на порядок выше. Дело в том, что «белое золото» могут отнять хозяйничающие в районах криминальные группировки, а до картошки или изюма им дела нет. Правительство и столицу-то контролирует не в полной мере, тем более не видно пока перспектив овладения ситуацией в республиканском масштабе. Как тут рассуждать о привлечении средств инвесторов в хлопковый бизнес, хотя по всем выкладкам он сулит быструю и солидную прибыль.

Характерные приметы действительности, весьма наглядно продемонстрировали многочисленным гостям, прибывшим в Душанбе в дни визита имама осенью 1998 года, что происходит вокруг. По утру в нескольких шагах от собственного дома убит один из лидеров оппозиции Отахон Латифи, занимавший видный пост в комиссии по национальному примирению. Еще один случай, непосредственно касающийся AKDN: однажды вечером захватили водителя с машиной, работающего на Фонд Ага-Хана, и отогнали на территорию бывшего детского сада, где обосновалась «воинская часть» какого-то местного «батьки». С автомобиля сняли все ценное, а водителя избили до потери сознания.

В тот период самозванцы, поделившие город на сферы влияния, предпочитали в качестве логовищ детские сады (может быть, из-за удобства контроля подходов к особнякам) – что может быть символичнее. Хотя по улицам были развешаны транспаранты с приветствиями в честь Ага-Хана, это не разрежало тревожную атмосферу. С наступлением темноты улицы вымирали, только машины патрулей да лимузины некоронованных королей резали фарами азиатскую ночь…

Открытие моста через пограничную реку Пяндж

Тот пакистанский вертолет, на котором я лечу по узкому просвету в горных хребтах, называемому Рушанскими воротами, несет в своем чреве нескольких журналистов. Цель нашего сорокаминутного перелета из Хорога – Язгулемское ущелье, находящееся под контролем полевого командира Зайнутдина Ризвонова. Туда же, в кишлак Андарбак, лежащий на высоте 2000 метров, должен прилететь и Ага-Хан на своем красном МИ.

Сегодня здесь идет мирная жизнь. Но еще год-два назад правительственные войска предприняли несколько попыток выбить отсюда отряды оппозиции и установить свой контроль над кишлаками, разбросанными по ущелью. О сражениях, кипевших на отвесных склонах гор, повествует сам Зайнутдин. Это крепкий детина в камуфляже иностранного производства, с густейшей темно-рыжей бородой до пояса, в черном берете с саудовской бляхой, на которой отштамповано творение арабского каллиграфа «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного». По словам его, в этой долине живет около 5 тысяч человек – большинство сунниты, исмаилитов немного. Население 8 язгулемских кишлаков подчиняется 13 командирам

вооруженных отрядов, над которыми главный – Ризвонов. В контролируемой ими зоне запрещены алкоголь, табак и наркотики.

Зайнутдин вместе с чиновниками из Хорога, служащими AKDN и аксакалами поджидает прибытия имама. Около свежепостроенного пустого здания, где будет помещаться энергетическая установка малой мощности (300 квт), настелены ковры, стоит стол с лепешками и изюмом, которыми будут приветствовать высокого гостя. По склону, нависшему над нами, откуда-то с высоты проведен арык, по которому вода будет подаваться на рабочее колесо турбины. Все эти работы выполнялись хашаром, то есть общинной самодеятельностью. AKDN профинансировала приобретение силового агрегата стоимостью 87 тысяч долларов. Скоро в ущелье, уже семь лет живущем без электричества после отключения от Нурекской ГЭС, вновь появится свет, заработают насосы, подающие воду в кишлаки.

Подняв облако пыли, сел вертолет имама. По ухабистой дороге катит кортеж разномастных автомобилей. Бегут обочь и дети, и взрослые. На площадке перед электростанцией столпилось, наверное, все здешнее население. Имам идет по узкому людскому коридору, улыбаясь и легкими поклонами головы приветствуя собравшихся. Он в обычном европейском костюме и сорочке с галстуком. Совсем не похож на Али Бабу, который рисуется воображению по прочтении некоторых писаний о жизни сверхбогача.

Церемония осмотра объекта и встречи с народом коротка. Впереди у Ага-Хана еще несколько таких мероприятий – больницы, школы, объекты сельской инфраструктуры. К тому же каждый день его пребывания здесь начинается с *дидора*.

Собственно говоря, для подавляющего большинства людей населяющих эти края встреча (именно этим словом переводится персидско-таджикское «дидор») с имамом и является главным событием его визита. С вечера к назначенному месту собираются со всей округи жители кишлаков. Нескончаемым потоком идут грузовики, набитые народом, оттуда несутся звуки бубнов, песни, радостные возгласы. Вдоль улиц выставлены горшки с домашними цветами – так бесхитростно приветствуют имама.

Те, кто съехался на дидор, – а это тысячи людей – всю долгую холодную ночь жгут костры, поют и пляшут. А наутро усаживаются плотно друг к другу лицом к воздвигнутому специально для дидора помоста, на котором возвышается кресло (возможно, уместнее сказать «трон») для Ага-Хана.

Исмаилиты верят, что передача духовной власти в роду Али, некогда прошедшего посвящение в урочище Гадир Хумм, делает его потомков носителями высшей мудрости. Благодаря тому, что имаму наследственно передается благодать (*насс*) от самого Пророка, он может давать наставления своей пастве, имеющие для нее силу духовного закона. Поэтому выступления имама на дидорах воспринимаются как морально-нравственные послания, обязательные к исполнению в повседневной жизни.

Я был на двух дидорах, что дало возможность воочию наблюдать результаты раздельного развития двух Бадахшанов. Первое явление имама народу состоялось возле кишлака Поршенев, что рядом с Хорогом, второе произошло на плоском голом острове, образованном двумя рукавами Пянджа возле Ишкашима. Встреча первая собрала народ из столицы ГБАО и окрестных селений, вторая проводилась за таджикским рубежом для исмаилитов Афганистана.

Десятки тысяч людей, сидевших на земле в ожидании Ага-Хана на бывшем советском берегу, смотрелись хотя и экзотично из-за праздничных национальных нарядов женщин, пестревших в толпе, но выглядели вполне по-свойски. За три четверти века советского режима на все лица без отличия пола, расы, религии легла одна печать, которую без труда узнают знакомые с homo soveticus (правда, этому определению часто придают негативный смысл, которого оно вряд ли заслуживает). Я бы определил эту печать как коллективистское выражение лица – привычка жить заботами коллектива, меньшая сравнительно с людьми зарубежья замкнутость на личных интересах проявляется как в формах общения, так и в манере держаться.

На афганской стороне сразу бросилось в глаза, что сидели женщины врозь от мужчин. Последние, все сплошь бородатые, одетые по большей части в домотканые кафтаны и халаты, в *тарбанах* (чалмах) или плоских афганских шапках (*паколь*), выглядели как посланцы иного века по сравнению с бритыми единоверцами в европейских костюмах, встречавшими имама на таджикском берегу. Одеты афганские дамы были броско – в ярких шалях и таких же, как у наших, пестрых вязаных *джурабах* (толстых носках). Но выражение сосредоточенности, собранности, может быть даже привычной тревоги в глазах заметно отличало исмаилиток афганского берега от их сестер по крови и религии с противоположной стороны Пянджа. Река, ширина которой местами составляет полсотни метров, разделила не только людей, но и само время.

Четверть часа чтец нараспев повторяет одну и ту же фразу «Аллохумма салли ало Мохаммадин ва оле Мухаммад!» («О, Аллах, благослови Мухаммеда и потомство его!»), приуготовляя собравшихся к появлению потомка Пророка. Наконец, из-за склона горы на дороге появляется длинный кортеж автомобилей. Несколько минут спустя Ага-Хан медленно идет в полной тишине по узкому проходу среди людей, вставших на колени. Имам в необычном одеянии. На белый костюм со стоячим воротником надет сиренево-фиолетовый кафтан, вытканный орнаментом. На голове каракулевая папаха пирожком. Дойдя до помоста, он поднимается на него и, сидя в кресле, слушает выступающих с короткими приветственными речами. Затем подходит к микрофону, зачитывает свое послание к пастве (*фарман*) по-английски, и его тут же переводят на язык, понятный собравшимся.

Содержание послания лишено мистических мотивов, это наставление, взывающее к здравому смыслу и практичному разуму исмаилитов. Слушая его, понимаешь, почему это религиозное направление зачастую именуют протестантами ислама. Призывая свою паству учиться, осваивать современные методы хозяйствования и сохранять окружающую среду, Ага-Хан упоминает исламские принципы справедливого общественного устройства, но главное, к чему он взывает – сознание конкретного человека, его личная польза. Одно из центральных мест в его посланиях занимает тема наркотиков. Отношение к ней он формулирует так: не производить, не потреблять, не продавать. Сегодня в этих местах это звучит исключительно актуально – именно через афгано-таджикскую границу идет основной поток дурмана в страны СНГ и дальше транзитом в Европу.

К тому же на Памире есть очень старая традиция потребления наркотиков. Еще в начале 1930-х годов здесь в открытую торговали опиумом, едва не в каждом кишлаке действовал притон, где собирались курильщики зелья. Наверное, это было последствием послереволюционной смуты, всегда несущей опустошение и падение нравов. В 1927 г. Борис Лапин зафиксировал факты, перекликающиеся с той действительностью, которая была характерна для Памира в годы гражданской войны 1990-х годов: «Курение опиума за последние годы получило среди горцев АГБО чудовищное распространение. Из ста памирских таджиков, не считая, конечно, детей, восемьдесят пять навеки привязаны к опийной трубке. Поэтому бороться с «афиюном» путем преследования курильщиков нельзя.

Действовать можно только двумя способами: во-первых, охраняя молодое поколение таджиков от пагубной страсти, во-вторых, пресекая сбыт и перевозку опиума»[76].

Советская власть справилась с массовой наркоманией. В большой степени успех обеспечил жесткий пограничный режим. Понятно, что с его ослаблением поток дурмана вновь хлынул из Афганистана. Только в 1993 г. в Таджикистане было изъято 5 тонн наркотиков, доставленных контрабандистами из-за Пянджа. С тех пор цифры многократно возросли. Таким образом, задача борьбы с наркобизнесом вновь стала актуальной. Но теперь опасность нависла не только над населением ГБАО. 700-километровая высокогорная трасса Хорог-Ош, построенная в 1932 г. и с тех пор именовавшаяся «дорогой жизни», все чаще фигурирует в писаниях журналистов как «дорога смерти», ибо именно по ней осуществляется основной объем транспортировки наркотиков.

Метастазы наркомании поразили весь обширный среднеазиатский регион, а также прилегающие к нему области России. А с возникновением на территории СНГ своего рода транспортных коридоров, соединивших территорию Афганистана с Западной Европой, угроза приобрела глобальный характер. Многие государства и международные организации стали вырабатывать систему мер противодействия наркоторговле и наркопотреблению. Ага-Хан неоднократно выражал готовность принять участие в любых многосторонних усилиях такого рода. В 1997 году AKDN подписала Соглашение по сотрудничеству со специализированной ооновской Программой контроля за наркотиками (UNDCP), делая особенный упор на проблему наркотиков в Юго-Западной и Центральной Азии, а также в Восточной Африке. Она также совместно с UNDCP была спонсором международной конференции по контролю незаконного оборота наркотиков в Российской Федерации и финансировала участие экспертов из всех центральноазиатских республик на алмаатинском совещании, о котором сообщила пресс-служба штабквартиры Его Высочества:

«**Алма-Ата, Казахстан, 16 января 1998**. Организация Ага-Хана по развитию (OAXP) сегодня стала первой международной неправительственной организацией, которая присоединилась к важному мероприятию, проводимому пятью Центральноазиатскими республиками, Российской Федерацией и Международной Программой Организации Объединенных Наций по наркотикам (ЮНДКП), чтобы

[76] *Борис Лапин.* Избранное. М., 1958. Стр. 67.

бороться с растущей региональной проблемой, связанной с наркотиками. Присоединившись к Меморандуму о взаимопонимании 1996 года между ЮНДКП и Правительствами Казахстана, Киргизской Республики, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, ОАХР согласилась сотрудничать с этими странами, чтобы решить общие проблемы, связанные с производством, торговлей и злоупотреблением наркотическими веществами».

Особенное влияние и значительный масштаб проектов AKDN в Индии и Пакистане, регионе, примыкающем к Центральной Азии, делает весьма желательным ее участие в программах борьбы с наркобизнесом. При этом, если государства-участники обладают возможностью применения силовых методов, то структуры Ага-Хана действуют исключительно через реализацию гуманитарных программ.

Наркобизнес эксплуатирует нищету и безысходность, воцарившуюся в кризисных регионах. Так называемый Золотой Треугольник на границе Бирмы и Таиланда и южноамериканские джунгли – это области, охваченные долголетним экономическим застоем. Население вынуждено выращивать наркосодержащие культуры, а слабость власти делает хозяевами таких мест представителей организованной преступности. Изменить экономическую ситуацию в этих регионах – значит лишить наркомафию ее материальной базы.

Первоосновой преуспевания наркодельцов среднеазиатского региона также являются экономические трудности и политическая нестабильность, переживаемые странами бывшего СССР и Афганистаном. А поскольку исмаилиты, подданные духовной империи Ага-Хана, составляют значительную часть здешнего населения (прежде всего в таджикском и афганском Бадахшане), их роль в противодействии наркобизнесу может быть очень значительной. Оказывая в течение ряда лет помощь Бадахшану, AKDN в большой мере позволила окрепнуть экономически самостоятельному населению. В этом основа стратегии Ага-Хана.

Принц Амин Ага-Хан, представитель Его Высочества Ага-Хана и AKDN, подписывая Протокол о присоединении к Меморандуму о взаимопонимании между центральноазиатскими государствами, Россией и ООН, объяснил, каким образом наркотики могут подорвать усилия по развитию региона, включая те, которые предпринимаются AKDN с 1993 года «по гуманитарной помощи и поддержке долгосрочного развития, которые сейчас охватывают Афганистан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан». «Нас заботят не столько

программы и их результаты», сказал принц Амин, «а качество и условия жизни». «Наркотики очень сильно снижают трудовые возможности человека... оказывают разрушительное влияние на... безопасность и социальное обеспечение людей и общин, а также на появление и распространение определенных болезней». Деятельность, связанная с наркотиками, заключил он, «тормозит развитие институтов гражданского общества и препятствует эффективному проведению национальной политики... ставит в опасность приток иностранных инвестиций в частный и государственный секторы». Принц Амин также сказал, что «целью Организации является решение долгосрочной задачи повышения и усовершенствования законных источников экономического благополучия».

В Центральной Азии AKDN успешно участвует в сельскохозяйственной реформе, решая вопросы по обеспечению продуктами питания, расширению предпринимательской деятельности, повышению доступа к сфере образования, удовлетворению растущих потребностей в области здравоохранения и возрождению культурного наследия. Памир может служить моделью, где отрабатываются методы воздействия AKDN на стагнирующую экономику: значительный прогресс был зарегистрирован в самостоятельном обеспечении продуктами питания в районах, где осуществляются программы Ага-Хана: уже в 1998 г. 37% прежде государственных сельхозугодий перешло под контроль фермеров, которые производили почти 40% зерна и 45% картофеля ГБАО. Опыт AKDN в программе развития сельской местности в такой же сложной по рельефу и климату местности Северного Пакистана также может служить примером. Там около 240 тысяч человек, населяющие около 2000 кишлаков, до недавнего времени имели доход на душу населения в половину меньше, чем в целом по стране. А сегодня в ходе развития сельскохозяйственного производства и реализации коммерческих проектов получили доход свыше 7,5 миллионов долларов США и открыли банк развития, что позволило создать в регионе зону, относительно свободную от наркотиков...

Одной из главных забот Ага-Хана и его организаций по развитию социальной инфраструктуры исмаилитских общин всегда было поддержание на высоком уровне образовательных учреждений всех степеней. То, что имам увидел на Памире, привело его в восхищение: советская система образования намного превосходит все, что имеется в этой области не только в Третьем мире, но и в большинстве развитых стран. Поэтому основной целью AKDN в

бывшем советском Бадахшане является сохранение того высокого потенциала, который был создан за несколько последних десятилетий. Создание первого в мире Горного университета – один из проектов, спонсируемых структурами Ага-Хана. Для его реализации на начальном этапе выделено 15 миллионов долларов в равных долях для хорогского центрального отделения и двух филиалов университета в Киргизии (Нарын) и в Казахстане (Текели). Всего планируется инвестировать по меньшей мере четверть миллиарда долларов. Новый вуз не только позволит дать работу преподавателям, но и привлечет на учебу в Хорог студентов из соседних стран, где требуются специалисты по развитию горных регионов. Возможно, это позволит университету со временем стать прибыльным предприятием.

Осенью 2003 года проект создания университета приобрел более зримые очертания. Осуществляется программа повышения квалификации учителей, сформирован пока небольшой штат преподавателей. На выделенной для кампуса территории в 40 гектаров начато строительство. Планируется открыть новые корпуса через пять лет.

Преподавание в университете будет вестись на английском языке, что, наверное, естественно для учебного заведения, претендующего на глобальный статус. Но в странах Средней Азии, где имеется иной lingua franca – русский – такая ориентация вызывает сомнения, озвученные в масс-медиа. Что может удержать в нищем регионе выпускника, получившего международно признанный диплом и могущего свободно объясняться на языке глобализирующегося мира? Если бы они обучались на русском или таджикском (как это происходит доныне в Хорогском госуниверситете), вероятность того, что они применят полученные знания дома, была бы намного выше. К тому же планируемый англоязычный университет порождает подозрения у среднеазиатских политиков: а не планирует ли имам питомник элиты для будущего государства, могущего объединить обе части Бадахшана и какую-то часть северного Пакистана? Местные масс-медиа уже не раз публиковали домыслы на сей счет. Так, в переданном «Немецкой волной» в мае 2003 года комментарии Юрия Земмеля говорилось: «За годы своего правления Ага-Хан IV провел значительное реформирование исмаилитского общества. Оно теперь жестко подчиняется «Основному закону исмаилитов-низаритов». А Национальные советы стран, где проживают исмаилиты, стали частью жесткой властной вертикали,

управляемой лично Ага-Ханом. И лидер «ангелоподобных» вовсе не делает большого секрета из того, что намерен основать первое в истории исмаилитское государство. При этом Горный Бадахшан может стать существенной его частью». Этот комментарий передавали в эфир среднеазиатские телевизионные каналы, помещали на своих Интернет-сайтах информационные службы региона.

Под несколько иным углом видит ситуацию историк из Душанбе (В.В.Дубовицкий, «Народное радио», 22 июля 2003 г.): «В настоящее время на деньги Ага-Хана в административном центре ГБАО г. Хороге начинается строительство Университета Горных Территорий, где намечено готовить управленческие кадры для всех местностей Азии, населенных исмаилитами. Обучение студентов будет вестись на английском языке, что заставляет вспомнить о традиционной ориентации Ага-Ханов на Англию еще с XVIII в. Тенденция эта, на мой взгляд, очень тревожная, если учитывать сохраняющиеся еще пророссийские настроения среди таджикского (да и хазарейского) исмаилитского населения Средней Азии и Афганистана».

Опасения, высказанные аналитиком, в общем-то, продиктованы не страхом перед гипотетическим появлением на карте новой политико-географической единицы, а желанием сохранить традиционную ориентацию Памира на Россию. Известно, что Ага-Хан III весьма желал быть признан совереном наподобие индийских раджей в рамках Британской Индии. Однако британцы уклонялись от этого, несмотря на декларируемое уважение к заслугам имама. То обстоятельство, что в послеаламутский период исмаилитская государственность была воссоздана не англосаксами, а Россией – хотя бы в виде квази-государства ГБАО – вряд ли может служить историческим аргументом для тех, кто связывает свои надежды на будущее с новой англосаксонской империей США. Но проявить предусмотрительность и не складывать все яйца в одну корзину стоит вопреки тем или иным личным симпатиям. Тем более, что с точки зрения вечности сам исмаилизм, возможно, займет на страницах истории не меньшее место, чем быстро преходящие метрополии…

К тому же стоит учитывать, что на Востоке среди традиционных клиентов англосаксов далеко не все в восторге от того, что исмаилиты за короткий исторический период возродились словно феникс из пепла. В израильском журнале «Гриф» еще в сентябре 1998 года появилась статья с весьма прозрачными намеками: «исламский террор немыслим без центральной фигуры. Это не социал-революционный (или социал-националистический) террор недавнего

прошлого, в нем не может быть нескольких независимых лидеров. Исламский террор может существовать лишь как строгая пирамида с одним-единственным лидером – по сути, абсолютным монархом – во главе. Аналогом Горного Старца. Кто он? На эту роль вряд ли годится саудовский миллиардер, мечущийся по всему миру. Или аятолла Хаменеи. И парализованный слепой шейх Ясин, духовный лидер ХАМАСа, тоже не похож на Горного Старца.

И если уж Запад решил начать настоящую войну против террора, так не стоит ли все-таки найти: кто же стоит во главе сей чудовищной пирамиды?» (Даниэль Клугер. «Древнее искусство террора»).

А несколько позже, в начале 2001 года подобные необоснованные спекуляции появляются на страницах российских изданий. А.Орлов, автор статьи «Третья мировая», утверждал: «Князь Садретдин Ага-Хан был ключевой фигурой в создании Всемирного Фонда Природы (ВФП) британского принца Филиппа – наиболее важного спецпроекта британского королевского дома. С этого момента он, как и его племянник, тогдашний глава секты, являлся одним из его основателей. Благодаря лондонскому Фонду Ага-Хана и женевскому Фонду Бельрив (Bellerive Foundation) Садретдин стал всемирно известным защитником окружающей среды.

В 1983 году ВФП убедил пакистанское правительство создать в северной части провинции Читрал – как раз на афганской границе – два национальных парка. Этот отдаленный район не отличался ни изобилием животного мира, ни наличием исчезающих видов, а поток эко-туристов иссяк в результате войны. Но зато Читрал был известен изобилием и качеством опиумного мака, который усердно выращивали моджахеды. И здесь же начинались маршруты контрабанды оружия в Афганистан.

После того, как ВФП создал национальные парки, Ага-Хан и его последователи начали финансовые вливания в Читрал и близлежащие районы Гилгит и Ханза (Gilgit and Hunza), граничащие с индийским Кашмиром. Установив тесные связи с сепаратистами из пробританского «Движения за независимость Кашмира», они начали деятельность по созданию независимого исмаилитского государства, отделенного от Пакистана и Индии».

Процитированное сочинение А.Орлова воспроизводилась неоднократно в газетах и журналах («Дуэль», «Евразийский вестник», на сайте информагентства «Славянский мир» и др.).

Еще более откровенный характер носит статья Натальи Шастик «Над Центральной Азией нависла угроза новой агрессии – исма-

илитской» («Евразия сегодня» 28 февраля 2002), перепечатанная рядом изданий. Автор утверждает: «До сих пор через Читрал, граничащий с афганским Бадахшаном, и далее через Горно-Бадахшанскую автономную область Таджикистана наркотики переправляются сначала в Киргизию, затем в другие страны СНГ и уже оттуда в Европу. Показательно, что Фонд Ага-Хана проявляет особый интерес к Ошской области, самому «нарконосному» региону Киргизии.

Однако не исключено, что активные попытки Ага-Хана закрепиться в Центральной Азии имеют под собой и иные основания. Возможно, что таким образом подготавливается необходимая база для создания в далеком будущем независимого исмаилитского государства. Конечно, сегодня это кажется более чем утопичным проектом. Но когда-то именно лидеры исмаилитов принимали самое активное участие в процессе создания государства Пакистан. Сегодня складывается особо благоприятная ситуация для изменения внешних границ как Афганистана, так и Пакистана, находящегося на грани нового революционного взрыва. Правда, Таджикистан в случае реализации этого сценария также вынужден будет отдать свою часть Горного Бадахшана. Но это территория давно является головной болью официального Душанбе. При этом Ага-Хан IV при желании смог бы заинтересовать руководство Таджикистана долгосрочными экономическими программами. Не исключено, что сегодняшние лидеры Центральной Азии могут повторить роковую ошибку обольстившихся даром деревянного коня. Ведь не спроста было сказано: «бойтесь данайцев, дары приносящих».

Если не принимать во внимание общую отличительную черту всех этих писаний – слабое знание авторами как истории исмаилизма, так и политических реалий региона – бросается в глаза их однонаправленность, словно происходят они из одного источника.

Даже приведенных фактов достаточно, чтобы понять: современные исмаилиты далеко не всегда пребывают в дружественном окружении. И даже гуманитарные проекты их могут вызвать настороженность.

Когда осенью 2002 года имам вновь прибыл на Памир, одной из целей его было торжественное открытие моста, впервые соединившего две части Бадахшана, таджикскую и афганскую. Тем самым открыта возможность организовать сообщение не только между соседними странами, но и организовать транспортный коридор до Пакистана, а, значит, предоставить для Памира доступ к дорожной сети, связывающей Гиндукуш с портами Индийским океана. Захва-

тывающая перспектива. Но и тут уже цитированный мной Юрий Земмель в другой своей корреспонденции («Немецкая волна», декабрь 2002) увидел основание для обеспокоенности: «Инженерные характеристики моста вовсе не поражают воображение: длина – 135 метров, ширина – 3,5 метра, грузоподъемность – 25 тонн. Общая стоимость проекта – 385 тысяч американских долларов – тоже далека от претензий на нечто необычное. А вот источник финансирования – исмаилитский Фонд Ага-хана – может свидетельствовать об очень многом. Тем более что из этого же фонда уже выделены средства на строительство еще четырех примерно таких же мостов над Пянджем…

Центральная Азия до сих пор находилась вне системы управления имамата – верховного органа исмаилитов. Теперь же перед Ага-ханом открываются реальные возможности восполнить этот пробел, и есть данные о планах Ага-хана создать на Памире исмаилитское государство.

О такой экспансии не могут не знать нынешние лидеры Таджикистана, Киргизии и Афганистана. Однако они охотно принимают деньги из Фонда Ага-хана и, встречаясь с лидером исмаилитов, с людьми из его близкого окружения, дают понять, что не откажутся и от более весомой помощи. О том, насколько дальновидна такая политика, можно будет судить уже в ближайшие годы».

Было бы неверно занять противоположную позицию и представлять все ныне происходящее на Памире в розовом свете. Всякий процесс преобразования социально-экономической структуры обнажает и негативные стороны развития. Философия AKDN сходна с философией других организаций, действующих в Третьем мире, таких как Всемирный банк. Быстрыми темпами идет дифференциация общества, что при скудости социального обеспечения может дать картину, типичную для соседних стран: бьющее в глаза богатство одних и нищета других, несовместимая с человеческим достоинством.

Скоро полвека нынешний имам руководит общиной, разбросанной по 25 странам мира. За это время в ее жизни уже случались бедствия, сравнимые с кризисной ситуацией на Памире. Всякий раз организации Ага-Хана помогали десяткам тысяч беженцев найти пристанище и работу в странах Запада. Благодаря тому, что община уже несколько десятилетий заботилась об образовании и профессиональной подготовке своих единоверцев, они сумели достаточно легко вписаться в развитое общество. Курс на модерни-

зацию, освоение благ современной цивилизации, взятый в начале века предшественником нынешнего духовного лидера, его дедом Ага-Ханом III, полностью оправдал себя.

Однако ситуация на Памире уникальна, здесь нет необходимости бороться с отсталостью в привычном смысле слова. Напротив, стоит задача сохранения достигнутого. Имам высоко оценивает наследие цивилизации, принесенной на Памир русскими, и призывает сохранить все ценное от ушедшего мира:

«Таджикистан оказался в центре одного из самых интересных сплетений настоящего времени. Здесь и в других центрально-азиатских республиках встречаются три великие культуры: бывший коммунистический мир, мусульманский мир и Запад. И здесь слияние этих трех культур могло бы стать успешным, в отличие от жестокого поражения, которое стало результатом такого слияния в Боснии. Результат слияния культур в Таджикистане мог бы весьма повлиять на то, как станут разворачиваться исторические события в ближайшие десятилетия. Так что стоит задуматься о том, какую роль могла бы сыграть каждая из этих культур в подготовке к этой встрече. Можно было бы спросить себя, что нужно, чтобы сделать подобную встречу или любую другую встречу конструктивной. Я считаю, что для успеха есть четыре предпосылки. Слияние культур должно во-первых, собрать силы каждой из культур в одно целое, во-вторых, слияние культур должно быть совместимо с задачами каждой из культур. В третьих, в результате слияния настоящая ситуация должна существенно улучшиться. И, в-четвертых, переход должен быть гуманным.

Каждая из этих трех культур должна внести что-либо в решение проблем Таджикистана. У Запада много сил, но самые выдающиеся из них – наука и демократия (с их общественными механизмами саморегулирования), а также частные институты, либеральная экономика и признание основных прав человека. Мусульманский мир имеет глубокие корни в системе ценностей, он может предложить подчеркнутую услужливость, благотворительность и чувство общей ответственности, в противовес кажущемуся противоречию между религиозной и мирской жизнью.

Коммунистический мир, хотя и потерпел крах экономически, сделал значительные успехи в общественной жизни, в особенности это касается роли женщины, и добился внушительной социальной сплоченности в Таджикистане. Вот мощное соединение сил и задач. Только не очень ясно, как можно соединить их, чтобы решить

проблемы Таджикистана» (Речь Ага-Хана в Массачусетском технологическом институте, 27 мая 1994).

Уникально и значение памирского региона для мировой исмаилитской общины: только здесь исмаилиты составляют большинство населения (60%). Приведенные соображения делают очевидным: необходимы совершенно новые подходы и средства на развитие в таких масштабах, в которые AKDN нигде еще не инвестировала. Альтернативой может быть только массовая миграция населения из ГБАО и изменение ее демографического состава. На Памире быстрота и решительность действий могут иметь принципиальное значение. Опыт преобразования общества в России должен быть принят во внимание: даже в стране с гигантскими ресурсами массовая бедность и всепроникающая коррупция стали тормозом на пути преобразований. Если не добиться впечатляющего демонстрационного эффекта уже на первом этапе реформ, можно вызвать цепную реакцию пессимизма и разочарования.

В то же время и для России, переживающей очередной мучительный период модернизации, нынешний опыт исмаилитской общины на Памире представляет особый интерес. Как никак, это осколок бывшего советского народа, причем в большей степени, чем где-либо в Средней Азии, приобщившегося к русской культуре и испытывающего тяготение к России. И направление реформ совпадает с тем, что принято у нас: развитие предприимчивости, умения предвидеть завтра, необходимое для малого бизнеса. Конечно, масштабы не сравнимы, есть и изначальная разница в том, что опорой социальных преобразований в горной стране является безусловный авторитет Ага-Хана, обеспечивающий согласие в обществе. Для России в условиях экономического шторма тоже необходима слаженная работа команды, работа, а не обсуждение всякого распоряжения, исходящего с капитанского мостика.

Будущее непредсказуемо. Свежий пример этого: события 11 сентября 2001 года, вызвавшие драматические перемены в глобальном масштабе. Ситуацию, существовавшую до них, можно сравнить с той, которая была характерна для цивилизованного мира в начале XX века. Тогда никто не мог ожидать крушения всех великих империй, олицетворявших исторический прогресс человечества, и банкротства гуманистических принципов XIX столетия. Сегодня мы снова становимся свидетелями авантюристических действий политиков, могущих вызвать цепные реакции войн и революций во всех регионах мира. На этом фоне всякая созидательная программа яв-

ляется альтернативой насилию и может послужить преградой для разрушительных тенденций...[77]

Память снова возвращает меня в ту осень 1998 года, когда мир еще не ведал о новых вызовах грядущего тысячелетия. Все те дни, что имам провел на Памире, вечерами на едва освещенных улицах Хорога шло нескончаемое веселье. Под редкими фонарями собирался народ с бубнами, плясали, пели песни. При этом водку не пили, а оставленные на ночь горшки с цветами по обочинам никто не трогал. Было трудно поверить, что в начиненной оружием стране, где только что закончилась гражданская война, можно так безопасно и чинно ликовать всю ночь напролет.

В те десятилетия, что Ага-Хан IV руководит исмаилитской общиной, мир жил под знаком сближения культур и ослабления идеологического противостояния. Только в последние годы наметился иной вектор развития – в направлении конфликта цивилизаций. В этом тревожном контексте мировым сообществом должны быть востребованы императивы терпимости, которые определили путь исмаилитов под руководством их духовного лидера. Не забывая о своих корнях и высшем назначении человека, они сумели преломить трудный исторический опыт выживания в созидательную деятельность по переустройству земного бытия.

---

[77] Оценка событий 11 сентября 2001 года и их последствий для мира дана имамом в речи 23 июня 2002 года на приеме в честь губернатора Техаса: «То, что события 11 сентября и все, что за ними стоит, противны самому духу ислама и верованиям и желаниям большинства мусульман, живущих в мире, вне сомнения. Коран говорит, что каждая жестокая смерть как бы переживается всем человечеством. Общий характер традиций Авраама, объединяющих христиан, иудеев и мусульман, определяется долгом любви и заботы по отношению к каждой жизни, которую надо беречь и лелеять в ней Богом данный потенциал.

Но разноголосица высказываний и в исламском мире и на Западе породила очень большое смятение в отношении в более широкому значению событий 11 сентября. Эта сумятица имеет потенциально опасные последствия и для отношений между странами, и для безопасности отдельных людей в их мирной каждодневной жизни.

Несколько лет назад профессор Самюэль Хантингтон предупредил о надвигающемся «столкновении цивилизаций» западного и исламского миров как о будущем великом конфликте, следующем за холодной войной.

Моя позиция несколько иная. Она основана на моих взглядах в качестве лидера одной мусульманской общины, которая сейчас живет и на Западе, и в исламском мире, и которое участвует в международном диалоге, развитии и обучении на стыке культур в течение 40 лет. Мы сейчас являемся свидетелями всплеска невежества, невежества взаимного, долговременного, в отношении которого были слепы и Запад, и исламский мир в течение многих десятилетий к их большому риску».

СОДЕРЖАНИЕ

ИМАМ 3
ПЕРЕСЕЧЕНИЯ 8
ДОМ ПРОРОКА 26
ПОТОМСТВО ИСМАИЛА 33
В ПОДПОЛЬЕ 37
ФАТИМИДЫ 48
ОРДЕН 62
ОРЛИНОЕ ГНЕЗДО 76
В РАССЕЯНИИ 84
ИЗ ТЕНИ В СВЕТ 90
ПОДНЕБЕСЬЕ 94
ВЫБОР БУДУЩЕГО 103
ЗАНАВЕС 108
ВОЗРОЖДЕНИЕ 113
HAZAR IMAM 128
СОЗИДАНИЕ БУДУЩЕГО 150
РУБЕЖ 174

Плеханов Сергей Николаевич

РАСКРЫТАЯ ЛАДОНЬ
Ага-Хан и его мюриды

Фотоиллюстрации к книге предоставлены
Секретариатом Его Высочества Ага-Хана.

Корректор:
Компьютерная верстка

Изд. лицензия

Подписано к печати 09.04.2008. Формат 60x90 1/16.
Бумага офсетная.
Печ. л. 13 . Тираж экз. Заказ

ЗАО «Книжный мир»
Москва, ул. Ак. Королева, д.
(495) 619-01-63, 618-01-42